

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

**СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

Выпуск 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1958

АУК СССР

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Выпуск 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1958

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

С. Т. СТОЙКОВ

ГОВОР СЕЛА ТВЫРДИЦЫ (СЛИВЕНСКОЙ ОКОЛИИ В БОЛГАРИИ) И СЕЛА ТВАРДИЦЫ (МОЛДАВСКОЙ ССР)

Как известно, в диалектах постоянно происходят изменения, затрагивающие, хотя и в различной мере, все их стороны — звуковой состав слова, грамматический строй и словарь. Однако в литературе по диалектологии, в особенности в славянской, все еще нет таких исследований, которые бы конкретно показывали, какие изменения произошли в данном диалекте в течение известного периода времени, и, таким образом, раскрыли бы на основании фактического материала, в какой степени эти изменения затрагивают отдельные стороны диалекта — звуки, формы и слова — и с какой быстротой они совершаются. Причину этого следует искать в отсутствии материалов одного и того же диалекта в различные (более или менее отдаленные) эпохи.

Известные данные о виде и характере изменений в диалектах можно приобрести и иными (косвенными) путями, например, сравнивая нынешнее состояние двух диалектов общего происхождения.

В настоящей работе перед нами стоит задача показать, в какой мере сохраняется близость между двумя болгарскими говорами, составлявшими в начале прошлого века одно целое, а затем разделившимися и развивавшимися вполне самостоятельно в совершенно различных культурно-исторических и экономических условиях. По различиям, устанавливаемым нами, мы осмеливаемся делать некоторые выводы об изменениях в каждом из двух говоров и даже в некоторой мере о вызыва-

ших их причинах. Следует оговориться, что не все тождественные современные черты в обоих говорах исконны, унаследованы. Вполне возможно, что некоторые из них появились в результате тождественного, параллельного развития, но для наших целей это не имеет существенного значения.

Один из говоров, являющихся предметом нашего исследования, — говор села Твырдицы в Болгарии (Сливенской околии), а другой — говор села Твардицы в Советском Союзе (Молдавская Советская Социалистическая Республика, Бессарабия).

Нынешние обитатели села Твардицы Молдавской ССР являются потомками выходцев из села Твырдицы (Сливенской околии), покинувших в 1829 г. пределы своей родины и переселившихся в Россию, чтобы спастись от турецкого ига. В России они поселились в Бессарабии и основали новое село, назвав его, как и прежнее, Твардицей, теперь их более 5000 человек; все они бережно хранят свой родной язык. Сливенское село Твырдица также довольно велико. В наши дни оно насчитывает приблизительно 4200 жителей, из которых около трети составляют переселенцы, прибывшие из других деревень после освобождения Болгарии, в особенности же после 1920 г. в связи с работами по добыче найденного поблизости антрацита. И в этом селе старожилы хорошо сохранили свой родной говор.

Данные о нынешнем состоянии говора села Твардицы (Молдавской ССР) мы находим у советских болгароведов Н. В. Котовой и Т. В. Швецовой. Первая из них довольно подробно излагает в статье „Говор села Твардицы Молдавской ССР“¹ фонетические и морфологические особенности говора, а вторая в работе „Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы“² дает часть его словаря — имена существительные. Данные о нынешнем состоянии говора с. Твырдицы (Сливенская околия) собраны мной. В июне 1955 г. пишущий эти строки посетил вместе со студентом Болгарского

¹ „Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР“, т. II. 1950, стр. 270—308.

² „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 2. М., 1952, стр. 84—98.

отделения Филологического факультета Софийского государственного университета Иваном Кочевым с. Твырдицу с целью изучить характерные особенности его говора. Следующим этапом работы было установить при помощи упомянутых работ Н. В. Котовой и Т. В. Швецовой, до какой степени сохранилась старая языковая общность обоих сел, а также какие диалектные различия появились между ними за период в 120—130 лет, когда оба говора находились в совершенно различных культурных и экономических условиях, причем между ними не было никаких связей. Говор с. Твардицы в Молдавской ССР развивался в отрыве от остальных болгарских говоров в Советском Союзе, под влиянием русского и отчасти румынского литературного языка. Говор же с. Твырдицы развивался в соприкосновении с другими болгарскими говорами, в особенности в течение последних десятилетий, за которые появилось значительное число переселенцев, и испытал сильное воздействие со стороны болгарского литературного языка.

Языковые особенности рассматриваются нами в трех разделах: фонетика, морфология и лексика. В первых двух разделах для большей наглядности в общих чертах мы придерживаемся порядка изложения Н. В. Котовой и следуем принятой ею системе фонетической транскрипции, при замене лишь нескольких знаков (ѣ вместо е^и, ѿ вместо ѹ^о, Ѽ вместо ѿ^а и ѵ вместо ѡ^и); примеры в разделе лексики даются, также в целях единства, по принципу Т. В. Швецовой, в упрощенной фонетической транскрипции.

ФОНЕТИКА

В области фонетики между говорами с. Твырдицы и с. Твардицы обнаруживаются некоторые не очень существенные различия³.

³ В дальнейшем мы не оговариваем, что село Твырдица находится в Сливенской околии Болгарской Народной Республики, а село Твардица — в Молдавской ССР, так как за каждым названием закреплено свое написание — Твырдица и Твардица.

Гласные звуки

По числу, виду и употреблению гласных в говорах с. Твырдицы и с. Твардицы нет существенных различий. Говор с. Твырдицы разделяет все характерные особенности говора с. Твардицы:

1. Имеется шесть гласных фонем *и*, *е*, *а*, *ъ*, *о*, *у*, и широкого (открытого) *е* (ä), представляющего вариант *е*.

2. Из гласных лишь *и* и *у* имеют одинаковое звучание в положении под ударением и без ударения. Остальные гласные *а*, *е*, *ъ*, *о* под ударением сохраняют свой звуковой облик, а в безударных слогах изменяются (редуцируются) в большей или меньшей степени.

3. Безударный гласный *е* довольно сильно редуцируется и произносится как *и*, *ё* или *ä*. Только в звательной форме в безударных слогах он сохраняется ввиду сильного удлинения и особой интонации (*Ивáне*, *Стéфáне*, *Стуйéне*, *Мáрýк'е*, *Ивáнк'е*, *бóже*, *сíне*, *мóме*).

Чаще всего безударное *е* произносится как *и* независимо от своего нахождения в предударном или заударном слоге: *ден* — *дин'б*, *свеш* — *свиштб*, *жинá*, *систrá*, *мисб*, *нибé*, *нидéл'ä*, *вичéр'ä*, *ичумíк*, *пирá*, *сид'ä*, *читá*, *изнисá*, *пичéл'ä*, *чиврëс*, *агни*, *вóжи*, *грóэди*, *дéти*, *слбнци*, *мумíчи*, *вéчи*, *ништá*, *играíми*.

Иногда безударное *е* звучит как *ё* — звук средний между *е* и *и*. Артикуляция этого звука очень изменчива: в некоторых случаях она приближается к артикуляции *е*, в других же — к артикуляции *и*. Часто заметно колебание в произношении одного лица, даже в одних и тех же словах. Так как нам не удалось установить какой-либо закономерности в употреблении различных оттенков *ё*, во всех случаях они отмечаются одним знаком *ё*: *крéвáт*, *мëсáл*, *брéна*, *рëкб*, *сéд'áнкä*, *хéптéн*, *сéй'и*, *мáрáшë*. В с. Твардице в этих случаях слышится звук, более близкий к *и*, чем к *е*, поэтому Н. В. Котова и обозначает его с помощью знака *и^ё* (*нидéл'ä*, *прáс^ёту*, *и^ёрáн*).

Интересно отметить, что и в говоре с. Твардицы существует колебание в произношении безударного гласного *е* — как *и* или *ё* (*и^ё*).

В некоторых случаях в соседстве с сонорным согласным, главным образом в суффиксальных слогах и в абсолютном конце слова, гласный *е* редуцируется в ä — звук, средний между *а* и *ъ*, с предшествующим мягким согласным: *об'äт*, *с'äнб*, *прóл'äт*, *вëс'äнцä*, *вéчäр*, *рåшéту*, *чåрвéн*, *пéп'äл*, *бåбр'äк*, *вëгл'äн*, *грéб'äн*, *бл'äн*, *жåд'äн*, *лéб'äн*, *лëс'äн*, *пåпp'äн*, *чéр'äн*, *вïд'äф*, *хóд'äф*, *вëтр'ä*, *гóр'ä*, *нåпрéд'ä*, *плáнн'ä*, *пудíр'ä*, *сéтн'ä*, *мéн'ä*, *тéб'ä*. В этих случаях в говоре с. Твардицы обнаруживается широкое (открытое) *е*: *глад'äн*, *вëтр'ä*, *мéн'ä*.

4. В говоре с. Твырдицы, как и в говоре с. Твардицы, встречается особый гласный — широкое (открытое) *е* (ä) с предшествующим полумягким согласным. Это широкое *е*, однако, не является самостоятельным звуком (фонемой), а представляет собой лишь вариант гласного *е* и гораздо более ограничено, чем в говоре с. Твардицы, в котором оно выступает также и в роли варианта гласного *а*. Этот звук встречается главным образом в членной форме множественного числа -te, являющейся обычно носителем побочного ударения: *вр'äмë*, *тъд'äс*, *вáдит^ä*, *глáвít^ä*, *гурйт^ä*, *камáнт^ä*, *кráвит^ä*, *кунéт^ä*, *рьцéт^ä*, *рунйнит^ä*, *снóпит^ä*, *свáтуфт^ä*, *улóвит^ä*, *дрúг'ит^ä*, *мëшк'ит^ä*, *пб́рвít^ä*, *сíчк'ит^ä*, *двéст^ä*.

В индивидуальном произношении некоторых лиц (например, у Янковицы Лукувты, 70 лет) широкое (открытое) *е* звучит как ä: *снóпит^ä*, *чáнит^ä*.

5. Гласный *а* в безударном слоге редуцируется слабее и звучит в большинстве случаев как ä (средний звук между *а* и *ъ*, ближе к *а*), а иногда и как ъ (среднее между *а* и *ъ*, ближе к *ъ*).

Гласный *а* звучит как ä обычно в предударном и в заударном слогах или же в абсолютном конце слова: *бåхчá*, *бåштá*, *пárä*, *сáпúн*, *тákбф*, *дáскäл*, *лëскäф*, *хúбайф*, *вíлä*, *вáдä*, *зýмä*, *ризä*, *двá стблä*, *зéлä Тóдурä*, *бåлдóзä*.

Гласный *a* звучит как ё почти всегда в абсолютном конце слова после согласного: *нёдёл'ё*, *иёнтёйёйё*, *ик'индиёйё*, *ну-сийё*, *рёк'иёйё*, *ниёйё*, *виёйё*, *вирёгё*. Однако этот звук встречается иногда и в предударном слоге, обычно в соседстве с сонорным согласным или после лабиального или велярного согласного: *дёрмён*, *брёшнё*, *плёжицё*, *пёпур*, *кёмйнё*, *кёко*, *кёкёфё*.

И в безударном гласном *a* отмечаются случаи колебания между *а* и ё: иногда одно и то же слово в произношении одного и того же лица слышится то с *а*, то с ё: *пойёс* и *пойёс*, *чесан* и *чёсэн*, *пёвранк'и* и *пёврэнк'и*, *пёпур* и *пёпур* и др.

6. Безударный гласный ё обычно слабо редуцируется и звучит как ё: *мёш* — *мёжё*, *рёш* — *рёштё*, *дёскá*, *дёштёр'я*, *рёждá*, *стёлб*, *увёсё*, *эёт'ё*, *кён'ё*, *дёштё*, *пёчнёт*, *мёсл'ёт*, *сёбáр'ёт*.

В редких случаях, преимущественно в закрытых суффиксальных слогах, он редуцируется в ё: *в'атёр*, *бён*, *п'асак*, *пётак*, *тёжак*, *тёнак*.

7. Безударный гласный о сильно редуцируется и переходит обычно в у: *нош* — *нуштё*, *сёл* — *султё*, *рёк* — *ругё*, *дёр* — *дурёви*, *жёп* — *жубёви*, *гёдёш*, *кулён*, *гурё*, *кусё*, *мумё*, *прусё*, *хурё*, *угнёшти*, *вёну*, *эбрёну*, *мёслу*, *прасту*, *дёту*, *ништу*, *тёмну*, *чёсту*.

В отдельных случаях, главным образом после лабиального согласного, встречается редукция безударного о в ё (звук, средний между о и у): *мётика*, *пёлицё*, *пёднош*.

Гласный о сохраняет свой звуковой облик в безударных слогах лишь в эвативной форме: *Элато*, *Магдо*, *сёнко*, *бабо*, *мамо*, *сестро*.

8. Находясь в безударных слогах, гласные иногда полностью редуцируются. Этот вид редукции чаще всего встречается у гласного и в заударном слоге, но только в известных морфологических категориях, например, в форме множественного числа: *вёнёнцё*, *вёс'янцё*, *к'исёлцё*, *кубёлцё*, *мёсёнцё*, *пипёренцё*, *жубёфтё*, *свётуфтё*, *чурёптё*, *гулёмтё*.

Гласный е выпадал в словах *ээнсá*, *пундёл'ник*, *к'ермида*, *прасту*, *прёдёнту*, *святёванту*, *мёсцё*, *бат Г'ёрг'и* и др.; гласный о — в *грун*, *пул'вина*, *сурмáх*, *сёрвак'и*, *твáр'я*, *г'ёл'кфту*, *нёгуфту*, *дёт*, *кат*, *штот*; гласный а — в *чёркуфтá*, *хёбáфтá*, *мумчéттá*, *пíлёттá*.

В некоторых из приведенных случаев выпадение гласных носит факультативный характер и зависит от темпа речи. Поэтому в этих случаях наблюдаются дублетные формы — с выпадением и сохранением согласного, например: *мёлá* и *мёллá*, *фце* и *фцё*, *гулёмтё* и *гулёмитё*, *ду дмá* и *ду думá* и пр. В большинстве слов, как *ээнсá*, *твáр'я*, *сурмáх*, *сёрвак'и*, *грун*, *вёс'янцё*, *мёсёнца*, *к'ермида*, *чёркуфтá* и других, выпадение обязательно. Сходные нормы наблюдаются и в говоре с. Твардицы.

Согласные звуки

В системе консонантизма двух сел нет почти никакой разницы. Из совпадений нам важно отметить следующее.

1) Одноковое число твердых и мягких согласных фонем и наличие вариантов ю, ѿ, є, ў.

2) Согласная фонема в встречается в трех вариантах: лабиодентальное в, билабиальное в (*w*) и неслогоное у (*ў*).

Лабиодентальное в встречается чаще всего в середине слова перед согласными и между гласными: *дрёвник*, *плёвник*, *плёстбовницё*, *пёвранк'и*, *нёврёт*, *клётва*, *лёквá*, *жётва*, *никёквá*, *свáдба*, *святёна*, *свáку*, *свинка*, *дёвёр*, *кёвáл*, *крёвáт*, *слёвá*, *утёвá*. В ограниченных случаях оно встречается и в абсолютном начале слова: *вёну*, *вичёр'я*, *вёлг'ян*, *вёжи*, *вёлк*, *вёлнё*, *вёrbá*, *вёp'я*, *вёtr'я*.

Билабиальное в встречается очень часто, обычно, в абсолютном начале или в середине слова (перед гласным заднего ряда): *шёд'я*, *шуйнá*, *шёришдбá*, *шёрзёны*, *шётр'я*⁴, *шратник*, *шрёми*, *шрат*, *шрёф*, *шрёшник*, *шрёштам*, *душáр*, *пл'яшá*, *прашá*, *стяшá*, *тёшá*, *трёшá*, *дёршу*, *пёршу*, *нáшуй*, *жишот*.

⁴ Встречается также форма *фётр'я*.

Неслоговое *у* встречается редко, лишь в начале слова перед согласным *r*: *үréми*, *үrátник*, *үrbшник*, *үrbштам*. Перечисленные слова произносятся и с билабиальным *w*, поэтому *ү* следует считать лишь разновидностью *w*, обусловленной согласным *r*.

Билабиальное *v* присуще главным образом речи более пожилых людей (Петране Вачевой Доневой, 75 лет; Калине Драгановой Димитровой, 75 лет; Петку Костадинову Попову, 74 года; Дене Гюргевой, 82 года; Славу Таранжиеву, 95 лет; Янковице Лукувте, 70 лет и др.). У более молодых (Йордан Диможабов, 59 лет; Дена Чорбажиева, 52 лет; Стоян Тодоров Стоянов, 21 года; Веселин Тодоров Вачев, 8 лет) оно встречается реже.

И в говоре с. Твардицы существует билабиальное *v*, обозначаемое Н. В. Котовой посредством *ў*, притом не только в абсолютном начале, но и в середине слова перед согласными, а также и в абсолютном конце слова: *пуtóр'a*, *стóуна*, *либóйник*, *хýбуу*, *праў*, *жуў*, *Ивáнуу*, *д'ён*.

Во многих словах согласный *v* в абсолютном начале и в середине слова выпал: *бd'a* (*водя*), *ол* (*вол*), *бсък*, *удá*, *ўйчу*, *уїníк*, *дувицá*, *тбрник*, *тöри*, *бýул*, *дуár*, *дублéн*, *вэр'á*, *праíй*, *зэрáйам*, *дор* (*двор*), *къкó*, *чётбрка*, *срéдёл*, *циклó*, *слéнчуа*.

Наличие трех вариантов согласного *v*—*v*, *w*, *ў*—ясно показывает, что в говоре с. Твырдицы в настоящее время происходит фонетический процесс, при котором лабиодентальный согласный *v* переходит в билабиальный согласный *w*, после чего выпадает. Тот же самый процесс наблюдается и в говоре с. Твардицы, но там оншел дальше, поэтому лабиодентальное *v* встречается там гораздо реже. Следовательно, в обоих говорах происходит одно и то же фонетическое изменение, но в говоре с. Твырдицы оно в более ранней стадии развития, а в говоре с. Твардицы в более зрелой.

3) В абсолютном начале слова *й* встречается обычно перед *e*: *йéдбр*, *йéнтéрйib*, *йéрг'éни*, *йéри*, *йéрмéйб*, *йéсéн*, но *ёлчá*, *ётбрвá*, *ёэйк*. В середине слова оно всегда сохраняется: *мойб*, *нéйб*, *нусийб*, *ракийб*.

Отмечаются и случаи, в которых гласные *i* и *e* (через *и*) в безударном слоге после другого гласного переходят в согласный *ї* (обычно в абсолютном конце слова, и то преимущественно в глагольных окончаниях: *ниї* (*ниe*), *виї*, *ввршéї* (*ввршее*), *энáї*, *энáими*, *ни муї сбшт баштá*, *пáгуї гр'áх*, *к'уск'її*, *бáхчий*). Подобное явление в связи с согласным *ї* встречается также и в говоре с. Твардицы.

4) Согласная фонема *x* встречается в двух вариантах: глухое *x* и звонкое *ч*.

Глухой согласный *x* сохраняется в абсолютном начале и в абсолютном конце слова, а также и в середине слова между гласными: *хáжкá*, *хáлкá*, *хáмóт*, *хáсбр*, *хóрд*, *хурб*, *хúббф*, *хýркá*, *хуртúвам*, *х'éптéн*, *х'ýлéс*, *гр'ax*, *мъх*, *плъх*, *страх*, *сурмáх*, *духóд'а*.

Звонкий согласный *ч* встречается преимущественно в середине слова, но в некоторых случаях и в абсолютном начале: *дрéчи*, *мáштéчá*, *снáчá*, *уўчá*, *ёлчá*, *лаўчá*, *иссбéчá*, *сéд'áчми*, *сáбáчлéим*, *чутíч*, *чбдéчми*. В отдельных словах звонкое *ч* встречается на месте *г*: *мáчáрэ*, *бчáн*, *чурáтай*.

Интересно отметить, что в отношении согласного *ч* говоры с. Твырдицы и с. Твардицы не различаются. Однако в говоре с. Твардицы упомянутый согласный в значительной мере более распространен, в особенности в абсолютном начале слова. В обоих говорах наблюдается полное тожество в употреблении согласного *ч*. В речи одного и того же лица даже в одних и тех же словах можно услышать то *x*, то *ч* (преимущественно в глагольных окончаниях): *ймáхми* и *ймáчми*, *мужéхми* и *мужéчми*, *кáзáхá* и *кáзáчá*, *пíсáхá* и *пíсáчá*.

В абсолютном начале слова перед сонорными согласными *r* и *l* согласные *x* и *ч* выпадают: *рán'a*, *рáná*, *л'ап*. Иногда они также выпадают и в середине слова между гласными и перед сонорным согласным, причем предыдущий гласный удлиняется: *дрéи*, *брéи*, *кáшр*, *б'áа*, *вíд'áа*, *мáнá сá*, *сáбáлéим*, *тóли*, *стáнáми*, *рánéми*. Выпадение *x* и *ч* в середине слова не является общим явлением, поэтому наблюдаются дублетные формы с сохранением и выпадением согласного *x*, *ч*: *брéхи* и

брéи, сáбáлéим и сáбáлéим, б'áý и б'áä, ýмáýми и ýмáми.

5. Согласный *ф* имеет два варианта: лабиодентальное *ф* и билабиальное *ф* (?) .

Лабиодентальное *ф* встречается только в абсолютном начале и в середине слова перед согласным: файдá, финéр, фуе, засéфк'i, убýфк'i, пуфти.

Билабиальное *ф* встречается преимущественно в абсолютном конце слова вместо лабиодентального *ф* (връф, кръф, пойуф, i'ург'óф жиф, ноф, никакбф, трéскáф) и вместо *x* (кужúф, т'aф, ýмáф, поинáф, пустбпиф, рéкаф, стуйдáф). В середине и в абсолютном начале слова билабиальное *ф* встречается реже и обычно после заднего гласного, преимущественно *у*: руфийб, суфрá, чуфли́к, дуфáдът, фамíлийб, фýрна, фýтр'á.

Лишь в отдельных словах встречается и обратная замена *ф* согласным *x*: кóхá, кухáр, кухийб, ѹух'ý, хýрна, кáртох, кákбх, и ушáх. Данное явление есть последний момент перехода *ф* в *x* через *φ*.

В говоре с. Твардицы также имеется билабиальное *φ*. Н. В. Котова его означает *ф^z* и утверждает, что это своеобразный звук — „средний между *ф* и *x*“, „по артикуляции... сходен с *ф*“, но „различие артикуляции заключается в том, что при образовании *ф^z* щель между губами (!) остается более широкой, чем при образовании *ф*“⁵. Этот согласный встречается гораздо чаще, чем в говоре с. Твыридицы, и, по мнению автора, его наличие находится в связи с „живым фонетическим процессом вытеснения согласного *ф* звуком *x*“, так как „замена *ф* звуком *x* совершается через промежуточную стадию *ф^z*“⁶.

Интересно отметить, что в обоих говорах в одной и той же позиции, даже в одних и тех же словах, встречаются *ф* и *φ*, *φ* и *x*, и даже *ф*, *φ* и *v*; таким образом, имеются дублетные

⁵ Н. В. Котова. Говор села Твардицы Молдавской ССР. „Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР“, т. II. 1950, стр. 277.

⁶ Там же.

формы, например: суфрá и суфрá, ф сéлу и φ сéлу, фýрна и хýрна, ушáф и ушáх, глéдáх и глéдáф, фýтр'á, фýтр'á и вóтр'á. Кроме того, в обоих говорах билабиальное *φ* иногда замещает *ф* и *x*, причем в некоторых случаях, например, в глагольном окончании прошедшего времени -x, случаи с *φ* вместо *x* преобладают, что и дает нам возможность говорить о наличии не только процесса *ф > x*, установленного Н. В. Котовой, но и процесса *x > ф*, встречающегося, между прочим, во многих северовосточных болгарских говорах.

По мнению Н. В. Котовой, в говоре с. Твардицы процесс *ф > x* более активен в языке молодежи. Этого, однако, совсем нельзя сказать о говоре с. Твыридицы: здесь случаи с *φ* вместо *ф* и *x* распространяются на речь всех поколений.

6. Все согласные в рассматриваемом говоре, исключая шипящие *ш*, *ж*, *ч*, различаются по мягкости и твердости.

Мягкие согласные встречаются только перед гласными, и то преимущественно в некоторых морфологических категориях, — в чередовании с твердыми.

Сравнительно чаще мягкие согласные встречаются перед членной формой мужского рода, единственного числа, где не только сохраняется старая мягкость, но по аналогии появляется новая. Так, наряду с зет — зéт'б, път — пéт'б, ден — дин'б, кóн'б, бýн'б, пъдáр'б, уфчéр'б мягкие согласные появились и в словах имóт — имóт'б, живóт'б, хáмóт'б; кázán — кázán'б, кулáн'б, кумýн'б, сукмáн'б; абéр — абéр'б, мисíр'б, пăпýр'б, пăзár'б; г'ул — г'ул'б, дингíл'б; дăрáк — дăрáк'б, ёзíк'б, чувéк'б.

Мягкие согласные встречаются еще и в глагольных окончаниях (вбр'á, бд'á, сид'á, рабут'á, плăт'á, пóвн'á, кál'äm; вбр'óт, бд'óт, сид'óт, рабут'óт, пóвн'óт, кál'óт), в формах множественного числа (брáт'á, кул'á, луз'á), в корневых слогах (п'áсák, в'áтár, б'ал, н'áмä, мл'áку, у'ар, с'áда), в суффиксальных слогах (вðгл'áн, грéб'áн, лéс'áн), в конце слова (зим'á, дбштéр'á, пируст'á, дубр'á, къд'á, вичéр'á, лéл'á) и т. д.

Перед мягким согласным мы находим лишь мягкое *л*, образовавшееся путем ассимиляции: *абъл'к'и*, *бұл'к'и*, *муг'йл'к'и*, *ништәл'к'и*, *учыл'к'и*, *хал'к'и*, *кутъл'ник*, *ништәл'ник*, *кл'учёл'ница*, *измёл'чи*, *стбл'чи*, *къндый'ци*, *гъл'чи*, *мъл'чи*, *пул'выйна*, *дъл'ги*, *дбл'ни*, *мал'к'и*, *пбл'ни*. В говоре же с. Твардицы в такой позиции встречается и смягченное *н*: *копан'чи*, *фидан'чици*. Однако перед твердым согласным не может быть мягкого *л*: *абълка*, *бұлка*, *халка*, *дълга*, *малка*.

В отдельных словах есть случаи утраченной мягкости: *спа*, *бұра*, *била* (*беля*).

Шипящие согласные *ш*, *ж*, *ч* — средней твердости и сходны с соответствующими согласными в болгарском литературном языке.

Перед передними гласными *е* и *и* велярные согласные *к*, *г*, *х* всегда мягкие, как обычно в болгарском языке, остальные же согласные, в особенности *т*, *д*, *н* и *л*, обычно смягченные (полумягкие): *т'е*, *т'исла*, *д'ен*, *д'ица*, *кун'е*, *н'ивь*, *л'еф*, *мисл'i*, *п'ет*, *с'инжир* и др.⁷ В отличие от говора с. Твардицы в нашем говоре согласный *р* перед передними гласными не мягкий, а лишь смягченный: *р'екъл*, *пар'и*.

Вообще же в области мягких согласных говоры с. Твырдицы и с. Твардицы почти полностью сходны.

7. По группам *ър*, *ръ* и *ъл*, *ль* между согласными оба говора нисколько не различаются. В односложных словах гласный *ъ* обычно стоит после плавного согласного: *бръс*, *шръс*, *шръф*, *шръх*, *гръп*, *кръф*, *плъх*, но *дърт*, *пърч*. В многосложных словах позиция гласного *ъ* зависит от числа согласных после групп *ър*, *ъл* и *ръ*, *ль*: *върбá*, *дършу*, *кърпá*, *стърчийшкá*, *абълка*, *вълнá*, *слънци*; *връбница*, *дръвник*, *връзвам*, *пръчка*, *глътнá*. В говоре с. Твырдицы слова *врата*, *страна*, *среда*, *крака*, по аналогии со случаями, когда *ър* находится перед одним согласным, звучат *въртá*, *стърнá*, *сърдъ*, *къркá*.

⁷ Чтобы не усложнять фонетическую транскрипцию, полумягкий (смягченный) характер согласных перед передними гласными *е* и *и* отдельным знаком обычно нами не отмечается.

В рассматриваемом нами говоре встречаются долгие гласные и согласные во всех тех случаях, на которые указывает Н. В. Котова⁸.

К истории звуков

Историческое развитие звуков говора с. Твырдицы в общих чертах одинаково с развитием звуков говора с. Твардицы и разделяет все его характерные особенности. Из них важно отметить следующие.

1. Произношение древнеболгарского *ѣ* под ударением перед твердым согласным и в абсолютном конце слова как '*а*: *л'ап*, *в'атър*, *мл'аку*, *б'ал*, *б'алъ*, *гул'ам*, *у'ал*, *дв'a*, *дубр'а*, *къд'а*, *зл'а*, *нушт'а*, *дин'а*, *умр'а*, *вид'а*. Однако формы *ръце*, *колене*, *рамене* произносятся с *е*: *ръцé*, *кулинé*, *рамёнé*, тогда как в говоре с. Твардицы они засвидетельствованы с '*а*: *рау'а*, *кулин'а*, *рамин'а*.

Перед мягким слогом под ударением и без удара древнеболгарский *ѣ* произносится как *е* или *ё*, и в середине слова, а в абсолютном конце слова — как '*а* и как *ä* (в членной форме множественного числа): *врёми*, *надёл'а*, *сёми*, *бёли*, *гулеши*, *леб'ян*, *цéн'а*, *нешту*, *срёштă*; *брёгъ*, *дичá*, *свиштъ*; *вѣтр'а*; *плáнна*'*а*; *гурйт'а*, *кунёт'а*, *шейнйт'а*. Исключение составляют только глагольные формы 1 и 2-го лица множественного числа имперфекта и аориста '*ахми*', '*ахти*', в которых появляется произношение с '*а* перед мягким слогом по аналогии с остальными формами: *сёд'а*'*хми*, *сёд'а*'*хти*. В говоре с. Твардицы безударное *ѣ* перед мягким согласным произносится как *е*, а перед твердым — как открытое *е*: *сéн'и*, *бёли*, *р'ежъ*; *бр'ах*, *с'акá*, *проб'ят*, *с'ано*, *сн'ягъ*, *вѣтр'я*, *ўтр'я*.

2. Последовательно проведенный умляют этимологического '*а* (*я*) в *е* под ударением перед мягким слогом: *пул'ана* — *пулёни*, *чанта* — *чёнти*, *йаш* — *йёшти*, *д'ул'б'а* — *д'ул'б'ёни*, *йерé*, *прийётёл*, *пийёни*, *Стуйёне*, *Стуйён'е*, *патлижёни*,

⁸ См. Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 279—280.

мержёни, жёби, шёпки, чёши, пичёл'я, кárkáчéни, кл'учéли-
ници, вéнчéйя. Умляут 'а в е засвидетельствован и в словах
ухчéр, чéшá, где он появился по аналогии с формами множе-
ственного числа ухчéри, чéши.

3. В говоре с. Твардицы открытое *e* (ä) встречается не только на месте древнеболгарского *ѣ*, но также и вместо древнеболгарских *B*, *Ѣ* и *E*: вместо *ь* в суффиксах прилагательных (*сýл'ян*, *вéр'ян*, *глáд'ян*, *кýс'ял*) вместо *ѧ* в словах *дéв'ят*, *дéс'ят*, вместо *e* в суффиксах страдальных причастий (*нáпбóл'н'ян*, *нák'йт'ян*) и в отдельных словах (*п'áро*, *б'áра*, *кóр'ян*, *вéчáр* и др.)⁹. В говоре с. Твырдицы, как уже было указано (см. выше стр. 2, п. 3), в большинстве из этих случаев встречается слегка редуцированный гласный ъ — звук, средний между *a* и ъ, но более близкий к *a*, совпадающий с одним из вариантов безударного ъ, который мы обозначаем с помощью знака ä. Перед этим гласным согласный всегда мягкий, а не смягченный. Подобный гласный на месте безударного *e* установлен в сливенском говоре Л. Милетичем (обозначающим его знаком *e*¹⁰) и П. Панайотовым (обозначающим его, довольно неудачно, знаком 'ъ¹¹). Так как Л. Милетич определяет его довольно общими словами „слаборедуцированный палатальный еровый гласный“, „еровий смешаний среднеязычный гласный с темной звуковой окраской“¹², а П. Панайотов вообще не останавливается на его артикуляционных и акустических особенностях, то Н. В. Котова допускает, что это гласный, близкий к широкому (открытыму) *e* (которое П. Панайотов обозначает знаком 'ъ). По нашим наблюдениям, в говоре с. Твырдицы, так и во всем сливенском говоре, это несколько продвинутый вперед еровый гласный, передаваемый болгарской фонетической

⁹ См. Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 281—282.

¹⁰ „Източните български говори“. Сб. „За народни умотворения“, кн. XXI. София, 1905, стр. 35.

¹¹ „Сливенският говор“. Сб. „За народни умотворения“, кн. XVIII. 1901, стр. 510.

¹² Там же, стр. 35.

транскрипцией с помощью знака ъ¹³. Он четко отличается от открытого *e* (ä), поэтому следует считать наблюдения Л. Милетича и П. Панайотова правильными¹⁴. В отношении редукции безударного *e* в некоторых позициях говоры с. Твырдицы и с. Твардицы довольно различны.

4. Произношение древнеболгарского Ѵ под ударением как ъ, а без ударения как ь: *мъш* — *мъжé*, *зъп*, *път*, *въгл'ян*, *къштă*, *събутă*, *ръцé*, *сéдът*, *пóчнът*.

Иключение составляет только глагольное окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени I и II спряжения, которое звучит как *a*: *пикá*, *пъсá*, *читá*, *сид'á*, *цéр'á*, *мóйá*, *купáйá*, *ráбут'á*.

В некоторых словах женского рода, например: *рéкъ*, *сърдъ* (и *срéдъ*), *стéнъ* и *чéрдъ*, встречается гласный ъ на месте древнеболгарского Ѵ, но они составляют исключение, так как в нашем говоре имена существительные женского рода оканчиваются на -а: *глáвá*, *гурá*, *жинá*, *ръкá*, *удá*. Слова *рéкъ*, *сърдъ* (*срéдъ*), *стéнъ*, *чéрдъ* в говоре с. Твырдицы распространяются на речь всех лиц и являются вполне нормальными. Интересно отметить, что случаи с ъ вместо *a* в словах *ср'áдъ*, *глáвъ*, *тр'áвъ* встречаются и в говоре с. Твардицы опять-таки в речи представителей всех поколений, но они очень редки.

5. Рассматривая историческое развитие древнеболгарских гласных, Н. В. Котова не останавливается на *a*, *ь* и ъ. А они имеют значение для полной характеристики говора.

Древнеболгарский ѧ последовательно заменяется *e*, которое в безударных слогах переходит и в и: *зéт*, *клéтвá*, *пéтák*, *чéсту*, *ётбрá*, *йéдбр*, *ичумíк*, *мисó*, *прáси*. Оно сохраняется после шипящих согласных и ѣ, т. е. в говоре

¹³ Ст. Стойков. Правила за фонетично записване на български диалектни текстове. Сп. „Български език“, III, кн. 1. София, 1953, стр. 72—74.

¹⁴ Знаком 'ъ обозначает этот звук и Ал. Бурмов, который очень точно передает фонетические особенности своего родного говора (см. сб. „За народни умотворения“, кн. XXXVIII. 1930, стр. 5).

нет смешения юсов в этих случаях: *шéпá, шéтм, жéдн, жéтв, ёзк, зек*. Исключением являются лишь формы винительного падежа личного местоимения единственного числа *м, т*, форма винительного падежа возвратного местоимения *с* и получившиеся по аналогии с ними формы винительного падежа множественного числа *на, в*. Гласный ** в этих формах, однако, правильнее рассматривать как результат редукции безударного *e*, так как эти формы всегда находятся в безударной позиции, чем как результат смешения юсов.

Характерны для говора также слова *желт, жн, (жать), зм, душл с e на месте древнеболгарского ь*. Обычно на месте древнеболгарского ь встречается *e* или ** (*лсн, мгл, хскф, тмн*), а на месте древнеболгарского ь — гласный ** (*мх, рш, бклиц, дск, ксну, бук, син, бл*).

6. Лабиализация и в *у* встречается в единичных случаях: *чуш, ичумк, чуфлк, сурмх, вирг, пулувам, утувам*. В говоре с. Твардицы она „довольно частое явление“¹⁵.

7. Замена *e* в абсолютном конце слова звуком *'a* в словах турецкого происхождения, например: *зхип, кф, пирд, шкимб, бил, зд, сфт, киш, чикмиж*, но *душм, шиши*. При этой замене существительные *зхип, кф, пирд, шкимб, киш, чикмиж* перешли в категорию женского рода, тогда как в большинстве диалектов и в литературном болгарском языке они среднего рода — (*захире, кафе, переде и др.*)

8. Стяжение окончания *-иa* в *'a* лишь в некоторых словах турецкого происхождения, например: *нр, прл*¹⁶,

¹⁵ По нашему мнению, в случаях, как *Блчув дол, нашу, вшу, очу, Гриuf, Плуuf* на лице не лабиализация и в *у*, а редукция безударного *o* в *у*, потому что здесь нет первичного *e*. В говоре с. Твырдицы формы *чий, мой, нашу, вшу* — нормальны.

¹⁶ По мнению Н. В. Котовой, „иногда это стяжение используется для дифференциации значений слова“, и как пример она приводит слово *парл*, обозначавшее ‘шляпу’, и ‘круглый низкий столик на трех ножках’, которое теперь употребляется только в первом, значении, а для обозначения ‘стола’ употребляется слово *парл*. В этом

пируст, тиник, в то время как в большинстве слов оно сохраняется: *йнтрй, йрмй, икиндй, климй, кусй, нусй, ракй, руфй, үтй* и др. В говоре с. Твардицы случаев с *-иx > -* гораздо больше.

9. Отсутствие мягких согласных в абсолютном конце слова и расширение употребления мягких согласных перед членной формой для мужского рода единственного числа (см. выше, стр. 13).

10. Сохранение согласного *x*, в особенности в абсолютном начале слова (см. выше, стр. 11).

11. Полное отсутствие аффрикат *ц* и *с (з)*: *жам, жбри, жоп, бжа, бжн, бйржк, мнж, синжр, птлиж, чикмиж, куж, улаж*.

12. Ограниченнное число случаев с взаимной заменой согласных *v'* и *и*. В одних из них *v'* перешло в *и* (*лй, прай, зрй*), в других же — *и* в *v'* (*круv, стuv*).

13. Изменения, происходящие в целых группах согласных. Комбинаторные изменения в группах согласных вполне тождественны в обоих говорах. Так, например, сочетание *дн* всегда переходит в *нн*, и даже в *н* (*бнни, глнни ин, знници, пнн, снн, плнн, пници, руннни*), сочетания *шч* и *сч* — в *хч* и *хч* (*нхчи, прахчи*), а сочетание *ск* — в *цк* (*авжц, пшк, бургц, илнц, пт, ттрц, стн, трц, Муглц мраш, Сймнц, пул, Блкнцт шуй*).

В единичных случаях в говоре с. Твырдицы засвидетельствованы также и следующие изменения:

вн > mn — грым

mn > вn — пв, стрбvn пул

sc > shc — шчи

pt > ft — фтич

случае, по нашему мнению, нет смыслоразличительного стяжения окончания, а просто мы имеем дело со старым словом *прл* со значением ‘низкий стол’, встречающимся и в говоре с. Твырдицы наряду с более новым словом *парл* со значением ‘шляпа’, заимствованным из румынского языка после переселения.

14. В говоре с. Твырдицы встречаются и другие комбинаторные звуковые изменения, не отмеченные Н. В. Котовой:

а) изменения отдельных гласных:

a > e — дёлéчё, брёна

y > o — бáрот

o > a — пánýдá, пáтýри

e > o — ѹбфтёну, чóл'ус

e > є — нéкá

и > a — тýрчáн, чáрак, шáра, шáроk;

б) эпентетический гласный *у*: *к'умéт (кмет), кувáчка;*

в) изменения отдельных согласных:

m > n — сни (сме), куршúн

n > л — лáгýт

ж > з — чýэди

ц > ч — дичá

ч > ж — журáп

к > г — пулéгá — лéгá

ч > к — вéк'i;

г) эпентетические согласные:

г — наmíргám

х — хýзбá;

д) выпадение согласных:

б — тp'áa

м — маини (мамини), нóгу, н'áа

т — сблíи

д — дóй, нес, нескá

ж — мбё (може), кái

й — ѹвжíцка, мáстур, пíна, Мáркá;

е) выпадение слогов и контракция: *гóглáвá (голова), га (кога), гáту (когато), ко (какво), мош (можеш), д иш (да идеш) и др.;*

ж) метатеза: *гнáла (глинá), пурклéти (проклети), свáбда, увýшти (воиште).*

МОРФОЛОГИЯ

В области морфологии различий между говором с. Твырдицы и говором с. Твардицы сравнительно меньше.

Имена существительные

Между формами имен существительных в обоих говорах нет значительных различий. Говор с. Твырдицы разделяет все наиболее значительные особенности говора с. Твардицы.

1. Существительные женского рода с окончанием на *-а* под ударением и на *-á* без ударения: *глáвá, гурá, жинá, зíмá, лéскá, мумá, пéснá, рéкá, систrá, удá, дўштéр'á, пируст'á, бúлкá, вóлнá, зýмá, кбштá, кráвá, пýтá, стáйá, вичéр'á, сббутá.*

2. Форма определенно-множественного числа с окончанием на *-a* в существительных мужского рода: *двá блá, двá хáсбрá, трíй бákбрá, трíма братá, чéтири жéгблá, пéт мáсýр'á, дéсёт лéфá, двáнáйсá пárмáкá, сто грóшá, двéст'á сно́пá.*

3. Форма *пóт'á* определенно-множественного числа от слова *път* (*пéт пóт'á, на двá-трíй пóт'á, чéсту пóт'á*). В других говорах, как и в литературном болгарском языке, засвидетельствована форма множественного числа *пóти*.

4. Две формы множественного числа от существительного *дéти — дичá и дицá*, первая из которых встречается довольно часто в речи пожилых людей, а вторая обычна для молодежи.

5. Форма родительного-винительного с окончанием *-á* в личных именах и в словах-названиях родственных отношений, употребляемая как косвенный падеж: *Симиёнá пóвн'á, Стойкá гу пóвн'á; на Кол'á майкá му, зéлá Пéткá, зéлá уд Дáкуф Кол'á, на Гéрí'уп Ивáна дáдух, ут Йpчá, при бráтá си, на свéкрá ми, пузнáвът тéт'á, сб свáкá Стуйáнá, идí пýтай д'áдá Йáнкá, при д'áдá си утýдé дá живéй, завéдухми г'и у д'áдá тý Цóн'á.*

6. Остатки других падежей, например, родительный падеж в определенных словосочетаниях (*двáйсе гóдин, наvréти у гурáта съм хбдилá бéс стрáхá дá ми дойдé, н'áмá цáрá за булéстъ ми, н'áма срáмá*) или в наречиях (*думá¹⁷, у думá 'дома, домой', ут думá 'из дома'*).

¹⁷ По мнению Н. В. Котовой (см. указ. соч., стр. 287, § 5), форма *думá* „иногда употребляется и в смысле ‘из дома’“, но в говоре с. Твырдицы такого значения она не имеет.

7. Эвательная форма на *-е*, *-о* и *-у* (в существительных мужского рода) и на *-ё*, *-о* (в существительных женского рода): *Ивáне*, *Стуйéне*, *сýнэ*, *сýнко*, *прийéтел'у*, *Ивáнк'е*, *Мáйдо*, *бáбо*, *мáмо*. Эвательная форма употребляется и в таких выражениях, как *íмётu my Стуйéне*, *имётu им Ивáнк'е*. Н. В. Котова не упоминает о них, поэтому мы допускаем, что в описываемом ею говоре они не встречаются.

8. Членная форма слов мужского рода единственного числа под ударением *-ó*, а без ударения *-ö*: *бук* — *букö*, *гърп* — *гърбö*, *дар* — *дárбö*, *кумö*, *мъжö*, *рёдö*, *синö*; *г'ул* — *г'ул'ö*, *жам* — *жáмö*, *зéт'ö*, *пóт'ö*, *снóпö*, *жéглö*, *бúлán'ö*, *мéхузö*.

9. Членная форма слов женского рода единственного числа без ударения *-tä* и под ударением *-tö*: *гурá* — *гурáтä*, *мумá* — *мумáтä*, *кулáтä*, *ръкáтä*, *систráтä*; *нивá* — *нивáтä*, *риéбä* — *риéбáтä*, *сéд'анкáтä*; *нош* — *нуштö*, *ръш* — *ръштö*, *вéчáртö*, *пруl'äтö*, *прéстö*, *мéснустö*, *сáблéнтö*. В говоре с. Твардицы членная форма под ударением обычно звучит *-tä*: *пруl'äттä*, *вичáртä*, *нуштä*, *млáду^oстá¹⁸*), однако встречается, хотя и очень редко, и *-tö*: *сутр'интö*.

10. Членная форма слов среднего рода единственного числа *-tu*: *дéти* — *дéтитu*, *вýнутu*, *эþрнутu*, *прáсту*, *сéлутu*.

11. Членные формы для множественного числа *-tä* и *-ta*: *вéлцитä* *кунéтä*, *свáтуфтä*, *улóвитä*, *глáвйтä*, *мумítä*, *бóрдáтä*, *эþрнáтä*, *мумчéтä*, *пýлéттä*.

12. Членная форма *мъжéту* от *мъжé*, которая воспринимается как форма собирательная.

13. Подвижное ударение в большей части существительных мужского рода. Особенно разнообразно ударение в односложных существительных, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. / - / - / / - / - - / - - /
<i>л'ап</i>	<i>л'áбö</i>	<i>л'áбуви</i>	<i>л'áбуфтä</i>
<i>сват</i>	<i>свáтö</i>	<i>свáтуви</i>	<i>свáтуфтä</i>
<i>г'ул</i>	<i>г'ул'ö</i>	<i>г'улуви</i>	<i>г'улуфтä</i>

¹⁸ Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 287, 289.

2. / - / - / / - / - - / - - /

<i>нош</i>	<i>нóжö</i>	<i>нужóви</i>	<i>нужóфтä</i>
<i>дор</i>	<i>дóрбö</i>	<i>дурбви</i>	<i>дурóфтä</i>
<i>жоп</i>	<i>жóббö</i>	<i>жубóви</i>	<i>жубóфтä</i>
<i>кош</i>	<i>кóшбö</i>	<i>кушóви</i>	<i>кушóфтä</i>

3. / - / - / / - / - - / - - - /

<i>гос</i>	<i>гóстb</i>	<i>гости</i>	<i>гóститä</i>
<i>пръс</i>	<i>прóстb</i>	<i>прóсти</i>	<i>прóститä</i>
<i>рак</i>	<i>ráкb</i>	<i>ráк'i</i>	<i>ráк'ýтä</i>
<i>сноп</i>	<i>снóпb</i>	<i>снóпи</i>	<i>снóпитä</i>
<i>край</i>	<i>кráйb</i>	<i>крайштä</i>	<i>крайштäтä</i>

4. / - / - / / - / - - / - - /

<i>кон</i>	<i>кóн'ö</i>	<i>кунé</i>	<i>кунéтä</i>
<i>цар</i>	<i>цáр'ö</i>	<i>цáрé</i>	<i>цáрéтä</i>

5. / - / - - / / - / - - - / - - - /

<i>син</i>	<i>синö</i>	<i>сýнуви</i>	<i>сýнувитä</i>
<i>кум</i>	<i>кумö</i>	<i>кумüви</i>	<i>кумüвитä</i>

6. / - / - - / / - - / - - - / - - /

<i>бр'ак</i>	<i>брéгö</i>	<i>брéгуве</i>	<i>брéгувéтä</i>
<i>шрат</i>	<i>шráтö</i>	<i>шráтуве</i>	<i>шráтувéтä</i>
<i>дъш</i>	<i>дóждö</i>	<i>дóждувé</i>	<i>дóждувéтä</i>
<i>дол</i>	<i>дулö</i>	<i>дулиштä</i>	<i>дулиштäтä</i>

7. / - / - - / / - / - - - /

<i>вълк</i>	<i>вълкö</i>	<i>вълци</i>	<i>вълцитä</i>
<i>эзп</i>	<i>эзбö</i>	<i>эзби</i>	<i>эзбитä</i>

8. / - / - - / / - - / - - /

<i>ден</i>	<i>дин'ö</i>	<i>динé</i>	<i>динéтä</i>
<i>крак</i>	<i>кráкбö</i>	<i>кракá</i>	<i>кракáтä</i>
<i>мъш</i>	<i>мъжö</i>	<i>мъжé</i>	<i>мъжéту</i>

Среди двусложных и многосложных имен существительных нет такого разнообразия в отношении ударения. Основные типы по ударению следующие:

1. /— · /— · — //— · — |— · — /

другáр	другáр' ё	другáри	другáрт ё
журáп	журáп' ё	журáпи	журáпт ё
кужúх	кужúхъ	кужúхи	кужúхт ё
кулáн	кулáнъ	кулáни	кулáнт ё

2. /— · /— · — //— · — |— · — — /

дáрák	дáрák' ё	дáрáци	дáрáцит ё
кáлпák	кáлпákъ	кáлпáци	кáлпáцит ё

3. / · — / · — — // · — — // · — — — /

бýул	бýулъ	бýули	бýулыт ё
óрéх	óрéхъ	óрéхи	óрéх'ит ё

4. /— · /— · — //— · |— · — /

жéгъл	жéгълъ	жéгли	жеглит ё
ръжен	ръжéнъ	ръжни	ръжнит ё
скрипéц	скрипéцъ	скрипци	скрипцит ё

14. В именах существительных женского рода с окончанием на гласный ударение обычно неподвижное:

гурá	гурáт ё	гурý	гурýт ё
глáвá	глáвáт ё	глáви	глáвít ё
пéсн'á	пéсн'áт ё	пéсни	пéснít ё
вáдá	вáдáт ё	вáди	вáдít ё
кráшá	кráшáт ё	кráши	кráшит ё
дикáн'á	дикáн'áт ё	дикáни	дикáнит ё
пéтéкá	пéтéкáт ё	пéтéки	пéтéк'ит ё

Иключение составляют только несколько слов с переходным ударением в форме множественного числа:

сéстрá	сéстрáт ё	сéстри	сéстрыт ё
дéштéр'á	дéштер'áт ё	дéштери	дéштéрйт ё

уфуá	уфуáт ё	óфици	уфуéт ё
свин'á	свин'áт ё	свины	свинýт ё

Существительные, оканчивающиеся на согласный, имеют членную форму единственного числа с ударением всегда на последнем слоге:

нош	нушт ё	ношти	ноштит ё
пеш	пишт ё		
ръш	ръшт ё		
вéчар	вéчарт ё		
кóпáн	купáнт ё		
мéснус	мéснуст ё		

Слово *ръка* в речи более пожилых людей имеет ударение на первом слоге (*ръка*), а у более молодых — на последнем (*ръка*). Однако в некоторых сочетаниях оно известно с ударением только на первом слоге, например: *дáл_съм_му* *с_ръка*, *целýвът ръка*, *тува_е на_ръка*. И в отношении этой особенности существует полное единство в говорах с. Твырдицы и с. Твардицы.

15. Некоторые имена существительные среднего рода имеют неподвижное ударение:

áгни	áгниту	áгнит ё	áгнитт ё
бúри	бúриту	бúрит ё	бúритт ё
кóнчи	кóнчиту	кóнчит ё	кóнчитт ё
питlé	питлéту	питлéт ё	питлéтт ё
мумчé	мумчéту	мумчéт ё	мумчéтт ё
грóбши	грóбшишту	грóбшишт ё	грóбшиштт ё
мáчáри	мáчáриту	мáчáрит ё	мáчáритт ё

В некоторых из этих существительных (например: *пýли*, *праси*, *тéли*) засвидетельствовано две формы множественного числа — одна более старая (*пýлци*, *прахци*, *тéлци*), употребляемая главным образом старшим поколением, и другая,

¹⁹ В речи более молодого поколения встречается и форма *уфуé*.

более новая (*пýлитá*, *прáстá*, *тéлитá*), характерная для речи более молодого поколения:

<i>пýли</i>	<i>пýлту</i>	<i>пýлци</i> ,	<i>пýлитá</i>	<i>пýлцит'á</i> ,	<i>пýлитатá</i>
<i>прáси</i>	<i>прáсту</i>	<i>прáхци</i> ,	<i>прáстá</i>	<i>прáхцит'á</i> ,	<i>прáстатá</i>
<i>тéли</i>	<i>тéлту</i>	<i>тéлци</i> ,	<i>тéлитá</i>	<i>тéлцит'á</i> ,	<i>тéлитатá</i>

Иные существительные среднего рода имеют подвижное, переходное ударение во множественном числе:

<i>бýрду</i>	<i>бýрдуту</i>	<i>бýрда</i>	<i>бýрдатá</i>
<i>въжи</i>	<i>въжиту</i>	<i>въжá</i>	<i>въжатá</i>
<i>дéти</i>	<i>дéтиту</i>	<i>дичá, дицá</i>	<i>дичатá, дицатá</i>
<i>сéлу</i>	<i>сéлуту</i>	<i>силá</i>	<i>силатá</i>

16. Между говорами, как уже было упомянуто, существуют некоторые мелкие различия.

1) Формы множественного числа от слов *рок* и *йми* звучат *руг'í* и *иминá*, тогда как в с. Твардице *ругá* (см. статью Н. В. Котовой) и *имин'á*²⁰.

2) Формы *Стујáну^oви*, *чýчу^oви*, *д'аду^oви*, *Рáдини*, *бáбини*, *лéлини*, *чýнини* означают исключительно семейство, дом названного лица, тогда как в говоре с. Твардицы, по сведениям Н. В. Котовой (см. стр. 285, 286), они выражают, кроме того, и просто множественное число. Форма *мáмини* также означает 'дом, семейство мамы' (*мáмини мýсл'óт*, *чи áс ма н'амá*—'мамино семейство думает, что меня нет'); в селе Твардице она, по-видимому, употребляется и как вежливое название лица, *pluralis majesticus* (*И кат си дóдим, мамини са напрáвили милина и пýли зáкляли*)²¹.

3) Формы множественного числа на *-а* в существительных женского рода представляют собой простые формы множественного числа и не имеют значения собирательности: *кул'á*, *къщт'á*, *нив'á* (*дв'á кул'á*, *десёт къшт'á*). В говоре же с. Твардицы они имеют значение собирательных.

²⁰ См. Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 285, 286, § 2—3.

²¹ Там же, § 3.

4) Членная форма множественного числа *-т'á* всегда имеет на себе побочное ударение, как это было уже указано (см. выше, стр. 5): *глáйт'á*, *кунéт'á*, *пýрвít'á*. Очень часто и членные формы женского и среднего рода единственного числа *-та* и *-ту* имеют на себе побочное ударение: *зýмáтá*, *слúжбáтá*, *пýлитú*, *мáчáритú*.

Имена прилагательные

В области имен прилагательных существует также полное единство. Характерными для обоих говоров являются притяжательные прилагательные с окончанием *-уф*, членющиеся в мужском роде непосредственно с помощью *-а*: *чýчувá сýн дóдē*, *на ѿйчува́дор*, *на Стéфáнува́син унúка*, *Лáбáжyевá гéráн*, *Пéтрóвá клáдéнéц*, *Тéрзýевá мóчур*. В говоре с. Твырдицы так же членятся и притяжательные прилагательные на *-ин*: *т'á* и *на бáштина́си дóр*.

Прилагательные *гóр'áн* и *дóл'áн* во всех остальных формах имеют *и* мягкое (*гóрн'á мáчлá*, *гóрн'у круснó*, *гóрн'и луэ'á*: *дóл'н'á мáчлá*, *дóл'н'у въжи*, *дóл'н'и гáшти*), а прилагательное *чéр'áн* имеет и форму *чер* (*чéр гáбáр*).

Имена числительные

И в отношении числительных оба говора не имеют существенных различий. Только членная форма количественных числительных, начиная с четырех, в говоре с. Твырдицы *-тé* (*чéтритé*, *пéттé*), а в говоре с. Твардицы *-т'áx* (*чéтирит'áx*, *пéтт'áx*).

Кроме того, в говоре с. Твырдицы собирательные числительные для лиц мужского пола образуются с помощью суффикса *-мина*, который прибавляется и к более старым формам с суффиксом *-ма* (*двáмáйná*, *трíмáйná*, *шéстимáйná*, *двáнáйсéмýna*, *двáйсéмýna*) и имеет на себе побочное ударение.

И наконец, как это подчеркивает Н. В. Котова, в говоре с. Твардицы „наряду с болгарскими формами широко упо-

требляются и русские числительные, как количественные, так и порядковые. Они уже почти не воспринимаются как чуждые, заимствованные²²: *Týi бéши ф sóру^oк тp'etmatä гудýná. B'ax pérvi zábóbíčik. И ac сa ужéн'äх ф sóru^oк читvérpatä гудýná. Có^oru^okt'äx déňä.*

Местоимения

В области местоимений между обоими говорами имеются известные различия, причем главным образом в некоторых формах личных местоимений. Они выражаются в следующем.

1. В говоре с. Твырдицы общая форма косвенного падежа для 1-го лица множественного числа — *нам* (по происхождению — форма дательного падежа): *Ни нã пýштä ȳä báštít'ä ni nám da izlézim; nám ni izlétiäýä; pëk détyu pýdár'č ídväy при nám; ut nám ni si pu-stáp; t'ápláchi ȳä nám, nã nám výkъt жébit'ä.* В речи младшего поколения она заменяется формой *нас*: *nás puфáliýä, nã nás dáduýä biléshkä, myńäýä kräy nás.*

Для 2-го лица множественного числа общая форма косвенного падежа — *вас* (по происхождению форма винительного падежа): *vác vã ubýcъt, t'á ȳä vác хуртúvá dубré, сýčku dávbt nã vác.*

В говоре с. Твардицы употребительны обе формы — *нас* и *нам*, *вас* и *вам*, но формы *нам*, *вам* переосмыслены. По мнению Н. В. Котовой, последние две формы часто „употребляются с различными предлогами вместо обычной аналитической формы выражения падежей (полная форма винительного падежа с предлогами). В таких случаях эта новая аналитическая форма [на нам, на вам — Ст. Ст.] выражает большее подчеркивание лица, о котором идет речь (т. е. логическое ударение падает именно на местоимение и ударение более сильное, чем при обычной аналитической

²² Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 290.

форме на нас, на вас). Если вместо местоимения *нас* с предлогом употребляется *нам*, то это значит, что говорящие имеют в виду именно себя, т. е. категории лица в данном случае придается большая конкретность, определенность; при употреблении же *нас* объект неопределенен“²³.

2. В говоре с. Твырдицы наряду с формами для 1 и 2 лица множественного числа *ний*, *вий* встречаются также и формы *нийъ*, *вийъ*, не засвидетельствованные в говоре с. Твардицы.

3. Краткая форма дательного падежа единственного числа женского рода *им* (*mъjé им бéшё уйníк, nã máykä mi báštä им, ýmëtu им Ивáнк'е, побнáхми дä събár'äми унбс кóштä дä им зéмим к'ёрмидит'ä; призувáвbt бúлкätä, носbt им бúлуту; кóйтu им либовникъ, nã néjty той шé дäдé пéт грóшä*), тогда как в говоре с. Твардицы — *и*.

4. В говоре с. Твардицы наряду с краткой формой винительного падежа женского рода единственного числа *йа* встречается также и форма *га*, не существующая в говоре с. Твырдицы.

5. Краткие формы личных местоимений, употребленных в значении притяжательных при нечленных односложных существительных, принимают на себя ударение: *син_мí, син_мý ббл'ян, мыш_мí вýкä.* Н. В. Котова не отмечает этой особенности в говоре с. Твардицы.

6. Вопросительные местоименные наречия *кóлку, кугá, къдé* всегда употребляются вместе с вопросительной частицей *дáлý*: *Дáлý кóлку ё чásť? Дáлý кугá шá дóди? Дáлý къдé ё утишéл?*

7. Вопросительное местоимение среднего рода звучит *чиöб*, а в говоре с. Твардицы — *чијe*.

Глагол

В области глагольных форм говор с. Твырдицы разделяет также все характерные особенности говора с. Твардицы, из которых наиболее существенны следующие.

²³ Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 291.

1. Окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени в глаголах I и II спряжения под ударением -а, а без ударения -а: *вър'á, митá, пăсá, пуйá, стуйá, ѿр'á, читá; кáжá, нóс'á, пичéл'á, пл'ýйá, рáбут'á, ѿéп'á*.

2. Окончание 3-го лица множественного числа настоящего времени под ударением -тъ, а без ударения -тъ: *вър'тъ, миттъ, пастъ, пуйтъ, стуйтъ, читтъ, кáжтъ, нóс'тъ, пичел'тъ, пл'ýйтъ, дáвтъ, събýртъ*.

3. Окончание -м в 1-ом лице единственного числа настоящего времени глаголов 'петь', 'литъ' и 'смеяться': *п'ам, л'ам, см'ám сá*.

Единственное число

1. <i>п'ам</i>	<i>л'ам</i>	<i>см'ám сá</i>
2. <i>пéши</i>	<i>лéши</i>	<i>смéши сá</i>
3. <i>пей</i>	<i>лей</i>	<i>смéй сá</i>

Множественное число

1. <i>пéим</i>	<i>лéим</i>	<i>смéим сá</i>
2. <i>пéйти</i>	<i>лéйти</i>	<i>смéйти сá</i>
3. <i>пéйтъ</i>	<i>лéйтъ</i>	<i>смéйтъ сá</i>

В говоре с. Твардицы упомянутые глаголы имеют по две формы: одна с ударением на корне, а другая — на окончании.

4. Ударение на окончании в настоящем времени у глагола 'пить':

Единственное число Множественное число

1. <i>пийá</i>	<i>пийéм</i>
2. <i>пийéш</i>	<i>пийéти</i>
3. <i>пийé</i>	<i>пийтъ</i>

В говоре с. Твардицы и этот глагол имеет две формы: одна с ударением на окончании, а другая — на корне: *пийá* и *пийé*.

5. Идентичные формы настоящего времени глаголов 'ловить' и 'мочь': *лўйá, лўши* и т. д.; *мўйá, мўши* и т. д.

6. Однаковое спряжение вспомогательного глагола 'есть'.

Единственное число Множественное число

1. <i>съм</i>	<i>1. сни (сми)</i>
2. <i>си</i>	<i>2. сти</i>
3. <i>е (и, ѹ)</i>	<i>3. съ (са)</i>

Форма 1-го лица множественного числа *сни* встречается более часто, а *сми* — реже, причем лишь в речи младшего поколения: *нáйб сни дубр'á, учéници смé*.

7. Отрицательная форма *ни шта* при положительной *йскам*: *ни_штá тбъй, áс йскам пулéкá, нó хубуу; ни_штá дá_сá кáрами; пойас ни_штá дá нóс'á; йскá дá_йедé; ни штé дá_йедé*.

8. Образование будущего времени с помощью частицы *шá* (*ше, шъ, ш*) и настоящего времени спрягаемого глагола: *къкó шá_п'ам, шá_си_дóа ут_кбрé, шá_увършéйм, шá_мá_глéдът дичáтá, шé_купáйá, шé_сéдý въс нáм, шó_сá_йáдосвáм, ш_ти_кáжа, ш_устáнé малку*. Отрицательная форма будущего времени образуется при помощи неизменяющейся глагольной формы *н'áма*, всегда связанной с союзом *да*: *н'áмá дá_сидá у_думá, н'áмá дá_йдим, н'áмá къкó дá_гýд'т*. В говоре с. Твардицы встречается глагольная форма *нéма*, которая находится в стадии перехода в частицу, поэтому в ней, как и в безличной форме *тр'áа* союз *да* часто выпадает: *нéма са сёди, то нéмá вa ухáпи, вýї тр'áа г'и нáмбkritи*, но и: *нéмá дá_сл'áзвáм, нéмá дá_йда, нéмá дá_умрéм* (стр. 295), *нéмá дá_гу нáмéриш* (стр. 303), *нéмá дá_ймá* (стр. 305). Выпадение союза *да* — явление нового порядка, встречающееся в последнее время и в других болгарских говорах, например, в еркечском.

В говоре с. Твырдицы в речи младшего поколения встречается также особая отрицательная форма будущего времени *шé н'áмá*, соотносительная с литературой "няма да има": *шé н'áмá кой дá_вършéй, шé н'áмá кой дá_прибýрá рáнáтá, шé н'áмá кой дá_лўи дайм'áнб*.

9. Широкое распространение безличных глагольных конструкций; например: *áс_мā були э́п*, *а́с_мā устáви мъши ми*, *а́с_ми_й жálну*, *а́с_ми_хáréсvá*; *мáини мýсл’bt*, *чи а́с_мā н’амá*.

10. Наличие пересказывательного наклонения: *мъжéту билé изб’áгáли*; *кáцил_гу на_кóн’b_си и_гу дукáрал*; *стийéли двá-трíй дéná, w Буѓáлый къту_ утишлé и_тám къту_кáзали*, *чи мускóвёцъ иди вéк’i, устáили_г’i*.

Некоторые случаи пересказывательного наклонения в говоре с. Твардицы (например: *и те ни кáзахá жинít’ä чи духáд’äl пр’итсидáтила*), по нашему мнению, неправильно объяснены Н. В. Котовой как перфект с опущенным вспомогательным глаголом²⁴.

11. Окончание множественного числа действительных причастий прошедшего времени под ударением -ле, а без удараения -ли: *билé, душлé, мужлé, гúдили, зéли, хóдили*.

Наречия

В отношении наречий особых различий между двумя говорами не отмечается. В говоре с. Твырдицы не встречаются наречия: *путóм*, *хóжмá* (времени), *бáл’niй* (образа действия) и *хáлис* (меры и степени); в говоре же с. Твардицы — *бáрбáр* ('вместе'), *бéл’k’i* ('неужели'), *бил’á* ('даже'), *бíр_дá_и* ('иногда'), *бол* ('много'), *възнáк* ('навзничь'), *г’от’урá* ('оптом'), *зáрáнкá* ('завтра'), *зурунá* ('напрасно'), *кужá* ('много'), *мърийнá* ('напрасно'), *плáчишкáтä* ('плача'), *послë* ('потом'), *пудíркä* ('потом'), *пóт’ом* ('путем'), *туптáн* ('гуртом'), *тъд’äс* ('здесь'), *хáсъл*, *а́съл* ('истинно'), *хéптéн* ('совсем').

Предлоги

В области предлогов оба говора почти сходны. Среди других предлогов следует упомянуть предлог *уф* со значением 'в', встречающийся наряду с *ф*, *φ*, *въф*, *шуф*, *у*. Он находит особенно широкое распространение в говоре с. Твырдицы:

²⁴ См. Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 300.

л’áбъ гу_пичéм уф_пиштб, уф_тбрнíк, уф_сéбутá прáв’bt *э́сéфk’i* наряду с *ф_тбмну си_дуóд’ам*, *ф_рéкbtä*, *φtý* *тráдýши*, *шбф_чéркуфтä*, *нáврéт у гурáтä* *съм хóдилä*, *э́з у Струйáнув гра́т сни вéчи*.

Засвидетельствованы следующие различия.

1) В говоре с. Твырдицы предлоги *край* и *покрай* звучат как *край*, *пукráй*, а в говоре с. Твардицы — как *креi*, *пукреi*.

2) Предлог *въс* в говоре с. Твырдицы имеет значения 'при', 'на' и употребляется довольно часто, особенно более пожилыми людьми: *рáбутá иэнóбу въз_d’ада Йáнкä, Г’ерг’i шé_сéдý въс нáм, въс инá стбрнá мумчéтä, въз дрúгá стбрнá мумчéтä*. По мнению Н. В. Котовой²⁵, в говоре с. Твардицы он имеет несколько иное значение, равное русскому 'на', однако из приведенных примеров (*ваz мéн’ä, улú ваз раатб*) это не ясно.

3. В говоре с. Твырдицы не встречается некоторых значений предлогов, общих для обоих говоров, например:

на (= 'за'): *ни ми ё жálну на л’úцк’utä свíни* (стр. 303).

пу (= 'на'): *пу майшнá* (стр. 304).

ут (= 'на'): *а́с имáх áдр’is ут нéгу* (стр. 304).

Нам кажется, что в *туj бéши пу хárмáн, пу с’адéнк’i* (стр. 304) предлог *пу* не означает 'места' (в первом случае) и 'последовательного движения в определенном направлении' (во втором случае), а лишь время.

Союзы и частицы

Союзы и частицы в обоих говорах полностью совпадают.

ЛЕКСИКА

Наибольшие различия между говорами с. Твырдицы и с. Твардицы обнаруживаются в области лексики. Это вполне естественно, потому что словарь тесно связан с конкретными культурно-историческими и экономическими условиями, они же в обоих селах различны.

²⁵ См. Н. В. Котова. Указ. соч., стр. 302.

3 Болгарская диалектология, вып. 8

Наши сведения о нынешнем состоянии лексики с. Твардицы довольно ограничены. Как было упомянуто выше, в словаре Т. В. Швецовой («Словарь говора с. Твардицы») всего 774 слова — и то лишь имена существительные. Составленный на основании этнографического описания материальной культуры, этот словарь ограничен пределами бытовой и частично производственной лексики старого болгарского пласта говора твардичан. Автор сознательно не включил современную общественно-политическую, научно-культурную и производственную лексику говора, которая по его мнению, всецело заимствована из русского языка. Значительное число слов говора с. Твардицы встречается также в статье Н. В. Котовой, в приведенном иллюстративном материале и в текстах, но их значение не указано, поэтому они не могут быть нам полезны. Следовательно, ограниченность словарного материала говора с. Твардицы суживает в значительной мере возможность изучения лексики обоих говоров в сравнительном плане, но все же возможно сделать ряд интересных выводов.

Сопоставляя современную лексику говора с. Твырдицы с известной нам соответствующей современной лексикой говора с. Твардицы, можно выявить следующие три группы слов:

- 1) слова, встречающиеся в обоих говорах;
- 2) слова, встречающиеся только в говоре с. Твардицы;
- 3) слова, встречающиеся только в говоре с. Твырдицы.

Больше всего насчитывается слов, общих для обоих говоров. Из 774 слов, представленных Т. В. Швецовой, 598 (79%) — общих, а 176 — употребляемых в говоре с. Твардицы, в говоре с. Твырдицы отсутствуют, 305 слов встречается лишь только в говоре с. Твырдицы.

Общие для обоих говоров слова

Общие для обоих говоров слова по своему характеру делятся на три вида: 1) вполне идентичные по значению и по форме; 2) идентичные по значению, но различающиеся по

форме; и 3) идентичные по форме, но различающиеся по значению.

Вполне тождественные слова

По своему значению они распределяются по следующим группам:

- 1) двор и сельскохозяйственные строения: *дувár²⁶*, *плет*, *пóрти*, *враќник*, *врачка*, *калдърбъм*, *хамбár*, *плéвник*, *хагъл*, *курник*, *мандало*, *герáн*, *улúк*, *јасла*;
- 2) дом и его части: *гредá*, *дерéк*, *магáрета*, *керемíда*, *кирпíч*, *тúли*, *тавáн*, *мазá*, *стенá*, *стрýха*, *жам*, *кумíн*, *басамáк*, *праг*, *резá*, *ключéлница*, *кент*, *зимбил’дék*;
- 3) предметы домашнего обихода:
 - а) мебель: *долáп*, *ráкла*, *сандък*, *кревáт*, *мáса*, *чикмижá*, *паралá*, *стол*, *лáвица*, *стólче*, *полýца*, *закачáлка²⁷*, *огледáло*, *бакóрница*, *лъжíчник*, *фъркулýчник*, *сахáт*;
 - б) посуда: *съд*, *тéнжера*, *похлúпка*, *тигáн*, *сач*, *панíца*, *гавáнче*, *пахár*, *шишé*, *затúлка*, *лъжíца*, *фъркулýца*, *костýра*, *кюпчák*, *цедáк*, *солníца*, *стóвна*, *бóклица*, *плóскáче*, *бърдúк*, *половéчка*, *окá*, *юз*, *мáрка*;
 - в) другие предметы домашнего обихода: *бакóр*, *перáлник*, *казáн*, *лиéн*, *коха*, *ведрýца*, *кюп*, *бóчва*, *врана*, *бúре*, *кáдус*, *бутáлка*, *обръч*, *шинíк*, *кош*; *юргáн*, *дюшéк*, *чаршáф*, *килýм*, *пердá*, *стýва*, *бохчá*, *парцáл*, *мендýлка*, *чуval*, *дисáги*, *торбýчка*, *бухáлка*, *штýпки*, *иглá*, *губéрка*, *нáпръсник*, *мáкара*, *конéц*, *вбóже*, *дърмóн*, *ръшéто*, *къснáк*, *точýлка*, *огрýпка*, *стъргáло*, *чукáло*, *черáсло*, *вирúга*, *кафéз*, *кантár*, *капáн*, *финéр*, *чéреп*, *чéтка*, *кухár*, *кибрýт*, *сапúн*, *машíна*;
 - 4) пища: *квасníк*, *малíна*, *рыбник*, *пýтка*, *пазламá*, *макарíна*, *южкý*, *ку́кличка*, *кравáйче*, *мекíчета*, *попáра*,

²⁶ Значения слов см. Т. В. Швецова. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы: «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 2. М., 1952.

²⁷ Т. В. Швецова дает и другое слово, близкое по значению, — *занадрóклите* — 'вешалка для платья'. Однако это не слово, а словосочетание *за над рóклите* (буквально: 'для над платьями').

квас, самұн, комнáт, рéзен, трохý, ехнýя, кавармá, гýшки, кукýда, кебáб, курбáн, кбшей, цикариýди, мляко, каймák, ишумýк, сурвáтка, мáсло, сýрене, туршиýя, сол, зáхар, брашнó, булгýр, триýци, картóхено брашнó, хълвá, бузá, хайрáн, оцéт, мезý, мириэмý, пáтки;

5) плотничьи инструменты: чук, тукмák, гвóздей, теслá, бичкýя, трибн, пилá, клéши, сréдел, лос, клин, секач, прóбой, риндá, шýло, точýло, гладýч, гермýчка;

6) скотоводство и домашние животные: хергелá, билюк, зоб, добýтък, кон, кобýла, кónче, телýчка, коч, агне, шýле, эвýска, эвизóк, бéйка, пърч, козá, шупár, нéрез, шутák, хрéтка;

7) домашняя птица: петéл, ярка, пýле, есéнче, пáтка, патóк, перб, перушина, зáпартак;

8) земледелие: кýр, земý, югар, келемý, синбр, сноп, лекá;

9) сельскохозяйственные орудия и машины: дикáня, сърп, мотíка, търнокóп, греблó, вýла, гáга;

10) соха: éмиш;

11) земледельческие культуры и овощи: жýто, зýмница, ръж, ичумýк, овéс, просб, грах, лéшта, папýр, ластúна, картóх, лен, тютюн, слéнчува²⁸, боб, дýня, пбшиш, пипéр, зéле, рýпа, хрян, чéсан, цéлина, кóпър, кратúна, хардáл, чýбрик, гюэум;

12) садоводство и виноградарство: градýна, градýнка, фитарýя, пич, кухýя, чéпка, ягорýда, краб, питмéс, шарá, цýпури, дрóжи;

Фрукты: имýш, áбълка, слýва, стáмболки, крýша, черéша, зарзалиýя, смокýни;

13) телега и сбруя: талýга, шейнá, рýтли, хамóт, арбш, стéрчийка, лесíци, дингýл, колелó, главýна, чул, зингýя, палдбм;

14) ткацкий станок, ткачество и прядение: бéрдо, крусно, скрипциý, вáтал, укрепáлка, муждинák, сувáлка, прéжда,

²⁸ В говоре с. Твырдицы это название встречается только у пожи-
лых, например: слéнчува любовница (название подсолнуха, буквально:
любовница солнца').

дарáк, къдéлка, хýрка, вритéно, чекрýк, жýчка, мотовýлка, кръштóвиште, въртéшки, врезáло;

15) ткани и материи: вéлна, фандáк, памýк, копрýна, калчýша, ёрина, плáтно, басмá, хасá, кенáри, пасмá, турýчка;

16) одежда:

а) общие названия: дрéхи, абá, кожýх, кюрк, качúл, ботýш, калéври, наýви, кónчува, ходýло, приéмка, петéлка, кóпче, колáнче, гáги, ножýчка, брýнка, дýпла, зáник;

б) мужская одежда: ямурлýк, доламá, салтамáрка, гáщи, кráчули, учкýр;

в) женская одежда: сукмáн, рóкла, баскýн, кюрче, полá, престíлка, преждýл'ки, кбрpa, вéзанка, шал, ивица, патýя;

17) украшения: гердáн, алтбни, синциý, мержéни, кехли-
бár, грýмна, кóсполýтка, тантéла, пискóл, ресní, тити-
рýци, гайтáн, ширýт;

18) строительные и другие материалы: кáмък, крémък,
гнýла, чаýн, катráн, калáй, тикýрт, чамсакéз, мушамá,
кñига;

19) слова с абстрактным значением: армагáн, зехýр, йор-
нéк, кирýя²⁹, конák;

20) другие понятия (varia): очéл'ки, ухó, мост, колýба,
пóдпор, тизéк, калайжýя, грамáда, крýст, пергéл, мрéжа,
патерýга, лулá, прáхан, огнýло, синжýр, рéмък, чарк, пýшка,
барóт, фтиýши, тигéл, вéстник, балкáн, юфт, хорб,
седýнка, махлá, пазár, свýрка.

Из вышеприведенных примеров явствует, что наибольшее
число тождественных слов встречается в следующих семанти-
ческих разделах: предметы домашнего обихода и бытового
характера, пища, земледелие, одежда и т. д. Их количество,
однако, не дает оснований для выводов об устойчивости
отдельных семантических групп, потому что рассматриваемый
материал охватывает лишь часть разговорной лексики.

²⁹ У Т. В. Швецовой слово дано неправильно: скириýя. С здесь
является предлогом к слову кирýя.

Слова с морфологическими или фонетическими различиями

Однаковых по значению, но с некоторыми морфологическими или фонетическими различиями слов — 85, 15% из общего числа тождественных слов.

Слов, различающихся по морфологическим признакам, очень мало — всего 24. У одних различия в словообразовании, у других — в числе.

Различающиеся по словообразованию:

мёрков — мёркул ³⁰	мас — маска
дължник — задлъжник	покрив — покрыва
скоба — скоб	фидан — фиданка
петало — пётал	
крайставца — кра́стравец	грéбенче — гребешка
муждинец — муждинак	кобы́лца — кобы́лие
вейчка — вея́лка	мёсенца — мёсенце
цигурка — цигумýлка	гермýя — гермýчка
фитил — фитýлка	прóтьк — прóтаче

Различающиеся по числу:

сълби — сълба	пуфтий — пухта
сýрми — сýрма	нáбер — нáбери
кýчери — кýчер	чисáло — числá
демий — демия	

Слов с фонетическими различиями — больше (61). В одних различаются отдельные звуки, в других — ударение, в третьих — звуки и ударение.

Различающиеся по одному звуку:

a) по гласному:	
о — а : пóлок — пóлак	а — и : калия — килия
е — а : перчén — перчáн	сновáлка — снови́лка

³⁰ Во всех случаях, когда примеры даны в два столбца, в левом помещены слова говора с. Твырицы, а в правом — говора с. Твардицы.

а — е : обесáлник — обесéлник	и — ъ : арпажíк — арпажéк
кочина — кóчине	ъ — и : башлéк — башлíк
ъ — а : рéт — рат	и — у : живáк — жувáк
чердé — чердá	у — и : гюзлемí — гизлемí
търмéк — търмáк	а : акътмí — кътмí
е — у : чéнер — чéнур	у : бéчува — бéчва
е — и : калéм — калим	и : скрипцí — скрипици
и — е : патлижáн — патлажáн	

б) по согласному:

н — л : кантърмí — калтърмí	с : ушáх — сушáх
в — м : кървавíца — кърмавíца	х : ъгъл — хагъл
б — п : бáсти — пáсти	хасър — асър
ш — ч : шафрáн — чафрáн	дуáло — духáло
ш — с : барýш — барýс	й : ямá — амá
ф — х : герг'óф — герг'óх	йентерия — ентерия
л — л : ключéл'ница — ключéлница	в : циклó — цвиклó
	ц : обци́да — оби́да
	р : хак — харк

Различающиеся по двум и более звукам:

титивá — тютювá	наковáлня — ковáлня
възлáнца — въглáвница	
килпедéн — кил'пидáн	дивáчка — дýчка
риндé — риндá	
едéк — ядéк	
шáшла — шýшля	
зайрá — захирá	хутýя — утýя
попредáлка — подпърдáлка	скáмбала — цкáмбала

Различающиеся по ударению:

жигъл — жýгъл	хорýште — хóриште
хутýл — хýтул	крóчма — крýчма
эъмбá — эýмба	синóр — сýнор
обицý — обици	сóрваки — сорвáки

Различающиеся по звукам и ударению:

нѣштва—*ноштува* *далта*—*длето*

Слова, различающиеся по значению

Значительный интерес представляют те общие слова, в значениях которых существуют большие или меньшие различия. В некоторых из них наблюдается сужение или расширение значения, а в других — переосмысление его.

1) Известное число слов в говоре с. Твырдицы имеет более общее значение, а в говоре с. Твардицы — более узкое, специализированное:

измѣльче ('двухгодовалое животное' — 'двухгодовалый бык')³¹

чёшка ('рюмка' — 'расшищая сумочка, прибываемая в доме на стене для мелких вещей'),

ярма, ('вид корма' — 'пойло для свиней')³²,

темёл ('фундамент' — 'фундамент колодца'),

байрак ('флаг' — 'свадебный флаг').

ченгёл ('крючок' — 'багор для доставания ведер из колодца'),

чатал ('шест, раздвоенный с верхнего конца' — 'столб, поддерживающий сломанную балку'),

бурдэй ('землянка' — 'землянка, в которой летом хранятся сельскохозяйственные орудия'),

люшемё ('деревянный настил', 'пол' — 'дно телеги'),

огниште ('очаг' — 'пол в печи'),

шапка ('шляпа' — 'детский чепчик', 'горелка'),

мёнгима ('тиски' — 'виноградные тиски'),

колá ('телега с воловьей тягой' — 'телега для перевозки соломы, сена'),

астáр ('подкладка' — 'подкладка у стеганого одеяла'),

халкá ('кольцо' — 'кольцо у двери'),

сурат ('лицо' — 'лицевая сторона материи, платья'),

³¹ Во всех случаях, когда указано два значения слова, между которыми стоит тире, первое значение относится к говору с. Твырдицы, а второе — к говору с. Твардицы.

³² Кроме слова *ярма* ('пойло для свиней'), Т. В. Шведова дает и слово *ермá* ('пойло для поросят'). По нашему мнению, они представляют лишь фонетические разновидности одного слова.

шикалки ('желудь' — 'косточки счетов'),

пояс ('красный мужской и женский кушак' — 'красный мужской кушак'),

колан ('мужской и женский пояс' — 'женский пояс').

О всех этих словах с уверенностью можно сказать (если Т. В. Швецова точно и исчерпывающе передала их значение), что их значение сужено и специализировано в говоре с. Твардицы. Исключением является только слово *байрак*, получившее в последнее время более широкое значение в говоре с. Твырдицы.

Встречаются и слова, которые в говоре с. Твырдицы имеют более узкое значение, а в говоре с. Твардицы — более общее:

стрюнка ('шелковое сито' — 'сито').

К словам с суженным значением можно отнести также и следующие:

черьиче ('червячок' — 'шелковичный червь'),

конченце ('лошадка' — 'деревянное украшение, которым завершается крыша'),

перце ('перышко' — 'бумажный цветок для украшения'),

абълки ('яблоки' — 'деревянные украшения спинки кровати'),

топ ('шарик' — 'тиря часовая'),

пера ('перья' — 'крылья мельницы').

Только лишь в говоре с. Твардицы перечисленные выше слова имеют особое переносное значение. В говоре же с. Твырдицы они имеют общеболгарское значение; мы допускаем, что такие значения встречаются и в говоре с. Твардицы, несмотря на то, что они не указаны Т. В. Швецовой.

2) Есть такие слова, которые в говоре с. Твырдицы имеют только одно прямое значение, а в говоре с. Твардицы два значения, причем обычно одно прямое — общее, а другое — переносное.

Прямое значение подобных слов существует в обоих говорах, а переносное — только лишь в говоре с. Твардицы:

къшка — 1) 'дом', 2) 'комната',

крак — 1) 'нога', 2) 'спица у колеса',

тиникия — 1) 'жесть', 2) 'провод',

ибрíк — 1) 'железная кружка с длинной ручкой', 2) 'глиняный сосуд для воды',

кѣжел — 1) 'верхняя часть прядки', 2) 'конопляная кудель',
стѣпца — 1) 'квасцы', 2) 'нафталин',

крава́й — 1) 'каравай', 2) 'сруб у колодца',

звѣнѣц — 1) 'звонок', 2) 'колокол',

дѣскá — 1) 'доска', 2) 'сельскохозяйственное орудие, которым выравнивают пашню после вспашки',

капа́к — 1) 'посудная крышка', 2) 'ставня', 3) 'заслон',
таба́н — 1) 'подошва', 2) 'колодка для обуви'.

Относительно некоторых из этих слов, например: *тиникя́*, *ибрíк*, *кѣжел*, *стѣпца*, *звѣнѣц*, *дѣскá*, *таба́н*, почти с полной уверенностью можно сказать, что они приобрели новое переносное значение в говоре с. Твардицы, а другие, например: *кѣшта* и *крак*, вероятно утратили свое второе значение в говоре с. Твырдицы. *Кѣшта* — со значением 'комната' встречается во многих юго-восточных говорах, а *крак* со значением 'спица у колеса' широко распространено в восточных болгарских говорах.

Существуют, однако, и обратные случаи, когда данное слово в говоре с. Твырдицы имеет два значения, а в говоре с. Твардицы — только одно (первое), например: *кава́л* — 1) 'дудка', 2) 'дымовая труба'.

3) Имеется группа слов с небольшим различием в значениях, например:

дѣльва — 1) 'глиняная посуда для еды, которую носят на поле', 2) 'глиняный кувшин для вина',

шулéк — 1) 'кувшин для вина', 2) 'кувшин для воды',

тава́ — 1) 'противень', 2) 'форма для хлеба',

меса́л — 1) 'длинный кусок полотна, которым покрывают хлеб', 2) 'холстина, которой покрывают квашню',

дробини — 1) 'фарш, начинка из риса и потрохов', 2) 'род мясной пищи',

тарпáн — 1) 'серп для терна', 2) 'серп для камыша',

хру́мел — 1) 'ручная мельница для крупы', 2) 'ручная мельница для муки',

боста́н — 1) 'бахча', 2) 'огород',

бахчá — 1) 'огород', 2) 'бахча',

4) Более значительные различия в значении:

кърк ('круглой формы доска для вымешивания хлеба — деревянная кухонная лопата'),

прásул ('рассол' — 'закваска для брынзы'),

копáня ('кормушка' — 'стиральное корыто'),

грéздей ('деревянная втулка в бочке, пробка' — 'кран в бочке'),

кýседли ('дикие яблони' — 'дикие груши'),

кривýца ('вид изогнутого топора для обтесывания' — 'топорик'),

табáни ('шина' — 'полозья'),

калцúни ('ноговицы' — 'чулки'),

пóюв ('свивальник' — 'пеленка'),

подлóга ('кусок материи или кожи, который кладут в порванные лапти' — 'ступня у чулка'³³).

чардáк ('балкон' — 'ветхий сарай'),

сáй ('хлев, открытый с одной стороны' — 'конюшня'),

кимéр ('изогнутый кусок дерева над камином' — 'дымоход'),

бдър ('кровать' — 1) 'низкие глиняные полати в доме',

2) 'основание'),

бдърче ('маленькая кровать, лавка вдоль стены' — 1) 'глиняная завалинка вокруг дома', 2) 'глиняная ножка лавки'),

пешкир ('носовой платок' — 1) 'полотенце', 2) 'вышитое полотенце для украшения зеркала'),

жирúлик ('приспособление для растирания крапивы' — 'чашка для растирания фасоли'),

лéйка ('лейка' — 1) 'воронка', 2) 'виноградная воронка'),

бренá ('борона из терна' — 'деревянная борона'),

ятák ('человек, сочувствующий и помогающий партизанам во время войны' — 'носилки для соломы'),

косíлка ('рукоятка косы' — 'косилка'),

³³ Возможно, что значение этого слова дано неправильно Т. В. Швецовой, потому что и слово *ходи́ло* объяснено как 'ступня чулка'.

влáчка ('гребень для чесания шерсти'—'мастерская для чесания шерсти'),

вритена́лник ('корзина для веретен'—'специальная скоба для веретен'),

масúр ('большая цевка'—'ствол ружья').

рукáн ('инструмент для обтесывания с двумя ручками'—'струг'),

куриá ('небольшой лес, роща'—'кустарник'),

шина ('шина'—'железная облицовка чего-либо'),

кýтка ('цветок'—1) 'украшение', 2) 'женское украшение из серебряных пластинок, которое надевается на голову поверх платка'),

тóпка ('мяч'—'конфета'),

ципá ('пленка'—'слабое, больное животное'),

барабáн (барабан—старое сельскохозяйственное орудие для сева кукурузы).

Слова, различающиеся по форме и по значению

В говорах с. Твырдицы и с. Твардицы встречаются слова, которые различаются и по форме, и по значению:

в говоре с. Твырдицы

приэлó — 'ручка кор-
зины'

ръжен — 1) 'кочерга',
2) 'остроконечная длин-
ная палка боковой заго-
родки телеги'

душник — 'отдушина'

месенçá — 'слоёный
пирог с брынзой'

триханца — 'мучная
похлёбка'

битéлца — 'небольшая
узкая мотыга'

в говоре с. Твардицы

привизлó — 'ручка ведра'

ръжен — 'кочерга'

душлик — 'глиняная
вьюшка'

мёсенце — 'хлеб, заме-
шанный с брынзой'

триханцы — 'галушки'

битéльце — 'кирка'

пластобница — 'кучка сена, которую поднимают вилами в один взмах и, бросают на телегу'	плáстовица — 'спон'
йермéя — 'рассол'	ирмíя — 'винегрет из кислых овощей'

Слова, встречающиеся только в говоре с. Твардицы

Слов, бытующих в наше время только в говоре с. Твардицы — 176. По значению их можно отнести к следующим семантическим группам:

- 1) двор и сельскохозяйственные строения: *шипрон, тбрла, кошара, магазия, гърлич, серён, албийница, паприца, киский*;
- 2) дом и его части: *файт, файчка, беч, пол, лати, кинги, шиндйло, юшка, прыспа, пиэюл, кутлён, подлакътник, лавишник, клямпа, бланка*;
- 3) предметы домашнего обихода: *падушка, кулкуш, крюшка, куржйло, жарбник, огрибач, уала, кошица, лахан, поварка, полбвник, кошблка, чердач, бумбак, калистра, гарца, стъпинка, вес, каыш, захлупка*;
- 4) пища: *малай, хрбтушки, плачинки, сухички, хладец, шунка, калбас, алой, преснак*;
- 5) плотничьи инструменты: *избивало, фуган, кробика, стружница, запаялник, стбиги*;
- 6) домашние животные: *хазман*;
- 7) домашняя птица: *галан, галанка, фуртунки*;
- 8) сельскохозяйственные орудия и машины: *ябá, харлед, гайпер, спина, кърлига, кемент, поливалник, чукалка, чиска, дарачка, дебек, вършавка, единарник, трайнник, четирник, диш, ерек*;
- 9) растения: *арнаут, земско, ўл'ка, раноспейка, агрос, зайдбер, фимей, камбхче, крян, самалдár, кабачкá, макуха, бобец*;
- 10) телега и сбруя: *кручá, глобля, эбанца, лупацика, зубалá, халбвка, подбранник, пастронки, плести*;

- 11) ткацкий станок, ткачество и прядение: *сáбица*, *укрепáлка*, *упинáлка*, *цепýн*, *рóжел*, *ръчáлка*, *лéтка*;
- 12) ткани и материи: *бархúт*, *спартóска*;
- 13) одежда: *рýба*, *бýрка*, *мантáва*, *бидáн*, *рубáшка*, *вистóн*, *тулýм*, *мишýни*, *бáска*, *йвица*, *гизлóк*, *паралíя*, *бука́нши*, *резíни*, *вáленки*, *блáне*, *чилик*, *гýлер*, *вратníк*, *палéти*, *чупáк*, *патíя*, *шушýлки*, *нáбери*, *нáпухи*;
- 14) украшения: *шушувáди*, *галóсник*, *бáнта*, *прýшка*, *шупýлка*, *бóндур*, *шáрфа*, *барáшка*, *мишýнка*, *прим*, *бри-шýнка*, *карпíнка*, *калабадáн*;
- 15) музыкальные инструменты: *дрéмба*, *клáне*, *рембния*, *тарабáн*;
- 16) другие понятия (*varia*): *пъпритóра*, *салатúра*, *суват*, *юзур*, *синíчка*, *вергíя*, *теплýца*, *станóк*, *сувák*, *кунлáк*, *чимýр*, *лéка*, *дубáло*, *сепíя*, *витриóн*, *цигárник*, *палásник*, *пýнга*, *кýшка*.

Слова, бытующие в наше время только в говоре с. Твардицы, по своему происхождению делятся на три группы: а) слова, вошедшие в лексику по переселении в Россию; б) слова, по-видимому, перенесенные из Болгарии; в) новообразованные слова.

Слов, вошедших в лексику после переселения, больше всего. Большинство из них заимствовано из русского языка, причем одни — без изменения: *пол* (деревянный пол), *падúшка* (подушка из перьев), *лахáн* (лохань), *крýшка* (жестяная кружка), *кошóлка* (кошёлка), *халóвка* (головка), *кузнéчни клéшти* (кузничные клемши), *рубáшка*, (мужская верхняя рубашка), *прýшка* (пряжка), *вáленки* (бурки; толстые шерстяные носки), *теплýца* (теплица), *станóк* (основание чего-либо); другие — с фонетическими или морфологическими изменениями: *юшка* (вьюшка), *глóбля* (оглобля), *кýшка* (кормушка), *бáрхут* (бархат), *хладéц* (холодец), *шупýлка* (шпилька); *жарóвник* (жаровня), *вес* (весы), *калбáс* (колбаса,) *скéрта* (скирд), *шáрфа* (шарф), *бáнта* (бант), *кабачká* (кабачок), *пастрóнки* (постромки), *фугáн* (фуганок) и др. Встречаются и заимствования из румынского языка, например: *шипрóн* (трехстенный навес), *кутлóн*:

(очаг, приделываемый к каменной стенке во дворе для приготовления пищи летом), *кынги* (поперечные планки, поддерживающие стропила), *при́спа* (глиняная скамейка возле дома; открытая терраска), *кулкүш* (полог у кровати), *бумбák* (ватная прокладка между двойными рамами окна), *малáй* (кукурузный хлеб), *кау́ш* (совок), *хаэмáн* (кастрированное животное), *кру́ча* (деталь телеги), *лупацýка* (деревянное скрепление в ярме), *букáни* (мужские ботинки из грубой кожи), *блáне* (овчинная подкладка зимней одежды), *гúлер* (воротник), *прим* (меховая отделка верхней одежды), *дрóмба* (музыкальный инструмент), *сувáк* (специальная игла для кожаной обуви), *пýнга* (кошаный кошелек) и т. д., а также из украинского языка, например: *тарабáн* (барабан), *клáмпа* (часть дверной задвижки), *бýрка* (плащ).

Интересно отметить, что большая часть заимствований после переселения означает новые предметы и явления, например: *пол*, *падýшка*, *рубáшка*, *прýшка*, *вáленки*, *теплýца*, *бáрхут*, *бáнта*, *шáрфа*, *кабачká*, *калбás*, *шýнка*, *лáти*, *шипрóн*, *кутлóн*, *при́спа*, *бумбák*, *малáй*, *дрóмба*, *клáмпа* и др. Немногие из них являются названиями предметов и явлений, известных еще в Болгарии: *глóбля*, *хладéц*, *скирд*, *жáровня*, *макýха*, *пъпритóра* и др. Эти названия вошли в язык под влиянием новых культурно-исторических условий.

Более ограничено число старых слов. Большинство из них сохраняет свое старое значение: *тóрла* (летний загон для овец), *кошáра* (овчарник), *файт* (сени), *пизю́л* (углубление в каменной или глиняной стене), *шинди́ло* (тес), *огрибáч* (иочерга), *преснáк* (пресное молоко), *ябá* (деревянные вилы), *диш* (железный кол у бороньи), *кърлýга* (багор для ловли овец), *кемéнт* (аркан), *збáнца* (деталь колеса), *плóсти* (войлокная подкладка у хомута), *укрепáлка* (деталь ткацкого станка), *утина́лка* (деталь ткацкого станка), *сáбица* (деталь ткацкого станка), *рýба* (одежда), *чупак* (лиф платья), *иэлóк* (детский передник), *йвица* (домотканый буднишний женский пояс), *тулýм* (род верхней кожаной мужской одежды), *миши́нка* (тонкая черная кожа для украшения праздничной

меховой одежды), *нáбери* (сборки), *шушúлки* (оборки у женской одежды), *юзур* (ручей), *витрион* (жидкость, которой пользуются при крашении ткани для закрепления красок, купорос), *вергíя* (налог) и пр. Лишь несколько слов приобрело новое значение: *магазíя* (лавка, склад — в говоре с. Твардицы 'рига'), *захлúпка* (крышка — деревянная крышка, которой покрывают молочные горшки), *полóвник* (котел вместительностью в полведра > разливательная ложка), *дibéк* (ступа > пресс для выжимки подсолнечного масла), *чимúр* (грязь > смесь глины и соломенной резки, служащая для изготовления сырцовых кирпичей при постройке стен) и пр. Кроме того, следует упомянуть, что известная часть этих слов заимствована из турецкого языка: *ябá*, *дibéк*, *диши*, *тиэлюк*, *кемéнт*, *талаýга*, *чимúр*, *тұлúм*, *вергíя* и др.

Большинство из перенесенных из Болгарии слов представляет собой название предметов, встречающихся и ныне в быту с. Твырдицы, но имеющих другие названия, например:

в Твардице	в Твырдице
<i>гáгер</i> (крючок)	<i>ку́ка</i>
<i>ябá</i> (вили)	<i>вýла</i>
<i>преснáк</i> (кипяченое молоко)	<i>преварéно мля́ко</i>
<i>кисело мля́ко</i> (кислое молоко)	<i>чéсто мля́ко</i>
<i>витрион</i> (купорос)	<i>руфíя</i>

Значения этих слов изменились, по всей вероятности, после переселения, т. е. после 30-ых годов прошлого века и то, вероятно, большая часть в говоре с. Твырдицы, а меньшая — в говоре с. Твардицы.

Совсем малое число перенесенных из Болгарии слов — названия предметов, уже не встречающихся в быту с. Твырдицы, например: *шиндило*, *кимéнт*, *чупáк*, *лéфове* и др. С уверенностью можно сказать, что они вышли из употребления после переселения вместе с исчезновением соответствующих предметов.

На основании наличного словарного материала можно сказать, что меньше всего имеется новообразованных слов,

например: *подлákътник* (подоконник), *стъпíнка* (стремянка), *поливáлник* (лейка), *вратníк* (белый кружевной воротник невесты), *подплáтка* (подкладка), *избивáло* (деревянный валек, применяемый для покрытия крыш камышом), *чúкалка* (машина для обмолота кукурузы), *чíска* (веялка для горчичного семени), *бъркáлка* (деревянная палка, которой мешают корм для лошадей), *единárник* (однолемешный плуг), *подбрáник* (часть узедочки), *сапúнка* (мыльная pena), *синíчка* (копировальная бумага), *цигáрник* (мундштук). Существуют вновь образованные слова, возникшие на основе русского языкового материала, одни из них образованы от русских слов, например, *резíни* (ботинки на резиновой подметке) от русского слова *резина*, другие — путем калькирования одной части, например, *раносpéйка* от русского *скороспелка*, трети же — способом префиксации, например, *запая́лник* от русского *паяльник* и др.

Слова, встречающиеся только в говоре с. Твырдицы

1. Исходя из бытовой и до некоторой степени из производственной лексики, данной Т. В. Швецовой, можно указать свыше 305 слов, встречающихся ныне лишь только в говоре с. Твырдицы. Некоторые из них, по всей вероятности, встречаются и в говоре с. Твардицы, но не упомянуты Т. В. Швецовой. По значению их можно отнести к следующим семантическим группам:

1) двор и сельскохозяйственные строения: *дор* (двор), *хармáн* (ток; молотьба), *яхбр* (хлев), *lam* (навес для овец), *къшлá* (загон для овец вне села), *пеш*, *фúрна* (печь для хлеба), *юлюпенé* (строение для перегонки домашним способом розового масла);

2) дом и его части: *ода́й* (жилая комната), *сóба* (гостиная), *укъши* (помещение с очагом, кухня), *зánница* (чулан, кладовая), *зимníк* (подвал, погреб), *сайвáн* (крытая терраса перед домом), *камíна*, *бажá* (очаг), *кюмбé*, *жамáл* (кирпичная печь), *юклúк* (стенной шкаф), *стъклó* (оконное стекло);

3) предметы домашнего обихода: *багáш* (вещи), *софrá* (низкий круглый обеденный стол), *съдлýнка* (посуда для пищи), *зáхлуп* (ставец к крышкой), *сýто* (сито), *врёшник* (металлическая куполообразная крышка подницы, на которую кладут жар и пекут хлеб), *пóница* (глиняная круглая форма, в которой пекут хлеб, слоеный пирог и т. д.), *чúтура* (деревянная ступа, в которой толкуют соль, перец и т. д.), *гáсче* (коптилка), *свеш* (свечи), *кáца* (кадки), *гбрne* (горшок), *фунíя* (воронка), *бурия* (дымовая труба), *нош* (нож), *бонéла*, *вýлушка* (вилка), *чéша* (стакан), *чикмижа* (выдвижной ящик), *миндýл* (домотканная скатерть для заворачивания хлеба и др.), *станé* (кусок хлопчатобумажной материи, который дарят на свадьбе), *цедýлка* (люлька для младенца из особой домотканной шерстяной материи), *чéрга* (половик), *кóзяк* (подстилка из козьей шерсти), *одáла*, *одáл* (одеяло), *чáнта* (сумка), *чейс* (приданое);

4) пища: *йéдене*, *мáнжа* (еда), *пýти* (питье), *тестó* (тесто), *ляп* (хлеб), *пýта* (каравай, калач), *погáча* (пресный хлеб), *папýреник* (кукурузный хлеб), *пипéренца* (соленья, приготовленные из сырого зеленого перца), *лáхна* (кислая капуста), *юшмér* (творог), *вýно* (виноградное вино), *ракýя* (вид виноградной или фруктовой водки), *кафá* (кофе);

5) Домашние животные: *бик* (бык), *ол* (вол), *кráва* (корова), *тéле* (теленок), *бýул* (буйвол), *катёр* (мул), *магáре* (осел), *свинýя* (свинья), *пráсе* (поросенок), *офиá* (овца), *йéре* (козленок), *кýче* (собака), *кóтка* (кошка), *котараќ* (кот), *шутáк* (комолое животное);

6) дикие животные, рыбы и насекомые: *мéчка* (медведь), *вълк* (волк), *риба* (рыба), *мренá* (мирон, усач), *даймáн*, *кустазéбец* (вид мелкой речной рыбы), *рак* (рак), *жáба* (лягушка), *плéх* (крыса), *смок* (уж), *трóхлю* (улитка), *чéрвей* (червь), *вéсенца* (гусеница), *мрафка* (муравей), *бълхá* (блоха);

7) птицы: *фтичка* (птичка), *кокóшка* (курица), *фит* (индейка), *фýтка* (индейка), *гблъб* (голубь), *штóркел* (аист), *чóфка* (клюв), *яйце* (яйцо), *гнáэдо* (гнездо);

8) земледелие: *чиғчійин* (земледелец), *чиғчилбек* (земледелие), *чұфлыйк* (хутор), *слáма* (солома), *плáва* (мякина), *докузарламá* (род скирда), *купéн* (копна снопов), *тревá* (трава), *сенó* (сено), *бткос* (ряд скошенной травы), *копá* (стог сена), *пóчка* (прутник, воткнутый на лугу, — знак о запрете пастбища), *нáпа* (дёрн), *жéтва* (жатва), *върши́дба* (молотьба), *брán* (вспашка, пахота), *кóпан* (копание);

9) сельскохозяйственные орудия и машины: *иварлák* (каменный валек для молотьбы ржи), *гráба* (многозубые вилы), *топóр* (топор), *балтия* (небольшой топор), *лопáта* (лопата), *обръштáч* (заступ), *копáч* (кирка), *копрáля* (длинная палка, одним концом которой погоняют волов, другим очищают лемех сохи), *топоришка*, *сал*, *дрéжка* (длинная деревянная рукоятка у инструмента), *машýна* (молотилка, веялка);

10) части сохи: *увíште* (обжа), *шепíца* (часть, к которой прикрепляется лемех), *пáлешик* (сошник), *плъжíца* (палица), *калбч* (часть, связывающая обжу с палицей);

11) Растения: *грóзде* (виноград), *асмá* (виноградная лоза), *мишкéт* (сорт винограда, мускат), *мисíр* (кукуруза), *кочáн* (кукурузный початок), *слънчоглéт* (подсолнух), *каўн* (дыня), *домáт* (помидор), *чýшка* (стручок перца), *лук* (лук), *лахúт* (горох; турецкий горох), *врачóвник* (сорт черной фасоли), *боси́ляк* (базилик душистый), *юл* (роза, розовые насаждения), *сeme* (семя), *эбрно* (зерно), *вилáiс* (побег), *кълн* (росток);

12) деревья: *дърво* (дерево), *дюлá* (айва, дерево и плод), *прásкова* (персик, дерево и плод), *дребнýца* (сорт груши, дерево и плод), *брéх* (грецкий орех, дерево и плод), *бук* (бук), *мешé* (дуб), *цер* (сорт дуба), *грун* (сорт дуба, черный дуб), *гáбър* (граб), *лескá* (орешник), *върбá* (ива), *осен* (ясень), *елхá* (ольха), *люляка* (сирень);

13) телега и сбруя: *карýца* (телега с конной тягой), *чегýло* (кибитка), *канáт* (боковая доска у телеги), *ивák* (крышка), *баяржíк* (деревянная часть, связывающая ось с телегой), *пурýя* (железная часть оси, на которую надевается колесо), *дамаскýя* (нижняя часть ярма), *теглýч* (стержень, связывающий ярмо с дышлом), *чумурлýк* (деревянная подпора

дышла), *жáпка* (часть передней части дышила, к которой прикрепляется ярмо), *пармáк* (спица колеса), *кантармá* (узда), *самár* (вьючное седло);

14) ткацкий станок: *стан* (ткацкий станок), *стърк* (боковая горизонтальная часть станка), *пóднош* (доски, на которые становятся для перемещения щеток), *ништелник* (палка, поддерживающая нитченки), *ништелки* (ниченицы), *кутълнíк* (нитченка);

15) одежда: *носíя* (национальная одежда), *пáлто* (пальто), *шуба* (шуба), *мях* (тулуп), *ри́за* (рубаха), *патýри* (крестьянские шаровары), *елéче* (род жилета), *пос*, *калпáк* (меховая шапка), *фес* (феска), *обуфка* (обувь), *царвúли* (лапти), *чурáпи*, *журáпи* (чулки), *дюлбáн* (белый головной платок из тонкого полотна), *ръченíк* (белая длинная повязка), *жоп* (карман), *огóрле* (воротник у рубахи), *полý* (нижняя часть женской сорочки);

16) украшения и т. п.: *грéбен* (гребень), *чадбр* (зонтик), *прéстен* (кольцо), *кайш* (ремень), *бúло* (венчальная фата), *цалúфе* (украшения на голове), *шити* (вышивка).

17) Части человеческого тела: *срéце* (сердце), *мóзък* (мозг), *ръка* (рука), *шéпа* (горсть), *кутме* (мизинец), *стърна* (щека; сторона), *ўсni* (губы), *чóлюс* (челюсть), *езíк* (язык), *вéжди* (брови), *череó* (кишка), *шкимбá* (желудок).

18) *дéте* (ребенок), *лáпе* (мальчуган), *момчé* (мальчик), *момичé* (девочка), *момá* (девушка), *ѹергéн* (парень), *лахúса* (роженица), *довíца* (вдова), *приéтел* (друг), *другáр* (товарищ), *хáйка* (подруга), *да́скal* (учитель), *кюмéт* (староста), *пъдár* (полевой сторож), *кандилáр* (пономарь), *киражáя* (квартирант), *чорбажáя* (богач), *мáстур* (мастер), *чарák* (ученик у мастера);

19) названия родственных отношений: *мáйка* (мать), *мáштеха* (мачеха), *тéм'о*, *тéйко* (отец) *бáба* (бабушка), *дáдо* (дед), *син* (сын), *дъштеря* (дочь), *брат* (брать), *сестра* (сестра), *кáка* (старшая сестра), *бáте* (старший брат), *унúк* (внук), *снахá* (жена сына или брата, сноха), *зет* (муж дочери, сестры или сестры супруга, зять), *лéля* (сестра матери или отца, тетка), *ўйчо* (брать матери, дядя), *учинáя*

(жена брата матери), *свя́ко* (муж сестры матери или отца), *чы́ко* (брать отца, дядя), *чýна* (жена брата отца), *дéвер* (брать мужа), *етþrva* (жена брата мужа), *эþlva* (сестра мужа, золовка), *шúря* (брать жены, шурин), *шуренéйка* (жена шурина), *балдóза* (сестра жены), *бажанáк* (муж сестры жены), *свéкър* (свекр), *свекþrva* (свекровь), *кум* (кум), *кумá* (кума), *крéсник* (крестный отец), *крéсница* (крестная мать), *побáштим* (посажёный отец), *помáйчима* (посажённая мать), *сват* (родственник одного из супругов по отношению к родственникам другого супруга), *сватанáк* (отец мужа по отношению к родителям супруги), *младожéлник*, *младоженик* (молодожен), *бúлка* (только что вышедшая замуж женщина; молодица), *свадбár* (приглашенный на свадьбу), *любóвник* (любимый), *любóвница* (любимая);

20) обряды, игры и т. п.: *преéмка* (торжество в доме невесты при принятии предложения), *годéш* (помолвка), *свáдба* (свадьба), *засéфки* (торжество в начале свадьбы, когда месят хлеб), *вíненца* (торжество накануне свадьбы), *пóвранки* (первое посещение молодоженами родителей молодицы), *панúда* (посещение больного с подарками), *мíженка*, *кришкáмишка* (прятки), *чиръкмадáн* (детская игра, сопровождаемая ударами по дереву), *свинкá* (детская игра), *плáдня* (полдень, обед), *икиндíя* (время к 16 часам; закуска в это время), *тóпан* (барабан), *гáйда* (болгарский национальный инструмент, волынка), *зурлá* (зурна);

21) селения и дороги: *сéло* (деревня), *дукýн* (магазин, лавка), *хан* (постоялый двор), *учíлиште* (школа), *керханá* (черепичный завод), *кíно* (кино), *гáра* (вокзал), *мегдáн* (площадь), *сокák* (улица), *друм* (дорога), *гечít* (брюд), *вървíште* (широкая дорога между нивами для скота), *сóса* (шоссе);

22) местности: *нíва* (нива), *стþрниште* (жниво), *зулáк* (неплодородная местность), *ливáда*, *чайр* (луг), *поля́на* (поляна), *лóзе* (виноградник), *марáше* (заброшенный виноградник), *адá* (болотистое место у реки, заросшее деревьями), *азмáк* (затопленный луг), *мóчур* (болотистое место), *пóтърсък* (тря-

сина), *алчák* (низкое место, поросшее травой, в котором встречаются и деревья), *орманák* (гуща), *боás* (ущелье), *горá*, *ормáн* (лес), *кайráк* (место у подошвы горы), *градíште* (развалины старой крепости), *грумíя*, *тábля* (укрепление), *грóбшиште* (кладбище);

23) воды: *рекб* (река), *вáда* (канава), *пóрой* (потоки воды после сильного дождя), *г'ол* (болото), *лóква* (озеро), *чушиá* (источник, из которого вода постоянно вытекает через специально сделанную трубу), *стúблица* (вид колодца);

24) явления природы: *слéнце* (солнце), *небé* (небо), *дъш* (дождь), *сняк* (снег), *мъглá* (туман), *бúра* (гроза), *зúна* (радуга).

25) *Дар* (дар), *дохом* (доход), *при́нос* (приношение подарков), *акъл* (ум), *връс* (возраст), *абér* (сообщение), *белá* (вред), *клéтва* (клятва), *берекéт* (урожай), *файдá* (польза), *тизмé* (развлечение), *кабр* (забота), *жéба* (распра, раздор), *юрнéк* (образец), *иláч* (лекарство), *такрил* (завещание), *войнá*, *бозгун* (война), *шамár* (пощечина), *белá* (беда);

26) другие понятия и предметы: *трап* (яма), *трапчíна* (рытвина, ухаб), *кол* (кол), *прéчка* (палка), *прът* (шест), *тоýга* (дубина), *дрéвник* (чурбан), *кютóк* (пень), *йонга* (длинная, правильной формы щепа), *връф* (веревка), *кал* (грязь), *кирéч* (известь), *пýсък* (песок), *бúца* (ком), *осък* (воск), *ръждá* (ржавчина), *жибri* (виноградные выжимки), *дбно* (дно), *кишá* (угол), *леф* (лев, болгарская денежная единица), *парá* (монета), *пари* (деньги), *грош* (монета в 20 стотинок, грош), *костадíнка* (старинная золотая монета), *огън* (огонь), *дим* (дым), *пéпел* (пепел), *вёглен* (уголь), *песнá* (песня), *месó* (мясо), *влак* (поезд), *имóт* (недвижимое имущество), *аскéр*, *войскá* (войско), *куршúн* (пуля).

2. Слова, встречающиеся только в говоре с. Твырдицы, по своему происхождению делятся на две группы: а) слова, существовавшие еще до переселения, старые, и б) слова, появившиеся после переселения, новые.

Одни из старых слов — названия предметов и явлений, не встречающихся ныне в быту с. Твардицы, например: *камýна*,

връшник, *пόница*, *иварлák*, *грáба*, *пóчка* и др. О них с уверенностью можно сказать, что они были перенесены в Россию и там выпали из говора ввиду исчезновения соответствующих предметов в новых культурно-экономических условиях.

Другие — названия предметов и явлений, бытующих и ныне в селе Твардицы, но имеющих другие названия, например:

в говоре с. Твырдицы

<i>хáйка</i> (подпруга)	<i>пъпритóра</i>
<i>кука</i> (багор для сена)	<i>гáгер</i>
<i>пармák</i> (спица у колеса)	<i>крак</i>
<i>астáр</i> (подшивка)	<i>подплáтка</i>
<i>обръштáч</i> (заступ)	<i>харлéц</i>
<i>зимníк</i> (погреб)	<i>беч</i>
<i>землянка</i> (землянка)	<i>търлíч</i>

в говоре с. Твардицы

О них можно сказать, что в одних случаях изменения произошли в говоре с. Твардицы, а в других — в говоре с. Твырдицы.

Новые слова, появившиеся в говоре с. Твырдицы, — результат влияния новых культурно-исторических и экономических условий. Одни из них являются названиями новых предметов и явлений, например: *гáсче*, *влак*, *гáра*, *кýно*, *учíлище* и др. Упомянутые предметы и явления в говоре с. Твардицы также имеют новые названия, в большей части заимствованные из русского языка.

Другие новые слова представляют названия старых предметов и явлений. Они появились под влиянием или болгарского литературного языка или других говоров и часто существуют как новые слова наряду со старыми. Так, наряду со словами *соба* и *одай* уже употребляется и слово *стáя*; наряду с *жам* — *стъклó*, наряду с *пипér* — *чушка*, наряду с *патлижáн* — *домáт*, наряду с *камýна* — *бажá*, наряду с *папýр* — *мисíр*, наряду с *паралý* — *суфrá*, наряду с *пóпеш* — *каýн*, наряду с *фъркúлица* — *буnéла* и *вýлушка* и т. д.

ВЫВОДЫ

Из сделанного сравнения особенностей говора с. Твырдицы (Сливенской околии Болгарии) с особенностями говора с. Твардицы (Молдавской ССР) ясно видно, что между ними нет существенного различия. Эти говоры — части одного и того же говора. Наибольшее различие наблюдается в лексике, меньше — в фонетике, еще меньше — в морфологии.

Различия в лексике встречаются в названиях одежды, предметов домашнего обихода, пищи, сельскохозяйственных орудий и машин, которые вообще отличаются известной неустойчивостью, связанной с постоянными переменами в соответствующих областях жизни. Нужно иметь в виду, однако, что сравнения в лексике не полны и не дают точной картины речевого сходства и различия, потому что сделаны не на основе всей лексики, а лишь на основе части ее — имен существительных.

Различия в фонетике встречаются главным образом в отдельных словах и могут рассматриваться как лексические, потому что относятся к звукам в отдельных словах. При этих различиях в большинстве случаев неясно, в каком говоре произошла перемена — в говоре ли села Твырдицы или в говоре с. Твардицы.

Различия в морфологии встречаются в отдельных формах и могут рассматриваться как лексические, так как касаются строения отдельных слов. При этом и тут трудно указать, в каком говоре произошла перемена, т. е. которая из двух форм более старая и которая более новая.

Различия, которые сейчас устанавливаем между говорами с. Твырдицы и с. Твардицы, объясняются двумя основными причинами: 1) самостоятельным внутренним развитием и 2) внешним языковым влиянием.

Различий, являющихся результатом самостоятельного внутреннего развития, в каждом отдельном говоре сравнительно немного, и они встречаются главным образом в морфологии и фонетике. Например, в говоре с. Твардицы отрица-

тельная форма будущего времени образуется с частицей *нёма* без союза *да* (*тó нёма вá ухáпи*), тогда как в говоре с. Твырдицы сохраняется более старая конструкция с союзом *да* (*тó н'áма да вá ухáпи*). Известные различия, результат самостоятельного внутреннего развития, имеются и в лексике. Они проявляются, с одной стороны, в изменении значения старых слов, а с другой — в появлении новых слов, образованных из старых словообразовательных элементов.

Вообще, что касается самостоятельного внутреннего развития — между двумя говорами больше единства, чем различий. Например, в двух говорах имеются налицо такие фонетические процессы, как переход *в* в *ш*, *ф* в *φ*, *ф* в *х*, *х* в *ү* и пр. В двух говорах форма дательного падежа множественного, числа личного местоимения 1-го лица *нам* приняла функцию общей косвенной падежной формы.

Больше наблюдается различий, являющихся результатом внешних языковых влияний на каждый отдельный говор. В сущности эти влияния и являются основной причиной появления различий между двумя говорами.

Говор села Твырдицы испытал значительное влияние со стороны болгарского литературного языка. Это влияние сильнее в лексике и слабее в фонетике и морфологии.

В словаре под влиянием болгарского литературного языка появились новые слова, одни как названия новых понятий, а другие как заменители узко местных диалектных слов, например: *кáлпák* вм. *пос*, *стáйá* вм. *бдайá*, *сóбá*, *домáт* вм. *пáтлижáн*, *стóклó* вм. *жам*, *учйтéл* вм. *дáскáл* и др. В современных говорах мы находим новые, литературные слова, которые существуют одновременно с диалектными, так что имеется значительное число дублетов, но проявляется тенденция к отпадению диалектных слов.

В фонетике и морфологии влияние болгарского литературного языка проявляется в наличии большого числа литературных форм, в отпадении некоторых характерных звуков, например, широкого *e* (*ä*), в расширении окончания *-x* для

1-го лица единственного числа имперфекта и аориста вместо -φ и пр. Так, в говоре появляется ряд дублетных форм, первая из которых литературная и встречается главным образом в речи более молодых, а вторая — диалектная и встречается в речи более старых: *шусá* и *сосá*, *чувéк* и *чил'ák*, *вéчё* и *вéки*, *двé* и *дв'á*, *картóф* и *картох*, *дитé* и *дéти* и пр.

Говор с. Твардицы испытал известное влияние и со стороны соседних и других болгарских диалектов, особенно после заселения села пришельцами из других мест в течение последних трех-четырех десятилетий. Под их влиянием в лексике говора появился ряд новых диалектных слов, например: *суфра́*, *бажá*, *мисíр*, *каýн*, *буnéлá* и пр.

Говор с. Твардицы испытал известное влияние со стороны русского литературного языка, которое тоже значительнее в лексике, а слабее в фонетике и морфологии. В лексике влияние русского языка проявляется в заимствовании ряда слов, одних, как названий новых предметов и явлений, а других, как заменителей старых местных слов. Существует известное влияние и в фразеологии.

В фонетике и морфологии влияние русского языка также проявляется в заимствовании слов с русскими фонетическими и морфологическими особенностями, например, слов с мягкими согласными в конце (*фивráл'*, *апр'él'*), слов с гласной ы (*выбáр'и*, *выпáл'ним*), форм множественного числа, например: *грúхчик'и*, *питомник'и*, *прививáл'чик'и*, *прázники*, *либóушки* и другие, в пропуске вспомогательного глагола в перфекте (*ни́тугás ма́лк'и билé*) и др.

На говор с. Твардицы оказал влияние и румынский литературный язык.

Известное влияние оказал еще и украинский язык и даже болгарский литературный язык. Например, в говоре встречается слово *вéстник* (газета), о котором, известно, что оно появилось в болгарском литературном языке в пятидесятых годах прошлого века, т. е. несколько десятилетий спустя после переселения жителей этого села в Россию.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Ймами тўкä ний гräдйшти, ду_гräдйшти ту имä стёнä, та-
тäрцкä_сä кáзвä. ф_тýй гräдйшти сä_събрáли ут_сíчк'ит'ä
бокулни силä, ф_брé скрýли — нáрót, жинý, дицá. Ут_тám
душлé сä тätáрит'ä дä_гу_рæзбýват със_стрёлý, ни мужлé_сä
дä_гу_рæзбýйт, нáй—сéтнë инá жинá ѹздала_г'и, извíкълë:
„Тätáри, ни_сä wéрzwäт гáшти утпрéт, äми_сä wéрzwäт
и_удзат!“. Рæзбрáли, чи_wрátatä_и удзат. И_wлýзат, исклáвят
цéлийб нáрót, трéгнали кéрвáви рéк'и уд_жинý и_уд_дицá.
Мъжéту билé изб'агáли. И_пóслé кáту_г'и исклáли, пурýтили
тўй гräдйшти. Минáва_сä слет_гудýни, кóлкуту гудýни сä_
минáва, ф_тýй гräдйшти излýзä л'ýл'акä, чárвénä, тýмнä
л'ýл'акä. И_тëс л'ýл'акä нá_кáрапт дä_хóдим дä_бирéм мái-
к'ит'ä_ни пëк, Хóдим, бирéм и_кáзвäт, чи_тëс_и л'ýл'акä
ут_кръф, зáтýй_и чárвénä и_зáтýй тр'áа дä_йб_уwажáвati,
дä_нé_йб тéпчили, тéй_сä_ни кáзвáли мáiк'ит'ä_ни. И_йб_-
носим сáму wéф_чéркуфтä нéйä л'ýл'акä. И_ф_тýй гräдйшти
сíчк'и сä_намíргáли pu_нéштичку сé wéф_нéгу, стáри ráбутi
кáту_кустáдýнк'и му_дúмами ний, пáрá, чýстá, спéбрó, изри-
сýвáнä със_дáр Кунстáнтин и_Илéнä. Ас имäф тák'ива, ämä_-
г'и_рæзвáлýф зä_убици, зä_прéстени изdává_г'и. Тám хóди-
хми дä_пäcém улóви, уфçé и_сни_г'и_намíргáли.

Записано у Петраны Вачовой, 75 лет.

Тé кугáту сä_билé тўк кáзáли, чи_йда тýрчánб и_хýкнáли
дä_б'агáт, по wéчёту ут_хóрата té_сä изб'агáли, устáнáли_сä
сáму трý-чéтрíпéт фáмíлии тўкä и_кугáту сä_нáдбýржáли té
нá_мъжéту_си, чи_ймáт пýшк'и и мóжáт дä_удблéснат тýр-
чit'ä. И_сä стуйéли тўкä и_путéглили дä_истéгл'ят жинít'ä.
Утýвáт жинít'ä у_бáлкáнб, устáвáт мъжéту нáпudép'ä и_кá-
ту_устáwáт dw'á-трý дéна, рæзбýвáли тўка ис_сéлу, хóдили,
крíли_сä нушт'ä, дин'ä, дудéту душéл тýрчánб. Кугáту душéл
тýрчánб, té изб'агáли мъжéту, wéрnáli_сä тўкä и_пóчнáли
дä_гýрм'бт с_пýшк'ит'ä_си, äвжýцк'и пýшк'и, удблéснáли
тýрчánб и_тugáwá зéли_си пëт'ä кëм_Илéнä дä_б'агáт нáгór'a,

изб'ага́ли. Пóслé кáту_изб'ага́ли на́гóр'á, устáвáт жинйт'á_им тýк w w_бáлкáнъ. Кáту_флéэли тýрцит'á из_бáлкáнъ, на́гóр'á ис_пýтéк'ит'á, té билé на_инó м'áсту скрýти, сýчк'ийъ_им бáгáш, дубítъцит'á_им, сýчкуту и_имáлу бил'á иди́н бóл'аń. Убýли_гу тýрцит'á и_té кáту_că_путплáшили, на_дрúгá инá жинá уткéснáли нусé, и_té кáт_că_путплáшили и_xýкнáли дă_б'агáт на_Чумéрнá излéэли, на_врéб на_Чумéрнá. Wрémetu билó мъглýwy, w рwéли, w рwéли, излéэли пák на_инá пýтика и_séшта, пák w рw'bt, w рw'bt, пák излýзат тám у_мъглáтá, убýркáли_că. Кугáту излéэли на_сóсáтá на_илéнцк'ийъ пýт, чýли трупулéни на_кунé и_кугáту чýли трупулéнитý, té мýслили, чи_йди руснáкъ, Русийъ иди пък_té излéэли чéрк'éзит'á на́срéшта_им. Кáт_излéэли чéрк'éзит'á c_кунé, ук'йтени кунéт'á_им със_сýчку спréбу. И_видéли_g'и, спréли_g'и, убíск'ирáли_g'и за_пáрý, къкоту ýмáли пу_т'áx, зéли_гу и_g'и за_брáли на_прéд'á_си...

Записано у Петки Гвоздейковой, 70 лет.

Мумчёту тó ни_бéши искáрэлу бил'á слúжбатă_си óшти уйнíк, дудé_си и_йскă дă_сă_згуд'áвă и_хóди там, н'áмáши ни_гудéш, ни_ништу, хóди идýн пýт там тáйну и_дудé и_ду-нëси мálку, дëту dáли dáр там. Искáрэ слúжбатă, дудé_си ёсintь, ýска дă_пráим свá"бă. Äм_кák шъ_пráим свá"бă? Дă_си_бýл тýка дă_си_спичéлил пăрýи дă_пráиш свá"бă. „Вий, кáй, ви_сă свид'ат пăрýт"ă, áс, кáй, шъ_намéр'а пётстóтин лéwă и_шъ_сă_вénчéй"ă. И_тéйку_му глéдă, глéдă, зé уd_Д'á-куф Кóл'a дv'á-трí хíл'áди лéwă, нăпráwi_му свá"батă и_ни мужéя дă_сă_тъкм'бт и_хайди уddéлý_сă и_нáй-пудíрă със_-пристыф гу_испëди. Искă дă живéй тýка, кúпи_си кárýçă, кáтëр, пък_бáшká пичéли, бáшká пичéли, пък_дă_живéй тýка. Ний сíпим нă_улóвит"ă pl'áwă, тóй иди и_й_притíка нă_кáтëрь, пък_бáшká пичéли. И_тéйку_му вíкă: „Тó нимóй тýй, дóрьт téсен, тóй си_кúпи кárýçă, н'á нăкъд'á дă_й_убéрни, вíкă, ни_штá дă_сă_кáräми сéки дéн, уddíли_сă, мани_сă“, тóй ич ни_штé дă_знáй и_тóй със_пристыf вé зé чи_гу_испëди. Сигá живéй нăгóр'ă, éй там, ку_знáйти дéт зéбулéкър'ă Мálчëf.

Имā дв'á дичá — инóту иска́рă уф_Стáрă Зăгóрă учíлишти,
сигá_й тýкă, пък_инóту мálку — сéдим-óсим гудíшну.

Записано у Калины Димитровой, 73 года.

Свàдбитлă уф_Твëрдицă стáвät тýй. Уф_чëтвëртък шь из-
вíкăт зъл_витлă, дëсёт_ли_сă зъл_ви, кóлку_сă, сиçк'итлă
шь_сă_сäбирéм и_шь_мëсим, пëт пëшти л'ап шь_уличëм.
И_шь_трëгним, шь_сă_нákитим, шь_игráим вичäртъ, шь_
пëйем, шь_игráим хурó, шь_уличëм л'абъ и_шь_трëгним рëт
ис_сéлу дă вïкäми вïнëнцă дă_дôдăт да_йăдăт стáри и_млáди.
И послë кăту_вичäртъ нă_вïнëнцăтä шь_сă_сäбирëт муми-
чëттä и_шь_мëсим инá пýта, куйату съ_сýчк'итлă мумíчитä
шь_трéпнăт идýн пëт със_сýтуту и_шь_зämëсим нăйхýбåвăтä
мумá пýтäтä и_шь_йъ_намáжăт със_мëт и_шь_йъ_гûд'ат
нă_сëрдëтä нă_кëштäтä тám нă_инá мáса и_тугáвă ѹерг'ë-
нил'ă шь_дôдăт и_шь_уткupóвát пýтäтä, шь_фôрл'ат сиç-
к'итлă пăрй, нáй-млóгу шь_глëдă дă_йъ_уткúпи л'убóвникъ_им,
и_кăту_йъ_уткúпи пýтäтä, мумáтä шь_пуйéми пýтäтä, и_т'á
шь_му_цăлúни рéкă и_шь_слóжи пýтäтä и_шь_йъ_шчóпи
нă_крéс пýтäтä, тугáа шь_рæздăдăт нă_сýчк'итлă ут_нéй
пýткă. Кът_йъ_рæздăдăт, шь_трëгнăт тугáвă дă вïкăт ис-
сéлу. Нă_юергéн'ă, нă_мумáтä шь_нäрëд'т сиçк'ийъ чийс
и_шь_сă_навëрв'тцă_ц'алуту сéлу шь_носи прýнус, рâнá нó-
с'ăт, утýвát дă_глëдăт чийзъ нă_мумáта. И_нă_юергéн'ă пák
съштуту нéшту прáйят тýй. Wy_пëтък нă_юерг'ëн'ă, wy_
събута нă_мумáтä. И_wyw_нидéл'ă сäбáллëим стáвами млóгу
ráну и_нагóтв'ăми и_ут'увáми пák при_мумáтä, при_бóлкăтä
и_ут'увáми и_пóчнуváми дă_им_шиим бóлуту и_дă_пëйем, дă_
игráим, йъ_извëртами със_хурó бóлкăтä. И_кугáту сă_свëрши
тъс_рâбута, ут'увáми wъ_кëшти, с'адами wъ_кëшти, слóжат
суфратă, пák почним, иска́рами иднá стáруврëмëшнă пëсн'á
и_си_зéмäми сýчки кóй кákоту си_и_дунéсъл съдлйнк'итлă
и_нă_пудäр'авát пу_инá хýбåвă кëрпичкă ни_дáвát и_си_ут'увá-
ми нă_думувéтлă. Слëт_мálку сă_врëштами, и_тугáвă вéк'и
със_цигýл'к'и, съз_гáйди ут'увáми дă_зéмим кумъ, зéмим
кумъ, нágуст'бт_гу и_със_кумъ ут'увáми при_бóлкăтä, зéмим

тугáwă бўлкăтă и_трéгнувăми пák със_свирий, съз_гайди и_прáву нă_чérкуфтă, зáвидéм и_винчéйт_йă и_wéрним_сă пák нăзат и_слáгăт пу_пéт'б сíчки рунíни куйту_my_сă, слáгăт суфри, пустаpéнну, пустаpéнну си_утíвăми ду_йéргéн'ь ду_кéштăтă и_нă_йéргéн'ь майка_my куйту, т'а_сă_ё пудгот- вилă и_гул'ама суфра слáга нă_пóртит'а тám и_бўлкăтă утстуй- áвă, свéкăрь и_свéкéрвăтă с'адăт, кумъ с'адă и_ут_tám шé_йă_зéмáт, шé_пустéл'ат идий гул'ам миндýл и_пу_негу шé_вéрь бўлкăтă и_кугáту йдăт нă_врăтăтă, бўлкăтă шé_стуй_ утвéн и_млăдужéльникъ и_сéкърь, кумъ, сíчк'и рунíни ут_кéшти шé_дăр'áвăт нă_бўлкăтă, шé_хăрíзвăт кóй кákоту убíчă.

Записано у Марии Йововой, 62 года.

Инó врémě нíй сáбиréм_сă двámä другári и_трéгвăми нă_- сид'ánkă. Утíвăми tám, утíвăми при_либóвнициt'а_си, уddéл'- а ми_сă нă_стéрнй и_пóчvăми дă_си_гуvórim. Té мумчéttă си_придѣт, нíй мумчéttă пéк н'áкуй свíри със_кáвáл, послé н'áкуй игрáйăт, фáштăт_сă нă_кулáн, игрáйăт_си, смéйăт_сă, кл'акăт, вíкăт.

Свáдбит'а идно врéме трáйăт пу_ц'áлă сéдмицă. Нéскă стáнē преéмкă. Преéмкă значи мóмъкъ и_мумáтă сă_събíрăт, ræзбíрăш_ли, té_сă л'убéли дă_кáжим прýмérnu извéсnu врémě — гудíнă или_двé или_пó-мálку или_пó-млóгу. И_слéт- тýй почвăт тугáwă дă_преéмăт. Преéмкă сă_кáзвă, утíвă йéргéн'ь дă_свáтúвă нă_мумáтă. Носăт бéклицă, зánséт бéклицăтă, нă_бéклицăтă имă_к'йткă. Утíвăт при_бáштăтă, послé кáзвăт нăпráву, чи_: „Áс йdвăм дă_свáтúвăм твóйтă дъш- тир'á“. Бáштăтă кáзвă нă_мумáтă: „Мóме, или_пéк нă_йmé Ивáнк'е, Стуйéнк'е, кáкту_им имéту, шé_зéмиш_ли тóс мéш, тóй и_душéл за_тéб'а дă_ти_свáтúвă“. Т'а_кáзвă, чи_: „Áс шé_гу_зéмă“. — „Штóм гу_зéмăш, кáзвă, зéмăй бéклицăтă!“ Зéми бéклицăтă, пуддé йă_нă_бáштăтă, пийé баштăтă вíну и_им_кáже тогáwă: „Да_ви_и_чистýту!“ И тугáwa тýй свéршва вéче. Тó сă_кáзвă преéмкă.

Записано у Йордана Диможабова, 59 лет.

Кăту_сфĕршим учíлиштү, ний тръгвами дă_пăсéм дубйтъкъ Г'брг'и, ас и_óшти дрûг'и лăпитă, хóдим нăгóр'а дă_г'и_пăсéм, хóдим към_Ритуский дôл, пăсéм_г'и, духóждами. Сëгá кăту_пужéнăха стърништатă, хóдим дă_г'и_пăсéм дôлу пу_ли_вádit'я и_пу_нáйт'я. Хóдим нăдôлу, кëпим_сă, луйм рýбă, рâци, пичéм_ги, наráним_сă и_вéчар сă_връштами и_игráим тûка пák у_сéлу, игráим нă_чаръкмăдáн, нă_мíжéнкă, нă_на_рóднă тóпкă. Чаръкмăдáнъ сă_игráи тăкá. Лëжим_сă нă_инá пръчкă, сéки си_слáгă рëкátă и_кóйти излéзи нăй-удгóр'я, тóй са_улóвă wъф_идиñ прéт, кóйти пáзи и_сíчк'ит'я имăт пу_инá туйáгă и_кăту_сëбóр'ят чаръкмăдáнъ и_утíwă, настé_пвă туйáгăтă_си и_слëт тувá изб'áгвă, ѣку_нимоý дă_гу_пíпни дрúгий. Кăт_гу_пíпни дрúгий, тóй сă_xwáштă тóй уф_прéтъ и_сé тăкá игрáим.

Записано у Стояна Стоянова, 12 лет.

Шё_рăскáжă кák óнзи дéн кăт_óдихми дă_пăсéм дубйтъкъ нăдôлу и_пëдáр'ь, кăт_нă_срéшиä, тám ни_дáват дă_г'и_пăсéм, и_зé дă_нă_бий и_нáй зéйми дă_плáчим и_утíдухми тám нăдôлу. Пëдáр'ь нă_слëдил и_пудíркă гу_вид'áхми тám ду_рëкbtă и_тóй рéчë: „Ас_вă знáм кákó прáйти, знáм сíчку“. И_тугáс ний сă_уплáшихми и_изл'áзухми нăгóр'а ис_иднá курíй и_тám вéчë игрáхми и_зé дă_сă_стъмн'áвă и_си_тръг_нăхми и_кăту_утíвъхми нăгóр'а, приkáзвáхми_си, игрáихми. Ас кáräm двá óлă. Ний н'áмäми крáви, кунé, имами двé тéлитă и_два óлă. Имами инó мäгáри, ѣмă_ас ни_гу_кáräm, штót млóгу лýду. Ний сă_кëпим и_луйм рýбă. И_мренй имă и_кустázьпци има ис ăзмáцит'я. Кустázьпци и_инá рýбă, върý кăту_смóк, съ_извíвă и_млóгу мъчну сă_луй, т'а сă_зăр'áа Ф_кăлтъ. Идиñ пëт кăт зéхми дă_луйм, пëдáр'ь дудé и_нă_удrá инó хýбăйтă и_нáй изб'áгами тám нăгóр'а и_утíдáзми дă_пăсéм дубйтъкъ. Пëдáр'ь идвă при_нáм и_ни_кáзвा, чи_сéк'и пëт нă слëдий и_кáзвă дă_ни_прáим билá.

Записано у Георгия Димова, 9 лет.

В. К. ЖУРАВЛЕВ

ГОВОР СЕЛА КРИНИЧНОЕ (ЧЕШМА-ВАРУИТА)¹
(продолжение)

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Большинство прилагательных говора села Криничное имеет все три родовые формы и форму множественного числа. В форме единственного числа мужского рода они оканчиваются на *-н*, *-л*, *-м*, *-р*, *-с*, *-к*, *-т*, *-п*, *-ш*. Остальные формы образуются при помощи следующих флексий: *-а* — для ж. р. ед. ч.; *-у* — для спр. р. ед. ч.; *-и* — для мн. ч. всех родов, например: *áлен* — *áлена* — *áлену* — *áлени*. Так изменяются прилагательные *кáмачен*, *рýбен*, *пéчен*², *сулéн*, *иchum'áн*, *jóftin*, *мéчкин*, *гол*, *ражд'áсал*, *дibéл*, *гnil*, *гул'áм*, *пýтум*, *стар*, *лек*, *далбóк*, *опак*, *забáт*, *сивалáт*, *дóрт*, *растелýт*, *бос*, *скéп*, *сл'ap* и подобные.

Некоторые прилагательные образуют свои формы с беглыми гласными (*e*, *и*, *а*, *ъ*, *у*). Например: *прáзен* — *прáзна* — *прáзну* — *прáзни*, *кáлен* — *кáлна*, *тéшек* — *тéшка*, *б'áсин* — *б'áсна*, *т'áсин* — *т'áсна*, *зéдар* — *зéдру*, *плýтак* — *плýтка*, *тéнак* — *тéнка*, *дубéр* — *дубrá*, *длéичук* — *длéичка*, *кéсичук* — *кéсичку*.

Если основа прилагательного оканчивается на согласный или группу согласных, которые по современным фонетическим

¹ Начало работы опубликовано в „Статьях и материалах по болгарской диалектологии СССР“, вып. 7 (М., 1955).

² Здесь и далее вместе с прилагательными рассматривается большая группа причастий, перешедших в прилагательные.

законам не могут находиться на конце слова, то наблюдается чередование согласных в форме мужского рода единственного числа сравнительно с другими формами. Например: *пълна* — *пъл*, *чёрна* — *чёр*, *гъста* — *гъс*, *чұзда* — *чұс*, *турéшта* — *турéш*, *длéга* — *длек*, *лúда* — *лут*, *тавр'áзи* — *тавр'áс*, *слáба* — *слап*.

§ 2. У большой группы прилагательных не различаются формы множественного числа и мужского рода единственного числа. Например: *кráвешки тор* — *кráвешки ругá*, *гагаўши jéзик* — *гагаўши силá*, *а́гнешки кóже*, *а́гнешки кóкал'*, *дéушки чурáпе*, *дéушки пал'т'ón*. Почти все прилагательные этой группы образованы одним из вариантов суффикса *-ски* (*-шки*, *-цки*). Употребление этих вариантов зависит от фонетических условий. Перед *-шки* чаще стоит гласный, а перед *-цки* — согласный. Ср. параллельное образование *урелешки* и *урелцки* (обе формы равноправны). Ср. также *ајдúшки* (от существительного *ајдут*) и *брáушки* (*брат*), *а́гнешки* (*а́гне*) и *свýнцки* (*свинé*).

Часто наблюдаются колебания в употреблении *-ски* / *-цки*; *-ски* употребляется главным образом в заимствованиях из русского языка или из соседних болгарских говоров (говоры г. Болграда); *цárски*, *рúски*, *францúски*, *мулдува́нски*, *богу-рóденски*, *дунáуски*, *буржúски*. Колебания наиболее часто встречаются там, где чушмелийская форма отличается от русской или болгарской инодиалектной лишь звуками *ц* и *с*. Например: *жéнцки* и *жéнски*, *кóнцки* и *кóнски*, *лусáцки* и *лусárски*, *сéл'цки* и *сéл'ски*, *мумýнцки* и *мумýнски*, *ер-гéн'цки* и *ергéн'ски*.

Вот еще несколько прилагательных этой группы: *шилешки*, *магáрешки*, *кучешки*, *кráвешки*, *кóзешки*, *жáбешки*; *чил'áшки*, *чумáшки*, *цирошкi*, *тидишки*; *л'úцки*, *дéушки*, *бóлгарцки*, *нéмцки*, *шóрницки*, *пáдарцки*, *тýрцки*, *ушчáрцки*, *чибу-тáрцки*, *камсамбл'цки*, *мóмцки*, *курчýјцки*, *г'óл'цки*, *мóрцки*, *кóрцки*, *кóдарцки*.

§ 3. У большой группы прилагательных совпадают формы мужского и среднего рода. Например: *чáмуу др'áу* — *чáмуу*

кáдус, червиу др'áу — червиу л'ап — червиу бráшну, ýбау чил'ák — убау свин'че. „Никóлуу баштá д'апаши и уд даскъ трескъ врб кнала, никóлуу д'áте уда́ри“ (из песни).

Вот далеко неполный список прилагательных этой группы: турлýу (м. и ср. р.) — турлýва — турлýви, супулýу, крýу, дýу, пл'áсн'уу, кост'уу, бóзен, гóглау, плéзгау, мóруу, ивáнуу, пóпуу, сакъэзуу, эдрáу, курáу, труун'áу, сурóу, жуу, глуу.

§ 4. У небольшой группы прилагательных не различаются формы множественного числа и женского рода единственного числа. Например: сéтне сíла — сéтне дéнуви.

Их формы имеют такой вид:

множественное число	средний род	мужской род
и женский род	единственного числа	единственного
единственного числа		числа
сéтне	— сéтн'у	— сéтн'уу
пр'án'не	— пр'án'n'у	— пр'án'n'уу
ср'án'не	— ср'án'n'у	— ср'án'n'уу
сíне	— сíн'у	— сíн'уу

Прилагательные этой группы характеризуются следующими особенностями:

- 1) Форма мужского рода не употребляется без члена;
- 2) в форме мужского рода часто отпадает конечный согласный, т. е. Форма мужского рода часто совпадает с формой среднего рода. Например: сéтн'у ден утиди, сéтн'у, пóт'у ти кáзвau, ше минéш пу ср'án'n'у пóт', ше из тóрити на ср'án'n'у м'áсту;
- 3) Форма среднего рода единственного числа иногда совпадает с формой единственного числа женского рода: сíне прéдини и сине прéжда, пр'án'не м'áсту.

Одно прилагательное, видимо, входившее в эту группу, употребляется лишь в членных формах: утсáмп'уу, утсáмиста, утсáмисту, утсáмисте.

§ 5. В говоре отмечены следующие неизменяемые прилагательные: чил'áче, пáче, ўóшче, мисирче, вёл'че, дугáн'че.

Например: *вѣл'че нѣже* (ж. р. ед. ч. и мн. ч.), *вѣл'че зѣп* (м. р. ед. ч.), *вѣл'че упашка* (ж. р. ед. ч.), *вѣл'че укѣ* (ср. р. ед. ч.), *свѣн'чetu ѹма*, *вѣл'че зѣби* (мн. ч.), *дуган'че пиро*, *чил'аче укѣ*, *ѹшче мл'аку*, *паче гага*, *чил'аче глас*, *дуган'че јејца*, *чил'аче крака*.

Изредка встречается и иная форма: *мисир'чи кокал'*, *вѣл'чи зѣп*, *пачи пиро* (других случаев не отмечено). После специальных наблюдений над употреблением форм в языке большого количества носителей говора удалось сделать следующий вывод: подобные отклонения редки, они встречаются лишь у лиц, язык которых подвергся сильному инодиалектному влиянию (например, долго жили в Болграде, работали в других селах, надолго выезжали из села). В языке почти всех носителей говора эти прилагательные употребляются как неизменяемые.

§ 6. Следует сказать и о небольшой группе прилагательных, некогда заимствованных из турецкого языка. В нашем говоре они закономерно входят в группу неизменяемых прилагательных. Вот эти слова: *гевислије*, *касметлије*, *атарлије*³, *каврак*, *амак*, *караг'ос*, *азгън*, *ајл'ас*, *каскан'ч*, *сарбес*⁴.

Слово *каврак*, видимо, раньше было существительным. Ср. у Попиванова⁵: „Каврак (м. р.) — памучена прѣжда за основа“. В нашем говоре *каврак* — неизменяемое прилагательное со значением ‘плохой, недоброкачественный, рвущийся, ломающийся’. Оно употребляется чаще со словами *прѣдини*, *прѣжда*, реже (в языке молодежи) и с другими словами. Например: *чи каврак прѣжда*, *кѣса са* (речь идет о шерстяной пряже); *е — ја!* *куп'уу си нѣне каврак карандаше*.

³ Прилагательные с суффиксом *-лије* в литературном болгарском языке изменяются только по числам (ср. Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944, § 371).

⁴ Прилагательные этого типа (без суффикса *-лије*) не изменяются и в литературном языке (ср. Л. Андрейчин. Указ. соч.).

⁵ Г. Попиванов. Особенности на Шуменския говор. Сб. на БАН, кн. XXXIV, стр. 60.

Последний пример свидетельствует о том, что неизменяемые прилагательные, заимствованные из турецкого языка, не являются инородным телом, а вошли в систему языка; их состав может пополняться.

Как и другие прилагательные, прилагательные данной подгруппы могут субстантивироваться. Например: *ајл'áс чил'ák*. Слово *ајл'áс* может принимать суффиксы существительных. Например: *ал'áину йди, Е — já! Кóлку ајл'áзи са эбрáва!, ајлезáната нýште де рáбутi*.

§ 7. Ряд прилагательных из-за своих лексических связей не имеет всех форм, а употребляется лишь в определенных формах.

Так, прилагательные *твáрина, прáсина, кúчена, кóтина, кóн'чена, jáлуva, пýргава, самахóдна* сочетаются только с существительными женского рода и не употребляются в формах мужского или среднего родов. Ср.: *твáрина жинá, но натвáрин вагбн, пýргава гéбba, пýргави гéбbi* (прилагательное определяет только грибы), *прáсина* (только свинья), *самахóдна кумбájna* (прилагательное заимствовано из русского языка, может определять только комбайн, косилку, а в говоре почти все машины, могущие быть самоходными, выражаются существительными женского рода).

Прилагательные, имеющие суффикс *-ен'ку / -ин'ку*, бывают только среднего рода. Например: *червéнен'ку парцáл'че, áлен'ку вистáн'че, жýвин'ку пýленци* (другие суффиксы субъективной оценки не подчиняются этому правилу; ср.: *кéси-чук, кéсичка вартa*).

Некоторые прилагательные употребляются только с ограниченным кругом слов, а потому не имеют некоторых форм.

Так, прилагательное *дрéзgau* сочетается лишь со словом *вр'áме* (*дрéзgau вр'áме, стáнау, дрэзgau б'áши*). Слово *ámaу*, сочетается лишь со словами *с'áме* и *пл'áме*. Например: *што ўóдиш кату ámaу с'áме?* (видимо, связано с библейским Хам; есть и глагол *ајманíш* — 'шляешься', 'бродишь без цели'). Эти слова не имеют форм мужского и среднего рода единственного числа, не имеют и формы множественного числа.

Слово *пáшчен* — *пáшчену* — *пáшчени* употребляется лишь со словами *брáшну*, *кóрен* и не имеет формы женского рода единственного числа. В остальных случаях вместо этого слова употребляется иное прилагательное: *велидéнчики*.

Список таких „недостаточных“ прилагательных, над употреблением которых велись специальные наблюдения, можно расширить, но ограничимся приведенными примерами.

В ряде случаев прилагательное может сочетаться с существительными всех трех родов, но одна из родовых форм не употребляется, ее замещает форма другого, этимологически родственного прилагательного.

Так, прилагательное *нéшна* — *нéшну* — *нéшни* не имеет нечленной формы мужского рода единственного числа: недостающую форму замещает форма *нинешен* (другие формы встречаются редко) или *нéшн'уу* (по происхождению — членная форма мужского рода единственного числа).

Аналогичное явление наблюдается у прилагательного *дрéмна* — *дрéмну* — *дрéмни*. В форме мужского рода употребляется *дрéмничук* или *дрéмн'уу*. Равно и *мбнена* — *мбначук*.

Членные формы прилагательных

§ 8. Показателем данной формы прилагательных является член *-у(y)* для м. р., *-та* для ж. р., *-ту* для ср. р. и *-те* для мн. ч. Членная форма мужского рода единственного числа у некоторых прилагательных присоединяется при помощи соединительного гласного *-и*, который в иных случаях изменяется в *-у*: *млат* — *млáди* — *млáд'иу* (и *млад'уу*), *дърт* — *дърт'иу*, *гуреш* — *гурешту* — *гурешт'иу*.

Неизменяемые прилагательные типа *чил'áче* присоединяют член мужского рода непосредственно к нечленной форме. Например: *чил'áче* — *чил'áчеу*, *вёл'че* — *вёл'чеу*. Реже и здесь наблюдается результат действия процесса лабиализации: *вёл'чуу* или *вёл'чоу*, *чил'áчуу* и т. п.

§ 9. Член *-та*, *-ту*, *-те* обычно присоединяется к соответствующей нечленной форме. Например: *áлената* — *áле-*

нүтү — алените, б'аснүту, брашн'аната, рёжената, прёстуту, гал'чáни, л'үтүту слéнци, вётата тали́га, ни-ските мистá, стáрите луз'а, дёуките бутýше, агнешката кóже, савéцката влás', чибутáрцукуту гэзденци.

Неизменяемые прилагательные типа *чил'аче* присоединяют член непосредственно к нечленной форме. Например: *чил'аче* — *чил'ачету* — *чил'ачете*, *убичету мэсу*, *вёлчета коже*. Здесь, таким образом, формальное выражение категорий рода и числа проявляется лишь в членной форме. Любопытной особенностью притяжательных прилагательных на *-ин* в говоре является их способность образовывать членную форму мужского рода не по образцу прилагательных, а по образцу существительных. Например, встречаются формы типа *мáмину виста́н'*, *бúлину питéл'*, *кйину пал'т'он* (ср.: *кумйн* — *кумйну*) при обычных — *мáмин'уу*, *бúлин'уу*, *какин'уу* и более редких — *мáминнуу*, *бúлиннуу*, *какиннуу*. В таком случае членная форма мужского рода единственного числа совпадает с нечленной формой среднего рода (ср.: *бúлину д'ате*, *бúлину син*).

§ 10. Не все прилагательные могут иметь членную и нечленную формы. Так, неизменяемые прилагательные типа *кавráк*, *гевесли́је* членной формы не имеют⁶.

Небольшая группа прилагательных не имеет нечленной формы для мужского рода единственного числа. Например: *гóрна* — *гóрната*, но лишь *гóрн'уу*. Нельзя сказать *гóрен* или *гóрни*. Это явление отмечено у следующих прилагательных: *гóрн'уу*, *дол'н'уу*, *лáв'уу*, *сéтн'уу*, *пр'аn'н'уу*, *чéст'уу*, *шкóл'н'уу*, *мíлин'киуу*, *пýст'уу*, *прóклет'уу*, *гуркиуу*. Прилагательное *сýн'уу* в нечленной форме мужского рода употребляется лишь в выражении *син' патладжáн*. Прилагательное *утсамн'уу* не имеет нечленных форм и для среднего и женского рода единственного и множественного числа (см. § 4). Оно семантически связано с этой группой прилагательных

⁶ Слова типа *гевесли́је* могут иметь членную форму лишь тогда, когда они употребляются самостоятельно, без существительного, т. е. субстантивируются. Например, *гависли́јета* *йди*.

и, видимо, некогда имело, как и эти прилагательные, и нечленные формы, остатки которых обнаружить не удалось, несмотря на специальные наблюдения. Теперь это прилагательное полностью лежит вне категории определенности-неопределенности: нет, например, таких форм, как *утсáмне* или *утсáмнетата*, есть лишь одна: *утсáмнета*.

Как уже отмечалось выше (см. § 7), прилагательные *нéшн'уу*, *дрéмн'уу*, *мбнен'уу* не имеют нечленных форм мужского рода единственного числа, хотя их замещают прилагательные *нинешен*, *дрéмничук*, *мбначук*.

Вообще прилагательные на *-чук* (*кéсачук*, *т'áсничук*) не образуют членных форм мужского рода единственного числа, хотя их другие формы могут быть и членными: *т'áсничката*, *кéсачкину*. Формы мужского рода единственного числа замещают нечленные прилагательные, лишенные этого суффикса: *дрéмн'уу*, *т'áсн'уу* (см. § 7).

Степени сравнения

§ 11. Качественные прилагательные могут иметь степени сравнения.

1. Сравнительная степень выражается частицей *по-*, стоящей перед прилагательным в положительной степени. Например: *нашту лбзи по-гул'аму ут вашту*; *патладжáну по-скéл ут кра́ствищте мумíчету по-гул'аму ут Илénка*; *ам тбс задáче по-тёшка ут твóјта*; *наўкатај по-сýлна ут природата*; *ајáту*, *по-тóпал*, *купáне-кату курýту*, чи *по-мбнин'ку ут курýту*; *веш по тéн'ки ли ти траба*; „*какó вíди по-хýбау, по-хýбау, по-реүниý?*“ (из песни).

2. Превосходная степень выражается частицей *наj-*. Например: *Кýнету наj-ýбаву мумíченци ут сýчките; вътрé нашuu гóл' вéди са наj-слáтка рýба*; *на дéцката jáсла ўбдет наj-мбнинките децá*.

3. Как видно из примеров, прилагательные в сравнительной и превосходной степени имеют категорию рода, числа, могут иметь как членную, так и нечленную формы. Ср. *по-*

скѣп, по-скѣпа, по-скѣпу, по-скѣпи, по-скѣпту и т. д. Например: *тоj сад'а нѣj-скѣпите абалки си купува.*

4. Частицы *по-* и *нѣj-* не сливаются так тесно со словом, как другие показатели иных грамматических категорий (ср., например, членную форму). Частица и прилагательное сохраняют свое ударение: *ўбау — по-ўбау — нѣj-ўбау.*

Между частицей и прилагательным могут стоять безударные слова. Например: *по-топла удѣ; по ли топла удѣ, нине?* *По ли б'аши топла удѣ, нѣj дѣту курау л'ап му тр'аба;* *по дѣту ўбава мумá ѹшти, по ли си красиу ут сїчкити?!*

5. Неизменяемые прилагательные типа *каврак, гевислїје,* как и другие прилагательные, могут иметь степени сравнения. Например: *по-каврак прѣжда, наj-ајл'аc чил'ак.*

§ 12. В говоре степени сравнения могут иметь не только прилагательные качественные, но и относительные и притяжательные. Например: *нашту селу наj-българцата носије, баба Милана наj-чушманици гал'чи, зеу наj-детеу бабина варта, пал'т'ону по-жёнски ут тогу.*

Как и для литературного болгарского языка, для говора характерна возможность образования степеней сравнения и от других частей речи: наречий, существительных, местоимений, глаголов. Например: *наj-прѣсту гал'чи, по-јофтину са пруда, наj-старик ут сїчкити, по-ерг'ен' ут тёби, наj-прикаzва ут д'аду, наj-ер'генува, наj-пїје, т'а по-шизе, наj-нашта усцб.*

Способность образования степеней сравнения для говора не может служить признаком качественных прилагательных. Грамматические границы между качественными и относительными, качественными и притяжательными прилагательными в говоре не просматриваются, не выделяются.

Место ударения в прилагательных

§ 13. Обычно прилагательные имеют постоянное место ударения, падающее на основу во всех формах. Например: *л'атин — л'атн'уу — л'атна — л'атната — л'атну — л'атнут —*

л'átни — л'átните; кáкин — кáкин'у́у — кáкина — кáкинта — кáкину — кáкинту — кáкини — кáкинти; дéцки — дéцк'уу — дéцките — дéцка — дéцката — дéцки — дéцкиту; диú — дýва — дýута — дýуту — дýви — дýути; сéтн'уу — сéтне — сéтнета — сетнете — сéтн'у — сéтнету; пáче — пáчеу — пáчета — пáчету — пáчете; по-дýва — по-дýута — нáждýва — нáј-дýута и т. п.

Лиши у двух прилагательных отмечено ударение на окончании: гуркíу — гуркá — гуркó, гуркí — гуркóту; дуббр — дуббрó — дуббрá — дуббрáта — дуббрóту — дóbri — добрите.

Колебание места ударения отмечено лишь в трех случаях: 1) в формах ед. ч. слов дóбар — дуббр — дóбра — дуббрá — дуббрó — дóbру, но всегда мн. ч. дóbri; например: дóбар ден! дóбар јунák; дóбра жинá, дуббр прýател'; 2) прóклетуу — прóклета — прóклету — прóклети (обычно) и пруклéт — пруклéта — пруклéту — пруклéти (реже), например: пруклéту мбмче! прóклети кукóшки! прóклет'уу ти адéт! 3) мбнин'ка — мбнин'ку — мбнин'ки (обычно) и манин'ка — манин'ки (реже). Если в первом случае колебание ударения можно объяснить тенденцией сохранять ударение, как и у огромного большинства прилагательных, на основе, то во втором и третьем случае причину колебания выяснить не удалось.

Как уже отмечалось, в форме сравнительной и превосходной степени прилагательные имеют двойное ударение (*нáждéцк'уу*, *по-гýрешту*, *нáј-супéну*). По силе первое ударение не отличается от второго. Двойное ударение зафиксировано и у одного прилагательного в положительной степени, но составленного из двух слов: *унбóгудýшна* — *унбóгудýшната* — *унбóгудýшните*.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные

§ 1. 1) К простым определенно-количественным числительным относятся:

1 — идýн, инб, инб, инýје	3 — три
2 — двá — дв'á	4 — чéтри (реже: чéтири)

5 — пéт'	9 — дéвит'
6 — шес'	10 — дéсит'
7 — сéдем	100 — сто
8 — уóсем'	1000 — иледа

Сюда же можно отнести и заимствование из русского языка — *сóрук*.

2) К сложным определенно-количественным числительным относятся:

а) С суффиксом *-нáјси*:

11 — идинáјси	15 — петнáјси
12 — дванáјси	16 — шеснáјси
13 — тринáјси	17 — седемнáјси
14 — читирнáјси	18 — усемнáјси
	19 — деветнáјси

В живом потоке речи может редуцироваться окончание *-и*. Например: „Кóлку гудáни ýмаш?“ — „Дванáјс“; Нéска два-најс' рýбле пуáрчиу.

Окончание *-и* чаще сохраняется в тех случаях, когда на числительное падает логическое ударение. Например: За петнáјс' рýбле ше ли гу дадéш? — Кáзвам ти, усемнáјси! Чак за седемнáјси нáма да ти дáм!

б) С суффиксом *-дисé* и (если основа оканчивается на гласный) *-јсé* и *-јси*:

.. 20 — двáјси	60 — шијсé
30 — три́јси	70 — седемдисé
40 — читирдисé	80 — усемдисé
50 — пидисé	90 — дивиндисé

Числительное *читирдисé* встречается редко и, как правило, в языке старшего поколения в рассказах о старом быте, о старых единицах измерения. В сочетании со старыми единицами измерения слово *читирдисé* отмечено и в языке молодежи: *читирдисé дистíни*; *читирдисé ѿски*, но: *сóрук*

рўбле, сбрук иктáре, сбрук кíли. Числительное *сбрук* почти полностью вытеснило числительное *читирдисé*, дети этого слова уже не знают, не понимают его значения.

в) В группу сложных числительных входят и числительные *дв'áста* и *трíста*. В значении 300 иногда употребляется и *трíй стóтин*, т. е. составное числительное.

3) К составным числительным относятся все остальные определенно-количественные числительные.

а) Состоящие из сочетания числительного со счетным существительным *йледа* (взятого в форме мн. ч.) или *стóтина* (взятого в особой форме, в форме прежнего род. п. мн. ч. — *стóтин*). Например: *чётри стóтин, пёт' стóтин, шес' йледи, двáјси стóтин áбалки; шеснáјси йледи да ймаш, шéјси кўшиш ликавўшка.*

б) Составленные из разнородных разрядов чисел: *шијсé и шес'*, *трíјси_ј ўбсем'*, *дв'áста пидисé_ј шéс'*, *дёвим' стóтин и дивиндисé_ј пет'*, *йледа и пет' стóтин*. В этих случаях слова обычно соединяются союзом *и*, который может редуцироваться до *j*.

4) Для лиц (как мужского, так и женского пола) употребляются особые числительные, образованные при помощи суффикса *-(и)ма*. Например: *двáмате рабутет; йскам двáма да испýјем; двáма си, м'áзат с'áкаш пáра и петák* (посл.); *утбдеть мóмите трíма — чéтирма... устáнауми сирáчоута саз нáшта мáјка: двáма саз бráта и дв'á сéстри.*

В сочетаниях с существительными, обозначающими лицо, встречаются и обычные количественные числительные: *пет' мóмака и шес' мóми; дв'á сéстри.* Обычные числительные чаще встречаются в тех сочетаниях, где существительное обозначает лицо женского пола. Числительные на *-(и)ма* употребляются чаще тогда, когда они употребляются самостоятельно, вне сочетания с существительным. Например: *дистíма нéска ше рабутим.*

5) Простые определенно-количественные числительные могут получать суффиксы *-(и)чки, -(и)нки*, имеющие значение уменьшительно-ласкательное и придающие числительному.

кроме уменьшительно-ласкательного оттенка, еще и оттенок приблизительности счета.

Числительные с суффиксом -(и)чки обычно употребляются, когда речь идет о неодушевленных предметах, а -(и)нки — об одушевленных. Эти числительные употребляются как самостоятельно (чаще), так и в сочетании с существительными. Например: *дај ми макár дв'áчки áбалки; дв'áчките стувýт* (о детях); *душлé трийките* (о детях); *ас ми тр'áбат трийчи матóчките; тамáн ги л'áэст, питтийките...* (о детях); *ај ги, трийките, дéса* (о детях, о цыплятах); *ймами трийки агненца; читрийките ѫдат ут школа.*

§ 2. Количественным числительным чуждо грамматическое значение рода и числа. При счете предметов, независимо от того, к какой грамматической категории относятся существительные, обозначающие считаемые предметы, числительные употребляются всегда в одной форме: *инб, дв'á, три, чéтри* и т. д.

Родовые формы, наблюдаемые у числительных *идíн, два* (*инб* — ж. р., *идíн* — м. р., *инб* — сп. р. и *два* — м. р., *дв'á* — ж. р. и сп. р.), употребляются в том случае, когда они выступают в атрибутивной функции перед определяемым существительным. Например: *идíн чил'ák, дéту ўбзиши кириýе...*; *јáдуу нéска идíн лук; ше тóриш е тóка идíн гóс...*; *два кóне ѫмауми..., два венéца наплéли; инб жина дóди, дв'á скáтерки истакáу, дв'á кукóшки закláуми, кўпиц си дв'á кíли сол'.*

Форма множественного, наблюдаемая у слова *идíн*, употребляется лишь в функции определения к существительным pluralia tantum. Например: *инíје нóјце, инíје синц'á, инíје гáште.*

Любопытно, что при отсутствии существительного эти слова употребляются в той же форме, что и при счете. Так, если, например, спросят: *Кóлку нóјце си кўпи нéска?* то отвечают: *Инб, ни ми тр'áба побици!; Кóлку нóшче ѫмаш? — Инб; Кóлку стóла занéсаути кумиýју за свáдба? — Дв'á!*

Счетное существительное *йледа* сочетается с числительными как обычное существительное женского рода. Ср.:

йледа, дв'яйледи, гул'амийледи — кукбшка, дв'якукбшки, б'аликукбшки.

Слово *стóтин*, являясь в современном употреблении своеобразной формой множественного числа числительного *сто* (ср.: *сто* — *дв'аста* — *трíста* и *три стóтин*, *три стóтины*, *чéтры стóтин* и далее для всех числительных — от четырех в форме *стóтин*), сохраняет большие связи со счетным существительным *стóтина* (ср.: *стóтина ејцá*, *инъ стóтина*, *у'ала стóтина*, *гул'ами стóтини парý арчи*), чем с этим числительным.

Остальные количественные числительные и слова, к ним примыкающие, употребляются лишь в единой форме, т. е. не имеют грамматической категории рода или числа.

§ 3. Все определенно-количественные числительные могут иметь членную форму: *-т'áy*, *-ту*, *-та*, *-те*, *-у*.

1) Все простые числительные (кроме 1, 2, 3, 1000) получают член *-т'ay*: *пет'т'áy*, *седем'т'áy*, *десит'т'áy*, *стóт'áy*, *сбрукт'áy*. Ударение всегда падает на член *-т'ay*, но обычно сохраняется и прежнее, побочное, более слабое ударение на основе:

2) Все сложные числительные (кроме 200, 300) получают член *-ту*, при этом числительные, оканчивающиеся на безударный *-и*, теряют его перед членом; ударение сохраняется на основе: *шијсé* — *шијсéту*, *усемдисéту*; *дивиндисéту*; *двáјси* — *двáјсту*, *петнáјсту*, *идинáјсту*.

3) Член *-та* получают лишь следующие числительные: *инъ-та*, *два-та* (м. р.), *дв'аста-та*, *трíста-та*, *йледата*.

4) Остальные определенно-количественные числительные получают член *-те*: *инъ-те* — *инъ-тете*, *дв'я-те* (ж. и ср. р.), *трí-те* (простые), *двáма-те*, *трíма-те* (для лиц); *дв'áчките*, *трíн-ките* (уменьшительно-ласкательные).

5) Член *-у* может получать лишь *идин* в форме единственного числа мужского рода, например: *идину ми чепíц са скбса*.

6) Составные числительные образуют членную форму двумя способами: а) в сочетаниях, состоящих из числительного и

счетного существительного, член получает лишь числительное: *пет'я́у*, *стóтин*, *стóт'я́у* *йледи...*; б) у числительных, составленных из разных разрядов чисел, член получает лишь последнее слово: *дéвят стóтин и пидисéј петт'я́у рúбле.*

§ 4. Из синтаксических особенностей определенно-количественных числительных можно отметить следующие.

1) Они не могут иметь перед собой определения. Лишь счетные существительные, к ним примыкающие, могут быть определяемыми. Например, *у'áла стóтина*, *у'áла йледа*; *гу́х'áми йледи* *ше пичéлиш*, *брé!*

2) В сочетаниях существительного с определенно-количественными числительными от двух и выше существительные женского и среднего рода употребляются в форме множественного числа. Например: *три свíнче́ута*, *чéтри будýл'ки*, *пет' кóн'че́ута*, *трýста бáби*, *трýма дýше*.

Существительные мужского рода в сочетаниях с числительными обычно стоят в особой форме так называемого „множественного определенного“. Например: *усемnáјc' клáса*, *чéтри стóтин салдáтина*, *пет' стóла*, *трý шкáва*. Но здесь встречаются некоторые отклонения, например: *пет—шес макáзи* (см. раздел „Имя существительное“, § 9)⁷.

3) Числительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами употребляются главным образом лишь с существительными среднего рода⁸, стоящими в форме множественного числа. Обычно происходит своеобразное согласование по уменьшительно-ласкательному оттенку; ср.: *двáма бráта* — *дв'ачки бráтленци*; *дв'á сéстри* — *дв'ачки сестрýченци*.

4) Некоторые особенности представляет согласование числительных со словом *гудýна*; ср. *инъ гудýна*, *дв'a гудýни*,

⁷ „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 7, стр. 36 и след.

⁸ Все уменьшительно-ласкательные суффиксы имен существительных переводят существительное в средний род; ср.: *питéл* — *питéл'че*, *питéл'ченци*, *мумá*, *мумáче*, *мумáченци*.

З гудыни и З гёдин, 4 гудыни и 4 гёдин, 15 гудыни и 15 гёдин. В сочетании с числительным, начиная с трех, безразлично употребляется форма множественного числа (*гудыни*) или особая форма, употребляемая лишь с числительным, — *гёдин* (ср. *стóтин*).

§ 5. По ряду грамматических признаков к определенно-количественным числительным примыкают, образуя особую группу, так называемые неопределенно-количественные числительные. К ним можно отнести:

1) местоимения-числительные: *нёколку* — *нёколкума*, *колку* — *кёлкума*, *сýнките* — *сýнцима*;

2) местоимения-наречия: *млóгу* — *млóгума*, *мáлку* — *мáлкума*;

3) слово *йбил'* и выражение *идýн бил'úк*, которые употребляются лишь в значении множества предметов или лиц.

§ 6. 1) Все числительные-местоимения и местоименные наречия имеют особую форму для лиц, образованную, как и у числительных определенно-количественных, суффиксом *-ма*. Например: *Кёлкума сти кёшти?* *кёлкума рабутиши?*, но *кёлку кукóшки ймате?* *Кёлку дýне ти тр'áба?* *Нёколкума другáре б'áуми на гул'ају*; но *нёколку парý ше ми пузýчеш!* *Виј сти млóгума, пак ас самýчук!* *Мáлкума рабутим, сад'á двáма: ас и даштир'á ми.* Однако формы на *-ма* неопределенно-количественных числительных еще более безразличны к полу лица, чем определенно-количественные числительные: если еще можно сказать *дв'á сéстри* (наряду с *двáма сéстри*), то уже нельзя сказать *кёлку сéстри*, но лишь *кёлкума сéстри*. Здесь, таким образом, наблюдается своеобразное проявление категории личности.

2) Все неопределенно-количественные числительные, как и остальные количественные числительные, не имеют грамматического значения (и выражения) рода и числа. Наличие категории рода в слове *бил'úк* не нарушает этой закономерности: слово *бил'úк* употребляется лишь в выражении *идýн бил'úк*, категория рода замыкается в этом выражении. Между ними нельзя поставить какое-либо прилагательное, не может

стоять прилагательное и перед этим выражением. Например, нельзя сказать: *иди́н гул'ам бил'ук* или *гул'ам иди́н бил'ук*.

Можно сказать лишь так: *иди́н бил'ук ѿсце, иди́н бил'ук пары.*

3) Все неопределенно-количественные числительные, в отличие от определенно-количественных,⁹ не имеют и не могут иметь членной формы. Ср.: *двáмате душлé*, но *кóлкумате душлé* или *млóумате ráбутет* — сказать нельзя.

§. 7. Сочетание неопределенно-количественных числительных с существительными идет обычным для количественных числительных путем: для существительных ср. и ж. родов — форма мн. ч., для существительных м. р. — форма „количественного множественного“⁹.

Однако и здесь есть свои особенности.

1) Неопределенно-количественные числительные могут сочетаться с существительным, стоящим в форме единственного числа, если это существительное имеет значение собирательности; определенно-количественные числительные такого сочетания не знают; например, *йбил' рýба; иди́н бил'ук л'апше пулúчи; кóлку рýба излувиúти?* Но лишь: *пет' — шес' рýби; двá л'аба* и т. п.

2) При сочетании с существительными мужского рода, имеющими особую форму „количественного множественного“ (или так называемого „множественного определенного“), наблюдается ряд отступлений: если при определенно-количественном числительном всегда будет стоять существительное в форме „множественного определенного“, то при неопределенном количественном числительном очень часто оно может стоять и в форме обычного множественного („множественного неопределенного“). Например: *Кóлку стóла дунéсууте? Иди́н бил'ук стóла на свáдбата; ше учýпиш нéколку клáса; млóгу карóуника; малку кáдуса имами; иди́н бил'ук кáдуси*

⁹ См. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 7, стр. 36 и след.

ни *тр'áба*; *кóлку кáдуса прáим дин'о?* *Ибил'* казáни ýма на лáуката; *тъс рíба ýма млóгу кóкале*¹⁰.

Формы так называемого „множественного определенного“ и „множественного „неопределенного“ в сочетании с неопределенно-количественными числительными употребляются почти безразлично. Чаще форма „множественного определенного“ употребляется там, где говорящему важно подчеркнуть некоторую численную ограниченность количества предметов, необходимость и ближайшую возможность пересчитать их. Когда спрашивают, например, *кóлку кáдуса прáјете дин'о?*, то ответ предполагает определенное количество бочек и берется форма „множественного определенного“. В языке молодежи форма „множественного определенного“ в данной конструкции употребляется значительно реже.

3) При сочетании с неопределенко-количественными числительными слово *гудíна* может принимать безразлично форму *гудíни* или *гóдин*. Такое же безразличное употребление наблюдается и при сочетании со словом *стóтина* — *стóтин* и *стóтини*. Например: *кóлку стóтин?* и *кóлку стóтини?*. Еще примеры: *Кóлку гудíни ýмаш?* и *кóлку гóдин?* *Идýн бил'úк гудíни ýмам;* *нéколку гудíни* (или: *гóдин*) *жуvý тóка;* *млóгу стóтин кирпíч ми тр'áба.*

§ 8. Приблизительность счета выражается различными способами.

1) Обычно приблизительность счета выражается путем бессоюзного соединения двух последовательных чисел: *три-четри лéјде*, *пет-шес' будýл'ки*, *трíйма-чéтирма гóстина*, *пет-шес' кíли рíба*; *три-чéтры вáрти*, *дв'á-три йледи*.

Числительные этой группы занимают промежуточное положение между определенно- и неопределенко-количественными числительными. С последними они сближаются отсутствием членной формы. Но по всем другим признакам они сближаются с определено-количественными числительными.

¹⁰ См. также в разделе „Судоставительные“ дополнительные примеры и разъяснения („Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 7, стр. 36 и след.).

2) Приблизительность счета реже может быть выражена и при помощи инверсии: существительное ставится перед числительным. Например: *свёршиши са у чисá чéтри; да имá е-ни́не рýбле пет'*. И в этом случае члénная форма при числительном не употребляется.

3) Числительные с суффиксом *-ина*, обозначающие приблизительный счет, встречаются редко. Например: *пузичíй инь стóтина рýбле! ималу дистíна дúше; дистíна ѫледи ше зéмат эа лукó.*

Эти числительные примыкают к существительным, образуя группу „счетных существительных“, они имеют грамматический род, число, могут иметь перед собою определение.

4) Приблизительность счета может выражаться и путем сочетания неопределенного-количественного числительного *нé колку* со счетными существительными *дистíна, стóтина, ѫледи*. Например: *напрáвиими нéколку дистíни кáдуса (и кáдуси), нéколку стóтини (и стóтин) рýбле; нéколку ѫледи пуáрчи.*

Порядковые числительные

§ 9. 1) Почти все простые порядковые числительные образуются от соответствующих определенно-количественных числительных при помощи родовых окончаний:

- *уу* — для м. р. ед. ч.
- *ета* — для ж. р. ед. ч.
- *ету* — для спр. р. ед. ч.
- *ете* — для мн. ч. всех родов.

Например: *трéт'уу — трéтета — трéтету — трéтете; читвéрт'уу — читвéртета — читвéртету — читвéртете; пéт'уу — пéтета — пéтету — пéтете; шéст'уу — шéстета — шéстету — шéстете; сéдм'уу — сéдмета — сéдмету — сéдмете; дисéт'уу — дисéтета — дисéтету — дисéтете.*

Так образуются порядковые числительные от трех до десяти.

Встречается, однако, и отклонение от общего правила образования. В форме женского рода, вместо обычного окончания *-ета*, иногда можно встретить окончание *-ата*: *дисётата*, наряду с нормой *дисётета*. Отмечены также формы *сéдмата*, *шéстата*; но эти формы встречаются крайне редко, главным образом в языке лиц, которые часто и надолго выезжали из села (например, трактористы, ветеринары и пр.). В форме среднего рода можно встретить окончание *-уту* вместо *-ету*: *у́смуту*, *шéстуту*, а во множественном числе *-ите*, вместо *-ете*: *дивéтите*.

Эти колебания вызваны влиянием соседних говоров, например, говоров г. Болграда.

Порядковые числительные от трех до десяти не имеют особых нечленных или отдельных членных форм, т. е. в них не выражена грамматическая категория определенности и неопределенности; есть только, например, *сéдмета*, но нет *сéдме* или *сéдметата*.

2) Особым путем образуются порядковые числительные для 1 и 2: у них нет общих основ с количественными числительными, они имеют грамматическое выражение категории определенности и неопределенности.

Нечленными формами для порядковых числительных 1 и 2 будут: 1-й — *прéуне* — ж. р., ср. р. и мн. ч. всех родов; 2-й — *фтóре* — общая форма для ед. ч. ж. р., ср. р. и для мн. ч. всех родов.

Однако нечленные формы употребляются крайне редко, обычно и эти порядковые числительные употребляются с членом. Нечленной формы для мужского рода не отмечено.

Нечленные формы изредка употребляются в предикативной функции: *жинáта му бýла фтóре*; *тоj_ј фтóре и т'а ни_јé прéуне*.

Числительные, не имеющие категории определенности-неопределенности, и в предикативной функции не теряют окончание *-та*, *-ту* и т. п. Например: *тъс дашир'á ёки трéтета, наj дéту млáда*.

Эти особенности категории определенности-неопределенности, а также наличие общих форм для всех родов отмечены и в других частях речи. Эти явления рассматриваются особо, после обзора частей речи¹¹.

Членными формами порядковых числительных один и два являются: *прѣун'уу*, *прѣунета*, *прѣунету*, *прѣунете*; *фтоб'уу*, *фтобрета*, *фтобрету*, *фтобрете*.

Синонимом слову *прѣун'уу* часто выступает слово *пѣрв'уу* (м. р., нет противопоставления по категории неопределенности-определенности), *пѣрва* и *пѣрвата* (ж. р.), *пѣрву* и *пѣрвуту* (ср. р.), *пѣрви* и *пѣрвите* (мн. ч.). Эти формы, видимо, проникли из других говоров: их образование не противоречит системе образования порядковых числительных в говоре. Образование форм *прѣун'уу*, *фтоб'уу* полностью соответствует системе говора.

§ 10. 1) Сложные порядковые числительные употребляются крайне редко, главным образом, в сочетании со словом *гудына*. Отмечены лишь формы женского рода. Образование их не отличается от образования простых порядковых числительных. Например: *дванајс'* — *дванајсета гудына*; *шијсé* — *шијсёта гудына*; *двáјси* — *двáјсета гудына*.

2) Составные порядковые числительные, составленные из чисел, принадлежащих к разным разрядам чисел, типа *шијсé j шес*, также употребляются в форме женского рода и только со словом *гудына*. Других сочетаний не отмечено.

У составных порядковых числительных окончание, характерное для порядковых числительных, принимает лишь последнее слово. Например: *двáјси* и *фтобрета гудына*; *йледа* и *дéвим' стóтин и пиidisé_j трéтета гудына*.

§ 11. Промежуточное положение между количественными и порядковыми числительными занимают числительные, служащие для обозначения дробных чисел. В числителе стоит количественное числительное, а в знаменателе — порядковое.

¹¹ См. ниже раздел „Замечания об особенностях выражения грамматической категории рода...“

Этим и объясняется их двойственность: *инѣ трѣтета, три пѣтете, шес' дисѣтете*. Для $\frac{1}{2}$ обычно употребляются существительные *пулувіна* или *пулувіничка*, но в них ощущается оттенок приблизительного счета, для точного счета употребляется числительное *инѣ фтѣра*;ср.: *учупи пулувіната л'аба; убрата пулувіната са разутѣдва*; „*Каліна му пулувіна нош приста́на*“ (из песни).

Синтаксически числительные, обозначающие дробные числа, ведут себя как обычные определенно-количественные числительные, но существительные стоят при них в форме единственного числа и часто соединяются с числительным при помощи предлога *ут*. Например: *инѣ трѣтета ут абалка ше дам на Кіна*.

Э. И. ЗЕЛЕНИНА

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СУВОРОВСКОГО ГОВОРА¹
(продолжение)

ИЗ ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ

В области производственной лексики суворовского говора, как и в области бытовой лексики, со времени поселения его носителей на территории России произошли заметные изменения.

Поселившись на новом месте, предки суворовских болгар продолжали вести привычное для них хозяйство. Как и в Болгарии, они продолжали заниматься скотоводством и возделывать известные им сельскохозяйственные культуры, пользуясь старой примитивной техникой. Суворовским болгарам издавна были известны и некоторые ремесла: скорняжное, бондарное, ткачество и др. Лексика, связанная со старым хозяйством и примитивной техникой, является в говоре исконной.

Изменения в области производственной лексики суворовских болгар были вызваны главным образом введением новой агротехники, применением новых машин, а также введением в производство новых сельскохозяйственных культур. В период жизни суворовских болгар в условиях отсталой в техническом отношении царской России в их производственной лексике не произошло особенно заметных изменений. Однако

¹ Начало работы опубликовано в „Статьях и материалах по болгарской диалектологии СССР“, вып. 7 (М., 1955, стр. 63—114).

следует указать на некоторые заимствования из русского языка, сделанные в этот период; например: названия для жатки (*жѣтка*), веялки (*виѣлка*) и сеялки (*сиѣлка*), появившиеся в с. Суворове, по рассказам местных болгар, в конце XIX—начале XX вв. (с 1895 по 1915 гг.). В этот же период были заимствованы из русского языка некоторые термины, связанные с пчеловодством, рыболовством, плотничеством и портняжным ремеслом. В период, когда эта территория входила в состав Румынии, в области производственной лексики в их словаре не произошло почти никаких изменений. В ней почти совсем отсутствуют заимствования из румынского языка. Это объясняется тем, что отсталая в техническом отношении Румыния не могла внести ничего нового в хозяйство народов Бессарабии, в том числе в хозяйство суворовских болгар.

Коренные изменения в сельском хозяйстве суворовских болгар произошли в связи с началом колхозного строительства в годы советской власти. Изменилась организация труда, была введена новая агротехника, начали применяться новые орудия труда, машины. Значительно расширились масштабы полевых работ и увеличились посевные площади. Суворовские болгары начали возделывать много новых культур. Большие изменения, произшедшие в хозяйстве, непосредственно вызвали значительные изменения в словаре говора. Появилось много новых слов, заимствованных из русского и украинского языков, произошли заметные изменения в значении исконных слов. Названия старых орудий, вышедших из употребления, устарели. Новая организация труда способствовала появлению в словаре говора значительного числа заимствованных из русского языка слов; например: *кулхѣс*, *бригада*, *бригадир*, *звинѣ*, *звинувобѣ*, *трудудѣн*, *план*, *график*, *нар'ат* и др.

В данной статье, посвященной производственной лексике, нами будут рассмотрены только три группы слов: 1) названия домашних животных и птиц, 2) названия сельскохозяйственных культур и 3) названия сельскохозяйственных орудий и машин.

§ 1. Названия домашних животных и птиц

Группа слов, связанных с названиями домашних животных и птиц, относится к устойчивому пласту словаря суворовского говора. Она почти целиком состоит из исконных для говора слов, в ней отсутствуют устаревшие слова. Своими исконными словами суворовские болгары называют:

- 1) домашних животных, например: *дубýтак* 'скот', *кráва* 'корова', *тили́чка* 'телка', *вол* 'вол', *кон* 'лошадь', *уфџá* 'овца', *шили* 'годовалая овца', *увéн* 'баран, оставленный на откорм', *áгни* 'ягненок', *кузá* 'коза', *свин'á* 'свинья', *шупár* 'боров', *нérис* 'боров, оставленный на племя', *кучи* 'собака', *кóтка* 'кошка' и др.;
- 2) домашних птиц, например: *кукбóшка* 'курица', *питéл* 'петух', *пíли* 'цыпленок', *јáрка* 'молодая курица', *мис'úр* 'индейка', *урдéчка* 'утка' и т. д.;
- 3) действия, связанные с рождением домашних животных и птиц, например: *утéл'а са* 'отелиться', *уágна са* 'оягниться', *укóза са* 'окотиться' (о козе), *упрасá са* 'опороситься', *укúча са* 'ошениться', *укóта са* 'окотиться' (о кошке), *пíла* 'выводить цыплят' и др.;
- 4) крики домашних животных, например: *мачá* 'мычать', *квиčá* 'верещать' (о поросенке), *грухтá* 'хрюкать', *лáја* 'лаять' и др.;
- 5) покров и отходы домашних животных и птиц, например: *чатúна* 'щетина', *кóзина* 'шерсть животных' (коровы, козы), 'конский волос', *грíба* 'грива', *лáжну* 'коровий помет', *фашки* 'конский помет', *куришници* 'куриный помет' и др.;
- 6) к исконной лексике следует отнести и группу слов-междометий, которыми пользуются суворовские болгары, когда подзывают или отгоняют домашних животных и птиц. Представим их в виде следующей таблицы².

² В скобках указываются болгарские источники, в которых встретилось то или иное междометие (см. список сокращений).

Название животного, птицы	Междометие, при помощи которого подзывают	Междометие, при помощи которого отгоняют
Лошадь Жеребенок	<i>кос'-кос'</i>	не зафиксировано: погоняют лошадь словом <i>хайды!</i>
Корова Теленок	<i>Мин'-Мин'</i> (Вак. Сб. БАН, 31, 8)	<i>н'я-н'я-талаң!</i> тируч-кад'а (Вак. Тр. сб., 43 — „т' р'!“)
Овца Ягненок	<i>тпр'-р'-ри!</i> (Вак. Сб. БАН, 31) не зафиксировано	<i>бр-р-кад'а!</i> (ВАК. Сб. БАН, 31, 29 — „п:р“)
Свинья Поросенок	<i>үйял!-үйял!</i> (Вак. Сб. БАН, 31, 17 „циг“ . . .) <i>т'ук!</i> <i>т'ук!</i>	не зафиксировано
Собака Щенок	<i>куч-куч!</i> (Гер., Вак. Тр. сб., 41) <i>кац-кат!</i>	<i>Цыйба де!</i> (Вак. Тр. сб., 41) Возгласом <i>у-у-аа!</i> за- ставляют собаку замол- чать
Кошка	<i>пс-с-пс с!</i>	не зафиксировано
Утка	<i>вач-вач!</i> (П. Шум., Вак. Сб. БАН, 31, 22)	<i>киш-ши-киш-ши-кад'а!</i> (Вак. Сб. БАН, 31, 33—35)
Гусь	<i>па-па!</i> (Вак. Сб. БАН, 31, 21)	
Индюк	<i>үйди-үйди!</i> (Вак. Сб. БАН, 31, 23 — гъд)	<i>киш-ши-киш-ши-кад'а!</i>
Курица	<i>пи-пи!</i> (Гер., Вак. Сб. БАН, 31, 19)	(Вак. Сб. БАН, 31, 33—35)

Кроме того, зафиксированы слова и возгласы, которыми погоняют волов — *ајшчá!*, *ајшчá!* — и заставляют их подняться — *таз!*

Как видно из приведенной таблицы, большая часть употребляемых в суворовском говоре подзывных слов-междометий известна в болгарских источниках. Одни из них, как указывается в источниках (Вак., Сб. БАН, 31), распространены по всей Болгарии, например, подзывные слова для коров, свиней, овец и слово, которым отгоняют всех птиц, другие известны преимущественно в восточной Болгарии, например, подзывное

слово для кур, гусей, трети известны только в юго-восточной Болгарии, например, подзывное слово для индюков, а подзывное слово для уток известно только в шуменском говоре. Отдельные, не встретившиеся в болгарских источниках слова, являются, по-видимому, также исконными в говоре, так как суворовским болгарам издавна были знакомы эти домашние животные и они называли их своими исконными словами.

Отметим наблюдаемые в группе названий домашних животных и птиц особенности в значениях слов, известных по болгарским словарям. Словом *гъуша* в говоре называют 'бороду петуха', в то время как в словарях такого значения этого слова не дается (Рсбке, Берн. II, Б. т. р., Чук., б-р. и др.). Слово *бички* обозначает 'сережки у петуха', а во всех словарях дается только одно его значение — 'серьга' (украшение). Глагол *разлéгна съ* значит в говоре — 'начать высиживать цыплят'. Однако в словарях, в которых оно есть (Гер., Берн. I) не дается такого его значения. Слово *разлéгна съ* (литературное, *разлéгам се*) является, по-видимому, редко употребляемым в болгарском языке или устаревшим, так как в большинстве словарей его нет (Мич., Дюв., Чук. б-р., Берн. II).

Среди названий домашних животных и птиц значительное место занимают областные слова, хотя основную массу этих названий составляют слова общеболгарские. Областными являются слова: *бугá* 'бык', *коч* 'баран, оставленный на племя', *гадýна* 'домашняя птица', *клóчка* 'квочка', указанные в Б. т. р. как областные, а также слова: *дзвíска* 'молодая овца' и *пáтка* 'гусыня', отмеченные пометой обл. В словаре Берн. II и в Рсбке; правда, *дзвíска* дано как *нар.* Областными также следует считать и слова *патóк* 'гусак', *пáтинци* 'гусенок' и *буglé* 'бычок'. Почти все указанные слова встретились в источниках по фракийским говорам: *бугá* (Млад. Тр. сб., 118, Вак., Тр. сб., 42), *коч* (Млад., Тр. сб., 135, Вак. Тр. сб., 23), *дзвíска* (Млад., Тр. сб., 127), *пáтка* (Млад., Тр. сб., 148, Вак. Тр. сб., 49). Слово *бугá* встретилось также в словаре

шуменского говора (П. Шум.), слово *пáтка* 'гусыня' в шуменском (П. Шум.) и балканском (Ш. Твард) говорах, а слово *гадйна* 'гад' в шуменском (П. Шум.) и орханийском (западноболгарском — СбНУ, 38, Орх.) говорах. Название *коч* было обнаружено также в источниках по балканским говорам (Ш. Твард.), а название *дэвйска* в источниках по западноболгарским говорам (Мар. Градиво, 164).

В говоре представлено слово *укóна сá* (литературное *оконча се*) 'ожеребиться', которое приводится в большинстве словарей наряду с другим глаголом того же значения — *жréбя се* (Чук. б.-р., Берн. II, Б. т. р. и др.). Однако слово *оконча се* не приводится в словаре Чук. р.-б. (см. *жеребиться*), в котором дается только слово *жребя се*. Это указывает на более редкое употребление слова *оконча се* по сравнению со словом *жребя се*. Из всех диалектологических источников слово *укóна сá* было обнаружено только в источниках по фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 135; Вак. Тр. сб., 48).

Представленное в суворовском говоре название утки — *урдéчка* (литературное *юрдечка*) приводится в словарях наряду с двумя другими названиями — *патка* и *патица*. Все три названия указываются в словарях без каких бы то ни было помет, поэтому их соотношение в болгарском языке остается неясным. Слово *юрдечка* встретилось во фракийских (Вак. Тр. сб., 50) и шуменских (П. Шум.) говорах.

В суворовском говоре зафиксировано два названия для индюка — *мис'ýр* и *куркáн*. Оба названия известны в болгарских словарях. Однако в суворовском говоре основным и исконным является название *мис'ýр*. На давнее существование слова *мис'ýр* в говоре указывает то обстоятельство, что от одного с ним корня образованы в говоре названия для индюшки (*мис'ýрка*) и индюшонка (*мис'ýрчи*). Важно отметить также, что слово *мис'ýр* известно фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 143). Слово *куркáн* не подкреплено другими образованиями и отсутствует в источниках по фракийским говорам. Оно известно тетевенскому (СбНУ, 31) и ольшанскому

(Б. Ольш.) говорам. Кроме того, оно известно балканским и отдельным северо-восточным говорам Бессарабии²³. В суворовский говор оно могло проникнуть из соседних с ним говоров, например ташбунарского.

В болгарских словарях известны и другие названия индюка, кроме указанных *мисир* и *куркан* (*куркой*). Два названия: *мисир* и *пуюк* указываются в словарях без особых помет и являются, по-видимому, общеболгарскими. Названия *фит* и *куркан* указаны как областные (Берн. II и Чук. б.-р.).

Единственным заимствованным из русского языка является в говоре слово *жирибéц*. На его русское происхождение указывает представленное в нем русское полногласие (-*ере-*, сув. -*ири-*), ср. болгарское *жребец* (Чук. б.-р.). Русское слово *жирибéц* употребляется главным образом грамотными болгарами. Основным в говоре является исконное название *агéр* (Чук. б.-р., Берн. II, Б. т. р. и др.).

§ 2. Названия сельскохозяйственных культур

В группе названий сельскохозяйственных культур суворовского говора со времени переселения его носителей в Россию произошли изменения, выразившиеся главным образом в появлении в словаре говора заимствованных названий культур.

Однако большая часть слов, связанных с сельскохозяйственными культурами, является исконной. Исконными, в основном, являются названия культур, известных предкам суворовских болгар до их переселения в Россию. К ним относятся:

а) названия зерновых культур, например: *жýту* 'пшеница', ср.: *прóлитну* *жýту* 'яровая пшеница', *раш* 'ржь', *ичумíк* 'ячмень', *увéс* 'овес', *прусó* 'просо', *лéшта* 'чечевица', *урýс* 'рис', и др.;

б) названия технических культур, например: *кунóп* 'конопля', *л'ян* 'лён';

²³ Это видно из карты „Атласа болгарских говоров СССР“ (находится в печати), на которой картографируются названия индюка.

в) названия огородных и бахчевых культур, например: *картофли* (литературное *картофи*) 'картофель', *крастувица* 'огурец', *р'апа* 'репа', *р'апичка* 'редиска', *мёркул* 'морковь', *р'ян* 'хрен', лук 'лук', *pras* 'сорта лука', *арпаджик* 'семенной лук', *чесан* 'чеснок', *пипер* 'перец', *цёлина* 'сельдерей', *патладжан* 'помидор', *бог* 'фасоль', *грах* 'горох', *тиква* 'тыква', *кавун* — 'дыня', *карпӯз* 'арбуз' и др.;

г) названия фруктовых деревьев, кустарников и их плодов, например: *абалка* 'яблоня', 'яблоко', *крұша* 'груша', *чур'аша* 'черешня', *слива* 'слива', *джүл'a* (литературное *дюля*) 'айва', *праскуф* 'персик', *грозди* 'виноград', *памыт* — сорт белого винограда, *чётка* 'виноградная гроздь', *китүк* 'виноградный корень' и др.;

д) названия цитрусовых растений, например: *лимён* 'лимон', *партукал* 'апельсин'.

В рассматриваемой группе слов наблюдаются некоторые особенности в значении слов. Следует отметить особенное, не встретившиеся в болгарских источниках, значение слова *каба*. В суворовском говоре этим словом называют сорт сладкого лука.

Отметим также, что слово *маалка* имеет в говоре значение кукурузного кочана с зернами, а в словарях (Гер.) оно имеет значение обмолоченного кочана. Правда, в источниках по фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 141) слово *махалка* имеет одинаковое значение с суворовским. Слово *муал'а* (литературное *мухла* — Гер.) обозначает в говоре болезнь злаков — спорыню, в то время как в словарях такого значения не указывается.

Подавляющее большинство слов рассматриваемой группы является общеболгарским. Только отдельные слова являются областными. Слова: *карпӯза* 'арбуз' и *кавун* 'дыня' указаны как областные в БТР. В использованных источниках по говорам Болгарии почти совсем отсутствуют названия арбуза и дыни. Только в словаре шуменского говора дается название *дин'a* и указывается, что в западной Болгарии известно название *л'убеница* (П. Шум. 381).

По материалам „Атласа болгарских говоров СССР“ суворовские названия (*карпӯза* и *кавӯн*) свойственны говорам фракийского происхождения. Другие, указываемые в болгарских словарях без особых помет названия арбуза и дыни встречаются в северо-восточных (*дѝн’а* ‘арбуз’, *пъпиш* и *пипон* ‘дыня’) и западноболгарских (*лубеница* ‘арбуз’, *пъпиш* ‘дыня’) говорах Советского Союза.

Слово *мамӯл’* ‘кукуруза’ отмечено как областное в словаре (Берн. II). Из диалектологических источников оно известно в источниках по фракийским (Вак. Тр. сб., 64), (наряду с другими названиями) и шуменским (П. Шум.) говорам.

Слово *маálка* (литературное *махалка*) следует считать также областным или устаревшим, так как оно имеется только в словаре Герова, а в современных словарях его нет. Из диалектологических источников оно встретилось в источниках по фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 141).

Суворовское название ‘косточки от фруктов’ *пáшка* является также редким в словарях. Оно встретилось только в словаре Герова. В словаре Берн. II слово *пъшка* имеет значение ‘грозди винограда’. В источниках по фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 157) это слово встретилось со значением ‘коробочки хлопка’. В других диалектологических источниках слово *пъшка* не встречается. В говоре есть и другое название косточки — *кусты́лка*, являющееся, по-видимому, обще-болгарским, так как оно указывается во всех словарях (Гер., Мич., Чук. б.-р., Чук. р.-б., Берн. I, II). К сожалению, слово *кусты́лка* не встретилось в диалектологических источниках, поэтому нельзя определить его диалектную принадлежность. Наличие в говоре в данном случае исконных дублетов названия одного и того же предмета свидетельствует о смешанном характере этого говора.

В плане наблюдаемых в говоре исконных лексических дублетов особый интерес представляют названия *зéли* ‘капуста’ и *лáйна* *цурбá* ‘капустный рассол’. Слово *лáйна* следует связывать с болг. *лахана* ‘капуста’. Вообще в болгарском языке известны три названия капусты: *зеле*, *лахана* и *купус*.

Наиболее распространенным и, по-видимому, общеболгарским является представленное в суворовском говоре название *зеле*, так как оно указывается во всех словарях без особых помет (Гер., Чук. б.-р., Рсбке, Берн. II и др.). Слова *лахана* и *купус* являются областными, на что указывают словари (Млад. Етим. и Берн. II.). Слово *зеле* не встретилось в использованных источниках по говорам Болгарии. В них указываются только *купус* и *лахана*. Слово *купус* известно в западной Болгарии (Вак. Без., 44). Слово *лахана* указано в источнике по восточноболгарским говорам (Мил. Особ. прин., Сб. БАН LVI). Вероятно, в этих говорах известно и название *зеле*, о чем свидетельствуют (см. ниже) говоры Советского Союза. В книге Ст. Стойкова (Ст. Ст. Б. д., 40) есть ясное указание на то, что слово *лахана* известно в юго-восточной Болгарии. Кроме того, оно обнаружено в источниках по фракийским говорам (Млад. Тр. сб., 27; Вак. Тр. сб., 70 — *лајнени кошчета*). Таким образом, название *лахана* свойственно юго-восточным говорам Болгарии. По материалам говоров Советского Союза слово *лахана* является характерной чертой говоров фракийского происхождения³⁴. По материалам этих говоров можно судить о диалектной принадлежности и другого названия капусты — *зеле*. Это название известно в северо-восточных и балканских говорах (например, Ш. Твард., Б. Ольш.). Наличие в говоре указанных дублетов с разной диалектной принадлежностью свидетельствует о происходившем в истории говора взаимодействий двух говоров, принадлежащих к разным диалектным группам. То обстоятельство, что дублет *зеле* (сув. *зéли*) служит названием самого растения капусты, а дублет *лахана* (сув. *лајна*) сохраняется лишь во второстепенном значении, а именно в производном от него названии капустного рассола (сув. *лајна чурба*), указывает на то, что в результате взаимодействия указанных дублетов победителем оказался дублет *зеле*.

³⁴ См. Е. В. Чешко. Из итогов второй диалектологической экспедиции. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“. Вып. 2. М., 1952, стр. 83.

В говоре зафиксированы также два названия кукурузы: *мамұл* и *папашоі*. Оба названия в говоре равнодечны. Сами болгары говорят, что и то и другое слово они употребляют одинаково часто. Ср.: *віками* и *папашоі* и *мамұл'*, *какту заварним* — 'кукурузу называют и *папашоі* и *мамұл'*, как придется'. Один из дублетов — *мамұл'* — является, как уже указывалось, исконным для говора. Слово *папашоі* в использованных нами болгарских источниках не было обнаружено, однако оно широко известно в болгарских говорах Советского Союза, причем в большинстве говоров употребляется только одно это название кукурузы. Известно слово *папашоі* в молдавском (Молд.) и румынском языках (Рум.). Это дает нам основание предположить, что указанное слово было заимствовано болгарами Советского Союза из этих языков. Тем более, что слово *папашоі* не встретилось в болгарских источниках, оно известно только в говорах Бессарабии, т. е. в говорах, которые подвергались влиянию молдавского и румынского языков. Казалось бы, у нас есть основание считать дублет названия кукурузы *папашоі* в суворовском говоре заимствованным или из болгарских говоров Бессарабии или непосредственно из молдавского и румынского языков. Однако трудно представить случай заимствования в сравнительно недавнее время суворовскими болгарами названия для известной им, вероятно, с давних пор культуры. На давность существования культуры кукурузы у болгар указывает большое разнообразие названий кукурузы, наблюдаемое в говорах Болгарии (например, у Гер. в ст. *мамулъ* дано 20 названий; Стойков указывает более 22 названий — Ст. Ст. Б. д., 36). Важно также учесть, что во многих говорах Советского Союза сохраняются свои исконные названия кукурузы. Например, в „Атласе болгарских говоров“ картографируются названия: *мамұл'*, *папур*, *кукурұс*, *гәлоб'a*. Важно отметить, что в суворовском говоре есть производное от *папашоі* слово *папашоіник* 'небольшой сарай для стеблей кукурузы'.

Заимствованными среди названий сельскохозяйственных культур являются главным образом названия новых культур,

неизвестных предкам суворовских болгар до их переселения в Россию. Вместе с культурами, которые были введены в производство в основном в годы советской власти, были заимствованы и названия для них. Большую часть заимствованных названий составляют руссизмы; например: *сóя* 'соя', *чум'áза* 'чумиза', *судáнка* 'кормовая трава', *арнаут* — сорт пшеницы. Русское слово *с'áмучка* обозначает в говоре культуру подсолнечника. Заимствовано оно болгарами из разговорного языка русских, в котором оно обозначает, как известно, семя подсолнечника. Культура подсолнечника была известна суворовским болгарам и до их переселения в Бессарабию. Это видно из того, что в говоре сохраняются исконные названия для зерна этой культуры — *с'áми*, для сердцевины — *тýрта* и для стебля — *цангуклéц*, измененное *слъндоглед* (Мич., Чук. б.-р. и др.), последнее в болгарском языке имеет значение самой культуры подсолнечника. Однако раньше, до колхозного строительства, подсолнечник возделывали мало.

Заимствование названия подсолнечника из русского языка, по всей вероятности, объясняется тем, что с началом колхозного строительства посевные площади этой культуры значительно увеличились.

Заимствованным из украинского языка является название сурепки — *рипáк* (Гр. Укр.). Названия сортов винограда — *мускáт* (ср. болг. *мискет*; Чук. р.-б.), *шишлá* и *акирмáнка* были заимствованы, по-видимому, из языка русского и украинского населения Бессарабии. Два последних слова относятся к местным терминам, имеющим распространение на юге Советского Союза.

Заимствованным из румынского языка является слово *máзарвика* (Серьг. р.-рум.); ср. болг. *фий* (Чук. р.-б.). По-видимому, и культура вики была заимствована суворовскими болгарами у румын.

В говоре наблюдаются исконные и заимствованные дублеты названий сельскохозяйственных культур. Хлопчатник в говоре называется своим словом — *памýк* (Берн., II, Чук., б.-р. и др.) и заимствованным из языка русского и украинского насе-

ния Бессарабии — *хлупóк*. Свекла называется *чукундúр* (Берн. II, Чук. б.-р. и др.) и *свиклá*. Слово *хлупóк* не было обнаружено в болгарских источниках. А слово *свиклá* отличается от болгарского *свикло* (*цвекло* — Чук. р.-б.) по форме: сув. *свиклá* существительное женского рода, а болг. *свикло* — существительное среднего рода.

Заемствованные слова *свиклá* и *хлупóк* употребляются главным образом болгарами, имеющими отношение к организации колхозного производства, а именно — к полеводству, основная же масса болгарского населения использует для названия культуры свеклы и хлопчатника исконные слова *чукундúр* и *памýк*.

Особняком стоят слова, не обнаруженные ни в одном из использованных источников. К ним относятся слова: *јелермá* 'турнепс', *казál* 'сорт кормовой травы', *тéрис* — 'сорт черного винограда'. Слово *ўлка* 'сорт яровой пшеницы' было найдено в словаре говора Твардицы (Ш. Твард.), однако происхождение его остается неясным.

§ 3. Названия сельскохозяйственных орудий и машин

В группе слов, связанных с сельскохозяйственными орудиями и машинами, со времени переселения суворовских болгар в Россию произошли заметные изменения. Эта группа слов значительно пополнилась заимствованными названиями, произошли изменения в значении исконных слов, часть их устарела. Исконными среди названий сельскохозяйственных орудий являются названия старых орудий, которые применяли в своем хозяйстве предки суворовских болгар, еще на их родине в Болгарии. В говоре сохраняются исконные названия следующих орудий: 'мотыги' — *чапá*, 'косы' — *кусá*, 'серпа' — *срал*, 'особого серпа для срезания кукурузы' — *тарпáн*, 'вил' — *вýла*, ср. *дрáвина вýла* и *жул'áэна вýла*, 'железной лопаты' — *бел*, 'плуга' — *плук*, 'лемеха' — *пáлешник*, 'старинных орудий для обмолота хлеба' — *дикáн'a* и *армáнски кáман*, 'решета для просеивания зерна' — *дармоn*, 'носилок для пере-

носки соломы' — *márga*, 'водочерпалки' — *дулáp* и др. Некоторые из старых орудий сохранили свой старинный облик. По рассказам местных болгар, остались неизменными: *чапá*, *срал*, *тарпáн*, *дáрмóн*, *márga*, *дикáн'a*, *армáнски кáман*, *дулáp* и некоторые др. Некоторые орудия, однако, были заменены более усовершенствованными, часто уже не кустарного изготовления: *плук*, *вýла*, *кусá*, *бел* и др., но названия для них сохранились прежние. Часть старых орудий употребляется только в индивидуальном хозяйстве колхозников на приусадебных участках. Например: *дикáн'a*, *армáнски кáман*, *срал*, *кутóк* 'деревянное орудие для укатки почвы после посева', *сфр'áдли* 'орудие, которым делаются ямки при посадке кукурузы', *ráлу* 'соха'. Однако суворовские болгары и в настоящее время хорошо знают названия этих орудий, хотя они и являются уже устаревшими в словаре их говора. В недалеком будущем они будут, конечно, забыты. Некоторые из этих названий приобрели новые значения, о чем подробнее будет сказано ниже.

В рассматриваемой группе слов при сравнении с болгарскими источниками обнаружены некоторые особенности в значении отдельных исконных слов. Словом *гриблó* в говоре называют специальное деревянное орудие для сгребания зерна. В словарях оно приводится со значением граблей (Мич., Гер., Чук. б.-р., Берн. II, Б. т. р., Рсбке).

Слово *финéр*, кроме общезвестного значения 'фонарь' (Гер., Мич., Чук. б.-р. и др.), имеет в суворовском говоре значение деревянного колеса в водочерпалке.

Значительное место среди исконных названий сельскохозяйственных орудий занимают областные слова. К ним относятся следующие названия орудий и их частей: *калистíрка* 'небольшая мотыга', *дáрмák* 'грабли', *чапá* 'мотыга', *јáба* 'деревянные вилы с частыми зубьями', *араš* 'деталь водочерпалки', 'дышло', *дингýл* 'ось у колеса машин'. Все перечисленные слова указываются в тех или иных словарях как областные (Б. т. р., Берн. II, Млад. Етим). Большинство указанных слов было обнаружено в диалектологических

источниках. Слова *дингѝл* и *чапá* были обнаружены только в словаре фракийских говоров. У Стойкова (Ст. Ст. Б. д., 38) слово *дингил* указано как юго-восточное. Слово *дартмáк*, кроме фракийских говоров (Вак. Тр. сб., 83), встретилось в балканских (Ш. Твард.). Слово *јáба* встретилось во фракийских (Млад. Тр. сб., 131, Вак. Тр. сб., 80), шуменских (П. Шум), балканских (Ш. Твард.) и ольшанском (Б. Ольш., 60) говорах.

Название *арáш* обнаружено только в словаре шуменского говора (П. Шум). Кроме указанных областных слов, в словаре говора имеется ряд слов, отсутствующих в большинстве или во всех словарях и обнаруженных лишь в диалектологических источниках. Такие слова следует считать, по-видимому, также областными. Например, слова: *тарпáн* 'род серпа' и *рáджилу* 'орудие для обработки конопли', *кутóк* 'старое деревянное орудие для выравнивания почвы после посева', *рок* 'ручка сохи' отсутствуют в словарях, но указываются в диалектологических источниках. Слово *тарпáн* обнаружено во фракийских говорах (Млад. Тр. сб., 165, Вак. Тр. сб., 56) и в говоре Твардицы (Ш. Твард.), *рáджилу* — только в говоре Твардицы (Ш. Твард.), *кутóк* — в ольшанском говоре, *рок* 'ручка сохи', в западноболгарских говорах (СбНУ, XIII, 263) и во фракийских говорах, но в последних со значением 'поперечной палочки у косы' (Вак., Тр. сб., 89).

Слово *сап* 'черенок' (косы, мотыги, лопаты) указывается только в одном из словарей (Гер.) и в источниках по фракийским (Млад. Тр. сб., 169; Вак. Тр. сб. 54, 56) и шуменским (П. Шум) говорам. Название лопаты для копки земли *бел*дается только в Б. т. р., в других словарях оно отсутствует, и встретилось лишь в софийском говоре (П. Соф.)

В плане дублетов с разной диалектной принадлежностью особый интерес в рассматриваемой группе слов представляют названия *пáлишник* 'лемех плуга' и *арáш* 'деталь водочерпалки'; 'дышло'. Представленный в суворовском говоре дублет названия лемеха — *пáлишник* (литературное *палешник*) является самым распространенным в Болгарии названием. Указание на это имеется в статье Хр. Вакарельского, посвященной

исследованию плуга (Вак. Изв. на етн. муз., 83—84). В другой своей статье Хр. Вакарельский указывает, что это название распространено преимущественно в Западной Болгарии (Вак. Б. ез., 40). Из диалектологических источников слово *палешник* встретилось только в источниках по фракийским говорам (Вак. Тр. сб., 59).

Другой дублет названия лемеха плуга — *лемеж* также хорошо известен в Болгарии. Указание на то, что этот термин известен преимущественно в восточной Болгарии, имеется в статье Хр. Вакарельского (Вак. Б. ез., 40). Этот термин встретился нам в источниках по восточноболгарским говорам Советского Союза: Б. Ольш., 60 и Ш. Твард. Термин *ралник*, по указанию Вакарельского, известен главным образом в северо-западной Болгарии (Вак. Изв. на етн. муз., 83—84). Это подтверждается и данными диалектологических источников. Действительно, название лемеха *ралник* встречается в источниках по западным говорам (СбНУ, XIII, 263; СбНУ, VI, Орх.).

Представленный в суворовском говоре дублет названия *дышла араш*, как уже указывалось, является областным. Встретился он в словаре одного из восточноболгарских говоров, шуменского говора (П. Шум). У Стойкова он дается как известный в юго-восточной Болгарии (Ст. Ст. Б. д., 42). Другой дублет названия *дышла процеп* является более известным в болгарских говорах, он встречается и в восточных (П. Шум), и в западных говорах (СбНУ, XIII, 270), на что указывает также Ст. Стойков (Ст. Ст. Б. д., 42).

В рассматриваемой группе слов словаря суворовского говора большое место занимает заимствованная лексика. После переселения в Россию суворовские болгары, приобщаясь постепенно к техническому прогрессу, заимствовали названия для новых орудий труда, главным образом из русского языка. Так, еще в конце XIX — начале XX вв. ими были заимствованы у русских такие орудия и машины, как борона, жатка, сеялка, веялка, а вместе с ними и названия для них и для их частей: *буру́на*, *жатка*, *си́ялка*, *ви́ялка*, *рúчка* 'рычаг жатки',

косугóн — ‘механизм, передающий движение косе жатки’, *јáш’ик* — ‘ящик для семян у сеялки’. Русские слова *борона*, *вейлка* и *сеялка* приобрели в суворовском говоре своеобразное ударение.

Среди названий сельскохозяйственных машин имеется только одно слово, заимствованное, по-видимому, из румынского языка, это — *кантбóнка* ‘сеялка, предназначенная для посева кукурузы’. Позволим себе сравнить сув. *кантбóнка* — сеялка, т. е. машина, при помощи которой семена размещаются, по полю, с румынским *cantona* ‘размещать’ (Рум).

Коренные сдвиги, происшедшие в хозяйстве суворовских болгар в связи с началом колхозного строительства, вызвали в словаре суворовского говора заметные изменения. С введением в хозяйство машинной техники в словаре говора появилось много заимствованных главным образом из русского языка названий для этих новых машин и их деталей. Почти вся лексика, связанная с машинно-тракторной станцией заимствована из русского языка, например: *интијéс*, *кумбáї*, *купнýтел*, *барабáн*, *трáктур*, *матóр*, *капóт*, *гúсеница*, *сенукусýлка*, *трéјер*, *култивáто^ур* и др.

В связи с появлением в хозяйстве новых орудий и машин суворовские болгары стали использовать исконные слова для названия новых предметов. Наблюдается расширение значения исконных слов, приобретение новых значений отдельными названиями старых, вышедших из употребления орудий. Обычно это происходит в том случае, когда новые орудия и их детали похожи по своим признакам или функциям на старые известные суворовским бол гарам орудия и их детали или на какие-нибудь другие известные предметы. Например, название старого орудия — косы — *кусá* служит теперь в говоре названием режущей части комбайна; слово *крилó*, обозначавшее раньше только крыло ветряной мельницы, употребляется теперь для названия крыльев жатки; раньше словом *кавáл* называлась только трубка, теперь им называется и канал у сеялки. Можно привести еще ряд исконных для говора слов, имеющих первоначальные старые и вторичные новые

значения. Например: *платнō* — 1) 'полотно', 2) 'транспортер у комбайна'; *ку́ка* 1) 'крючок' (вязальный), 2) 'зубец у бороны', 3) 'крюк для прицепа машин к трактору'; *ришёту* — 1) 'решето', 2) 'сетка у триера, у веялки'; *кулилō* — 1) 'колесо у телеги', 2) 'колесо у сельскохозяйственных машин'; *динийл* — 1) 'ось у колеса телеги', 2) 'ось у колеса машин' и др. Уменьшительная форма от слова *динийл* — *динийнчи* (из *динилчи*) приобрела новое самостоятельное значение — 'распределитель клапанов у трактора' — по сравнению со значением слова, от которого оно образовано; ср. *динийл* 'ось'. В данном случае наблюдается тенденция приобретения уменьшительными формами слов самостоятельного значения, проявившаяся особенно заметно в бытовой лексике.

Слово *ráлу* обозначало ранее в говоре старое орудие — соха. Теперь соха вышла из употребления, а ее название приобрело новое значение: словом *ráлу* называют небольшой плуг с тремя лемехами, используемый для рыхления почвы под посевами с помощью трактора.

Выводы

1. В разделе производственной лексики словаря суворовского говора со времени переселения его носителей в Россию произошли значительные изменения, связанные с переменами, происходившими в хозяйстве суворовских болгар в течение всей их жизни на территории Бессарабии. Поэтому раздел производственной лексики говора был значительно пополнен заимствованными словами. Произошли изменения и в исконной производственной лексике: многие исконные слова приобрели новые значения, сохранив (чаще) или утратив (реже) свои старые значения, часть исконных названий устарела (*срал*, *ráлу* 'сога', *сфер'айдли*, *дикан'a*, *армански каман*, *кутбók*). Однако указанные изменения не в равной степени отразились в различных отделах производственной лексики. В большей

степени указанные изменения наблюдаются среди названий сельскохозяйственных орудий и машин, в меньшей — среди названий сельскохозяйственных культур. Группа слов, связанных с домашними животными, является наиболее устойчивой в рассмотренном разделе словаря.

2. Большую часть исконной лексики в рассмотренном разделе словаря составляют общеболгарские слова. Однако областные слова в этом разделе занимают более значительное место, чем в рассмотренном ранее разделе бытовой лексики. Представленные здесь областные слова встретились главным образом в источниках по восточноболгарским говорам. Только четыре областных слова (*гадына*, *дэвіска*, *рог* 'ручка (сочи)', *бел*) встретились в западноболгарских говорах. Подавляющее большинство областных слов встретилось в источниках по фракийским говорам (*бугá*, *коч*, *дэвіска*, *пáтка*, *укóна са*, *кавýн*, *карпúза*, *пáшка*, *маálка*, *лáйна*, *мамúл*, *јáба*, *дингýл*, *чапá*, *тарпáн*, *дáрмáк*, *сан*). Несколько слов встретилось в шуменских (*бугá*, *пáтка*, *гадына*, *мамúл*, *јáба*, *шарáш*, *сан*) и балканских (*коч*, *пáтка*, *зéли*, *јáба*, *тарпáн*, *рáджилу*). Три слова встретилось в ольшанском говоре (*зéли*, *јáба*, *кутóк*). Таким образом, в области производственной лексики проявляются наиболее тесные связи говора с фракийскими, шуменскими и балканскими говорами. Слова *пáшка*, *укóна са*, *чапá* и *дингýл* были обнаружены вialectологических источниках только по фракийским говорам. Слово *лаíна* свойственно говорам юго-восточной Болгарии; по материалам говоров СССР, оно является характерным для говоров фракийского происхождения.

3. Наблюдаемые в рассмотренном разделе исконные для говора дублеты: *пáшка* — *кустылка*, *лаíна* — *зéли* свидетельствуют о происходившем в истории говора взаимодействии двух говоров с разными диалектными основами.

4. В рассмотренном разделе наблюдается мало особенностей в значении исконных слов (*гýша* 'бородка' (у петуха), *кабá* — 'сорт сладкого лука', *финéр* 'деревянное колесо у водочерпалки' и некоторые другие).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Б. Ольш. — Бунина И. К. Лексический состав говора ольшанских болгар. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 3. М., 1953.
- Берн. I. — Бернштейн С. Б., Луканов Т. С., Тинева Е. А. Болгарско-русский словарь. М., 1947.
- Берн. II — Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953.
- Б. т. р. — „Български тълковен речник с оглед към народните говори“, т. I, св. I—XII (А—К). София, 1951.
- Вак. Б. ез. — Вакарелски Хр. Народните земеделски термини у българите и тяхното историческо значение. „Български език“, I. София, 1956.
- Вак. Изв. на етн. муз. — Вакарелски Хр. Из веществената култура на българите. I. Рало „Известия на народния етнографски музей в София“. Год. VIII—IX. София, 1929.
- Вак. Сб. БАН — Вакарелски Хр. Изрази за примамване и отпълъждане на нѣкои домашни животни. Сб. БАН, кн. XXXI, клон. ист.-фил., кн. 17. София, 1937.
- Вак. Тр. сб. — Вакарелски Хр. Бит на тракийските и малоазийските българи. „Тракийски сборник“, кн. V. София, 1935.
- Гер. — Геров Н. Речник на българский языкъ, тт. I—V. Пловдив, 1895—1904.
- Гр. укр. — „Словарь украинского языка“. Под редакцией Б. Д. Гринченко, тт. I—IV. Киев, 1907—1909.
- Дюв. — Дювернуа А. Словарь болгарского языка. М., 1885—1889.
- Мар. Градиво — Маринов Д. Градиво за веществената култура на Западна България. СбНУ, XVIII, 2. София, 1901.
- Мил. Особ. прин. — Милетич Л. Особен принос към речника и фразеологията на източно-български народи. Сб. БАН, LVI. София, 1937.
- Мич. — Мичатек Л. А. Дифференциальный болгарско-русский словарь. СПб., 1910.
- Млад. Етим. — Младенов Ст. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
- Млад. Тр. сб. — Младенов Ст. Словарь, приложенный к статье в „Тракийском сборнике“, кн. VI. София, 1936.
- Молд. — „Русско-молдавский словарь“. Кишинев, 1949.
- Орх. — Орханийский говор.
- П. Соф. — Попиванов Г. Софийский говор. Речник. Сб. БАН, кн. XXXIV. София, 1940.
- П. Шум — Попиванов Г. Особенности на шуменский говор. Речник. Сб. БАН, кн. XXXIV. София, 1940.
- Ребке. — „Речник на съвременния български книжовен език“, св. 1—3. София, 1954—1955.
- Рум. — „Румынско-русский словарь“. М., 1953.
- СбНУ — „Сборник за народни умотворения“.
- Серг. р.-рум. — „Русско-румынский словарь“. Под редакцией М. В. Сергиевского и К. А. Марцишевской. М., 1940.
- Ст. Ст. Б. д. — Стойко Стойков. Българска диалектология. 2-е изд., София, 1954.
- Чук. б-р — Чукалов С. Пълен българско-русски речник. София, 1947.
- Чук. р-б — Чукалов С. Русско-български речник. 5-е изд. София, 1951.
- Ш. Твард. — Швецова Т. В. Словарь говора Твардицы МССР. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 2. М., 1952.

А. Н. ЗЕЛЕНИН

Проф. Стойко Стойков. Българска диалектология.
За I курс на учителските институти.
Второ поправено издание. София, Държавно издателство
„Народна просвета“, 1955, 95 стр.

Летом 1955 г. в Болгарии вышло в свет второе издание книги Стойко Стойкова „Болгарская диалектология“. Автор ее — профессор Софийского университета — один из крупнейших в Болгарии специалистов в области фонетики и диалектологии. Им написан целый ряд работ по вопросам болгарского литературного произношения, взаимоотношения болгарских говоров и литературного языка. Общее признание получила его книга „Указатель опубликованных материалов по болгарской диалектологии“¹. Большой интерес представляют вышедшие в последние годы: „Введение в болгарскую фонетику“² и рецензируемая „Болгарская диалектология“, первое издание которой появилось в 1953 г.

Второе издание книги мало отличается от первого; в нем незначительно расширены лишь некоторые разделы, в частности введение, главы о юго-восточных и о западных говорах.

Значительно расширены и переработаны по сравнению с первым изданием приложения к книге: увеличено количество диалектных текстов, причем большинство текстов заменено новыми, дан словарь редких слов.

¹ Ст. Стойков. Показалец на обнародваните материали по българска диалектология. София, 1937.

² Ст. Стойков. Увод в българска фонетика. София, 1955.

Книга состоит из четырех разделов: „Введение“, „Фонетическая система... , ...грамматический строй и словарный состав болгарских диалектов“, „Обзор болгарских территориальных диалектов“, „История болгарской диалектологии“, Последний, четвертый раздел книги, к сожалению, занимает всего лишь две страницы.

Во введении автор определяет предмет и задачи диалектологии. Объектом изучения диалектологии, указывает автор, являются „диалекты, т. е. все те языковые явления, которые не входят в литературный язык“ (стр. 3). При этом Ст. Стойков дает следующее определение: „Диалект — это такая языковая единица — разновидность общенародного языка, которая является средством непосредственного общения известного большего или меньшего коллектива, территориально или социально ограниченного, и которая характеризуется относительным единством своей языковой системы“ (стр. 3).

Диалектологию автор делит на историческую и описательную, правильно отмечая, что между ними нельзя провести резкой границы и что полное изучение и описание современного состояния диалектов данного языка невозможно без исторического взгляда на их развитие.

В самых общих чертах он останавливается на практическом значении болгарской диалектологии, указывая, что знание болгарских диалектов необходимо для учителей не только сельских, но и городских школ. Основную задачу учителя болгарского языка автор книги видит в привитии своим ученикам навыков правильного употребления болгарского литературного языка в его письменной и устной формах, в повышении языковой культуры учеников. В нескольких словах Стойков дает будущим преподавателям языка методические указания.

Во введении специально выделяется вопрос о различных пониманиях диалекта и дается краткий критический обзор различных точек зрения по этому вопросу, начиная с античной эпохи и кончая современностью; критикуется взгляд на диалект как на „испорченный“ литературный язык и осу-

ждается понимание диалекта как проявление „чистого народного духа“. Совершенно правильно автор считает ненаучным взгляд на диалект как на географически замкнутую единицу. Однако здесь есть одно, на наш взгляд, немаловажное упущение: автор не указывает, для кого из лингвистов характерны те или иные взгляды, с какими именами связано то или иное толкование диалекта. Лишь в одном случае он упоминает имена Н. Рильского и Хр. Павловича.

Ст. Стойков дает очень краткую характеристику лингвистической географии.

Во введении имеется глава „Диалекты в различных общественно-экономических формациях и развитие болгарских диалектов“. Эта глава составлена автором из двух глав первого издания: одной более общей, посвященной происхождению и развитию диалектов вообще, и другой, в которой рассказывалось отдельно об образовании и развитии болгарского языка. Это объединение имеет несколько искусственный характер.

Ст. Стойков выдвигает предположение, что в раннюю эпоху „южнославянские племена, жившие в восточной и южной частях Балканского полуострова, развили в своих диалектах некоторые особенности, которые позднее легли в основу языка болгарской народности“ (стр. 13). Однако вследствие отсутствия необходимых языковых данных эта мысль остается неподтвержденной.

Весьма своеобразен и заслуживает внимания и изучения взгляд автора на образование болгарского национального языка. Стойков пишет: „Болгарский национальный язык вырастает на основе центральных балканских говоров, но он не является каким-то одним центральным балканским говором, например, тырновским, как неправильно утверждают, или габровским, поднятым до национального языка. Территория центральных балканских говоров, т. е. область по обеим сторонам Средней Старой планины и Средней горы, в эпоху формирования болгарской нации играла ведущую роль в экономической и культурной жизни, поэтому-то центральные балкан-

ские говоры лежат в основе болгарского национального языка" (стр. 18—19).

С такой точкой зрения нельзя не согласиться, так как положение, выдвигаемое Стойковым, соответствует, на наш взгляд, действительному положению вещей, хотя оно требует дополнительной разработки.

Один из последних параграфов этой главы посвящен вопросу о соотношении болгарского национального языка и болгарских диалектов. Совершенно правильно отметив, что „отношение между национальным (литературным) языком и территориальными диалектами не является отношением между двумя языковыми системами, а представляет собой отношение между одной более обработанной формой и другой — менее обработанной“ (стр. 19), Стойков указывает на целый ряд различий между ними. Для национального языка характерен более богатый словарь. В нем много новых слов, которые связаны с развитием науки, техники, с искусством, общественно-политической жизнью. Словарь говоров в этом отношении менее богат.

Стойков указывает на различия в области фонетики. Он пишет, что в национальном языке не встречаются даже такие фонетические особенности, характерные для центральных балканских говоров, как редукция гласных *a*, *e*, *o* в безударном положении, чередование *a/e* перед мягким согласным (например, *шéпки* вм. *шáпки*), мягкость согласных в конце слова (*път'*, *сол'*, *кон'*) и пр.

Отличия имеются и в грамматическом строе национального языка: формы деепричастий на *-ейки*, *-айки*, заимствованные из западных и македонских говоров, формы действительных причастий на *-ац*, *-ещ* и страдательных причастий на *-м*, возникшие под влиянием русского языка.

Вводный раздел заключают две небольшие главы „Методы изучения диалектов“ и „Фонетическая транскрипция“. В первой автор описывает, как собираются диалектологические материалы путем личных наблюдений и путем составления вопросников и анкет. Попутно автор упоминает здесь о „Про-

грамме изучения болгарских народных говоров³, составленной профессором Б. Цоневым в 1900 г.³ и о „Кратком осведомительном вопроснике для изучения болгарских территориальных говоров“, разработанном профессором Ст. Стойковым. К сожалению, автор не анализирует характер вопросов, которые ставятся в обеих программах, ничего не пишет о различиях, имеющихся между этими программами.

Что касается фонетической транскрипции, принятой профессором Стойковым, то к ней можно сделать лишь несколько частных замечаний. Так, в ней, например, отсутствует знак для обозначения полумягких согласных в то время, как в целом ряде восточных говоров перед гласными переднего ряда согласные произносятся полумягко, о чем сам автор пишет на стр. 31. Не совсем правомерно было бы, нам кажется, вводить специальный знак для твердого л, которое, по утверждению автора, встречается в некоторых восточных говорах. Спорным, на наш взгляд, является обозначение редукции гласных. Нагляднее было бы принять другое обозначение неполной редукции: писать справа над редуцированным гласным маленькую букву, указывающую на характер редукции, например, вместо *зелено* писать *зе"лено*, вместо *вода* — *во"да* и т. д.

Во втором разделе рецензируемой книги дается общий обзор фонетической системы, грамматического строя и словарного состава болгарских диалектов. Автор начинает раздел с описания наиболее характерных черт грамматического строя болгарского языка и затем дает несколько глав о диалектных различиях.

Наиболее ярко проявляются различия между диалектами болгарского языка в фонетике, особенно в области вокализма. В первую очередь автор отмечает, что говоры болгарского языка различаются между собой уже по количеству гласных.

³ „Программа за изучаване на българските народни говори“ от проф. Б. Цонев. „Сборник за народни умствования“, кн. XVI—XVII. 1900, стр. 880—911.

Профессор Стойков отмечает общую тенденцию в развитии гласных в говорах болгарского языка — уменьшение их количества. Так, вместо 11 гласных, имевшихся в древнеболгарском языке, количество их в современных болгарских диалектах колеблется от восьми-девяти до пяти. Например, пирдопский, ботевградский, самоковский, кюстендилский говоры характеризуются наличием всего пяти гласных: *и, е, а, о, у*; по шесть гласных (*и, е, а, о, у, ѿ*) — в большинстве диалектов восточной Болгарии; девять гласных (*и, е, а, о, у, ѿ, ь, ы, є*) — в коларовградском (бывш. шуменском) говоре и т. д. Стойков отмечает также различие и в характере гласных: в некоторых говорах, пишет он, встречаются такие гласные, которых не знают ни литературный язык, ни большинство других говоров. К числу таких особенных гласных относятся *ö* (*о* — широкое), характерное для смолянского говора, *ы*, характерное для говора павликян, живущих близ Пловдива, *ê* (*е* — широкое) в тетевенском говоре.

После этих общих замечаний автор останавливается на истории носовых, еров (*ъ* и *ъ*) и *ѣ* в различных говорах болгарского языка. Он уделяет внимание и вопросу о редукции безударных гласных и делит все говоры Болгарии по характеру редукции на четыре группы: говоры с полной редукцией, неполной, частичной и говоры без редукции.

Диалектные различия в области консонантизма менее значительны, чем в области вокализма. Здесь автор останавливается на палатальных согласных, на *х* и *ф*. Говоря о палатальных согласных, существование которых, по свидетельству Стойкова, является характерным признаком звуковой системы болгарских говоров, автор пишет, что в ряде говоров и в литературном языке палатальные согласные встречаются только в середине слова перед гласными заднего ряда (*сп'ъ, люл'ът, т'ут'ун, пол'ана, Кóл'o*, но *път, кон, сол, болка*). В других говорах, однако, встречаются палатальные согласные не только в середине слова, но и в конце. Их Стойков считает более архаичными по сравнению с говорами, имеющими в конце слова только твердые согласные.

Совсем коротко Стойков пишет о судьбах сочетаний *ър*, *ъл*, *ръ*, *ль* и об ударениях. Он делит говоры по ударению на две группы. В первую входят северо-восточные говоры; аналогичные ударения имеет и литературный язык. Вторая группа, в которую включаются говоры юго-восточной и западной Болгарии, характеризуется ударением более архаического типа: *сéло, нéбо, дéброво, рéбрó, рéбра, сéла, младá, младó, младí, големá, големó, големí, плéта, стбíй, чéта, мíта* и т. д.

Переходя к главе „Диалектные различия в морфологии“, Стойков пишет: „Диалектные различия в области морфологии включают в себя вторичные особенности, потому что, как уже отмечалось, болгарские диалекты разделяют все наиболее характерные особенности болгарской морфологической системы“ (стр. 32). В число этих особенностей автор включает остатки старых падежных форм, различия, имеющиеся в членных формах, небольшие различия в причастиях. К „другим морфологическим особенностям в болгарских диалектах“ он относит окончания 1-го лица единственного и множественного числа настоящего времени глаголов I и II спряжения, окончания множественного числа многосложных существительных мужского рода, окончание *-ше* для 1-го лица единственного числа имперфекта, форму винительного падежа личных местоимений 3-го лица мужского и среднего рода *-и*.

Глава о диалектных различиях в области синтаксиса занимает одну страницу. Здесь автор ограничивается общим замечанием о том, что диалекты „сохраняют архаический синтаксис эпохи, которая предшествует образованию литературного языка“ (стр. 35), и отмечает лишь две синтаксические особенности в диалектах: одну — в построении простых предложений, связанную с местом кратких форм личного местоимения *и* отрицательной частицы *не*, другую — в сложных предложениях, касающуюся связи подчиненного предложения с главным при помощи наречия *дето* вместо местоимения.

Вопросу о диалектных особенностях в области лексики Стойков уделяет значительно больше внимания, чем различиям в области морфологии и синтаксиса. Автор не ограни-

чивается кратким описанием современного словаря болгарских говоров, он также пытается дать читателям представление об истории отдельных слов.

Заслугой автора является то, что он особо останавливается на географическом распространении диалектных слов. Хотелось только, чтобы этот вопрос рассматривался на значительно большем числе примеров.

В этой главе Стойков приводит такие слова, которые употребляются в других славянских языках и встречаются в ряде болгарских говоров, но отсутствуют в болгарском литературном языке. Например: *ногá* (*крак*, софийский говор, самоковский говор и др.), *дéтел* (*кълвач*, коларовградский говор), *у́лíпка* (*усмивка*, тетевенский говор) *кúзн'a* (*ковачница*, смолянский говор) и другие (стр. 39).

Стойков указывает на отдельные слова, которые были известны в древнеболгарском языке и встречаются в говорах современного болгарского языка: *ланíта* — Родопы, Фракия; *ни́не* — Котел, Коларовград, Елена; *róпам* — Сливен; *вéште* — Коларовград и др. Приводятся также слова, заимствованные из греческого и турецкого языков.

Касаясь вопроса о новых словах в болгарских диалектах, Стойков указывает на два процесса, которые происходят сейчас в словаре говоров: первый — употребление новых слов, связанных с новыми формами обработки земли и новой формой организации труда, например, *текезесé*, *кооператíвно*, *стопáнство*, *кооперáтор*, *стопанéр*, *бригадá*, *бригадíр* и другие, и второй — „переосмысление некоторых слов в связи с большой дифференциацией производства, возможной в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах“ (стр. 41). В новом значении стали употребляться такие слова, как *воло-вár* ‘член бригады, работающий на волах и ухаживающий за волами’, *телчár* ‘человек, наблюдающий за телятами’, и т. д.

В конце главы Стойков показывает, что в говорах встречается „много слов, которые обозначают понятия, отсутствующие в литературном языке“ (стр. 42), например, *прогóн* ‘тропинка между двумя нивами’, *плаф* ‘белобрысый’, *тлак* —

'речной нанос' и другие, а также слов, интересных по своему образованию, например, *драгбвник* 'любовник', *гáля* 'любить', *еднорáмци* 'ровесники' и др. Автор здесь допускает, на наш взгляд, не совсем точное выражение, почему-то утверждая, что такие понятия, как 'тропинка', 'белобрысый', 'речной нанос' и другие отсутствуют у лиц, владеющих литературным языком.

В начале третьего раздела, который посвящен обзору территориальных диалектов, Стойков уделяет большое внимание попыткам классификации болгарских говоров. Это очень трудный вопрос, тем более, что болгарские говоры всесторонне еще не изучены. Стойков классифицирует диалекты по произношению *ѣ* и *ъ*. Отметив, что обе классификации не вызывают сомнений, автор указывает на их существенный недостаток, заключающийся в том, что границы говоров, устанавливаемые в соответствии с этими классификациями, не совпадают с их границами по другим явлениям.

Описание диалектов Стойков начинает с группы восточных говоров. Вначале он перечисляет целый ряд явлений, распространение которых, как указывает автор, не совпадает с границей говоров, установленной по произношению *ѣ*; эти черты свойственны большинству говоров, но не всем.

Первая особенность восточных говоров — это редукция безударных гласных *а*, *е*, *о*, характерная, по свидетельству Стойкова, для большинства северо-восточных говоров. Широкое распространение получила в восточных говорах членная форма *ъ*. „Но и она, — пишет автор, — не охватывает всех говоров. Так, например, в архаических говорах Дунайской равнины употребляется членная форма *-о* (*кракъ, търбъ, носъ*)“ (стр. 47).

Мена юсов, переход *а* в *е* по аналогии с чередованием на месте *ѣ*, мягкость согласных, группы *шт* и *жд* и другие менее важные черты Стойков также считает характерными для этой группы говоров.

Далее автор переходит к характеристике двух основных подгрупп восточных говоров, главным различительным признаком которых является произношение *ѣ*. Помимо этого, се-

веро-восточным говорам свойственна более сильная редукция безударных *a*, *e*, *o*, произношение *ъ* в окончаниях существительных женского рода (*гурѣ*, *рѣкѣ* и т. д.), окончание *-ете* в повелительном наклонении во множественном числе, окончания в аористе: *-ох*, *-охме*, *-охте*, *-оха*.

К основным признакам юго-восточных говоров Стойков относит: отсутствие чередования на месте *ѣ*, сильную мягкость согласных во всех положениях, сильную мягкость *ж*, *ш*, *ч*, отсутствие аффрикаты *дж* (*жам*, *жоп*). В области морфологии юго-восточные говоры отличаются от северо-восточных большим количеством остатков старых падежных форм, окончанием *-ите*, вм. *-ете* в повелительном наклонении (*молите*, *речите*, *служите*).

Северо-восточные говоры Стойков делит на мизийские и балканские, а юго-восточные — на рупские и родопские. После кратких общих характеристик этих групп говоров он несколько подробнее останавливается на отдельных говорах. Из северо-восточных он выделяет центральный балканский говор, охватывающий районы Ловеча, Трояна, Габрова, Севлиева и т. д. Переселенцы из этих районов, по свидетельству Стойкова, полностью заселили районы Тырнова, Горной Оряховицы. Кроме центрального балканского говора, автор останавливает внимание на Котелском, Сливенском, Панагюрском, Пирдопском и Тетевенском говорах. По непонятным причинам отсутствует хотя бы краткое описание Коларовградского говора, обладающего многими интересными чертами, которые отличают его от других говоров.

В группе юго-восточных говоров Стойков несколько подробнее освещает северные и южные фракийские, странджанские, смоленский, хвойненский, чепинский, павликянский и широколыцкий говоры.

Для западных говоров Болгарии в области фонетики характерным является отсутствие редукции безударных гласных, сильная мягкость согласных *л* и *н* и согласных *т* и *д*, которые в известных случаях переходят в *к'*, *г'* (*зéл'e*, *сýрен'e*, *орáн'e*, *цвéк'e*, *ливáг'e*) и др.

Из морфологических особенностей наибольший интерес представляет употребление окончания *-м* в 1-м лице единственного числа для глаголов I и II спряжений (*четём, орём, пишём, мблим*) и окончания *-ме* в 1-м лице множественного числа этих глаголов, окончание *-е* во множественном числе многосложных имен существительных мужского рода и причастий (*другáре, оффáре, реклé, намéриле* и т. д.), отсутствие действительных причастий от основ настоящего времени несовершенного вида на *-л*, отсутствие родительно-винительных форм одушевленных имен существительных (*кáжи на Ивáн, дай на Пётко*).

Западные говоры профессор Стойков делит на северо-западные (белослатинский говор и видинско-ломский) и юго-западные (ботевградский, софийский, самоковский, станкедимитровский и кюстендилский говоры). Основными признаками, отличающими северо-западные говоры от юго-западных, являются ѣ на месте ж и ъ (эъп, ръкá, кѣшта, дѣш и др.) и членная форма мужского рода -ѣ (снегѣ, дѣждѣ, мѣсеца, грѣзда), в то время как в юго-западных в первом случае будет *-а* (пат, маш, рака, даши и др.), а во втором *-о* (крако, носо, мосто, столо).

В конце рассматриваемого раздела находим небольшую главу о болгарских говорах за пределами Балканского полуострова. В ней рассказывается лишь об истории переселения болгар в Банат и в Россию без характеристики говоров этих болгар.

В заключительном разделе книги Ст. Стойков кратко характеризует задачи, которые стоят перед болгарскими диалектологами, и называет имена отдельных ученых, занимавшихся исследованиями в области болгарской диалектологии, и их наиболее крупные работы.

Таково содержание рецензируемой книги.

Оценивая в целом „Болгарскую диалектологию“ профессора Стойкова, необходимо, прежде всего, исходить из того, что она является не монографическим исследованием, а учебным пособием, в котором основные разделы диалектологии

должны быть понятно изложены для читателя. И можно сказать, что книга профессора Стойкова, в основном, отвечает предъявляемым к ней, как учебнику, требованиям. В ней обобщен и приведен в систему большой материал, имеющийся по болгарской диалектологии; в ней используются многие монографические исследования, выдвигается ряд интересных положений, о которых говорилось выше.

Следует также подчеркнуть, что эта книга является первым опытом учебного пособия по болгарской диалектологии, а поэтому в ней имеются отдельные неизбежные недочеты, которые частично уже отмечались. Несомненно и то, что большую часть недочетов следует отнести за счет недостаточной изученности болгарских говоров. К сожалению, лингвисты, занимавшиеся изучением болгарских диалектов, останавливались преимущественно на звуковой системе говоров, на диалектных различиях в области фонетики. Вопросы морфологии, синтаксиса и лексики говоров обычно выпадали из поля их зрения.

Профессор Стойков в какой-то мере отступает от этой традиции. В своей работе диалектолог он больше своих предшественников уделяет внимание изучению словарного состава говора. В данной книге целая глава посвящена диалектным особенностям в лексике.

Однако при анализе отдельных диалектов в следующем разделе книги автор не упоминает об их словарных особенностях. Перечисляя особенности того или иного говора, Ст. Стойков ограничивается в основном звуковой системой и в редких случаях указывает на морфологические черты говора.

Особенности в области морфологии по отдельным говорам представлены в книге лучше, чем различия в словаре, однако и здесь Ст. Стойков ограничивается лишь тем, что указывает на области распространения таких общеизвестных признаков, как членные формы, особенности в окончаниях 1-го лица единственного и множественного числа глаголов I и II спряжения и т. д. Целый ряд не менее важных, на наш взгляд,

грамматических различий между отдельными говорами почти не находит отражения в книге.

Например, формы местоимений 1-го лица ед. ч. *аз* и *йа*; 1-го лица мн. ч. *ние* и *мие*; 3-го лица ед. ч. *той* и *он* и многие другие.

Нам кажется, что в данном пособии не следовало бы останавливаться на социальных диалектах. Эти проблемы, в каком-то смысле очень важные, не имеют отношения к науке о территориальных болгарских диалектах. Несомненно, социальная диалектология — важная отрасль лингвистики, но у нее совершенно иная проблематика и свои самостоятельные задачи.

Говоря о предмете диалектологии, стоило бы показать отношение диалектологии к другим разделам лингвистики, например к вопросам культуры речи, и к отдельным историческим дисциплинам, например к археологии, этнографии. К сожалению, не находят в книге отражения и вопросы взаимоотношения диалектов с болгарским литературным языком. Для будущих учителей было бы очень важно показать влияние болгарского литературного языка на разные диалекты, так как перед большинством из них стоит задача обучения литературному языку учеников, говорящих на одном из говоров.

Следует также отметить, что автор уделяет мало внимания методической стороне, он ограничивается лишь одним указанием в начале книги на значение изучения диалектологии для преподавателей, в то время как на эту сторону следовало бы обратить большее внимание в процессе изложения самого материала.

Жаль, что в книге сообщается очень мало сведений из истории болгарской диалектологии.

Хотелось, чтобы автор при подготовке следующего издания книги сделал на основании имеющихся материалов некоторые обобщения. В частности, следует, по нашему мнению, осветить в книге вопрос влияния диалектов друг на друга, показать, как распространены те или иные варианты форм по

территории Болгарии, и на этой основе указать на тенденции, намечающиеся в развитии языка.

Следует сделать два замечания относительно текстов, помещенных в конце книги. Во-первых, тексты очень однобразны по своему содержанию: это или, чаще всего, записи произведений устного народного творчества, или записи текстов на бытовые темы. Записи диалогической речи почти нет, поэтому судить о некоторых синтаксических особенностях говора, об употреблении глагольных времен в говоре трудно. Во-вторых, автор совершенно не указывает, когда, у кого и кем записан тот или иной текст, а этот вопрос имеет очень важное значение. Кстати, в издании 1953 г. отмечалось все это, а здесь по непонятным причинам опущено.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ст. Стойков.</i> Говор села Твырдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР)	3
<i>В. К. Журавлев.</i> Говор села Криничное (Чешма—Варуита) (продолжение)	64
<i>Э. И. Зеленина.</i> Словарный состав суворовского говора (продолжение)	86
<i>А. Н. Зеленин.</i> Проф. Стойко Стойков. Българска диалектология	106

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Ведущий редактор Г. А. Лескис
Технический редактор О. М. Гуськова

РИСО АН СССР № 58-78В. Сдано в набор 9/V 1958 г. Подписано к печати 20/VIII 1958 г.
Формат бумаги 60 × 92 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 7,5 (7,5). Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 1700 экз. Т-07473.
Издат. № 2178. Тип. зак. № 709. Цена 3 р. 50 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

30285.00